Юрий Сушко

АНАЛИЗИРУЯ ЛИЧНОСТЬ БАНДЕРЫ, ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ СЛОВНО НА МИННОМ ПОЛЕ, ГДЕ КАЖДЫЙ НЕОСТОРОЖНЫЙ ШАГ, БЕСПЕЧНО БРОШЕННОЕ СЛОВО ГРОЗИТ НЕПОПРАВИМЫМ

КАКОВО ИСТИННОЕ ЛИЦО ЭТОГО НЕПРОСТОГО, ОКУТАННОГО ПАУТИНОЙ МИФОВ ЧЕЛОВЕКА?..

ЧЕМ ГРОМЧЕ ИМЯ, ТЕМ ЯРОСТНЕЕ ШКВАЛ ОБВИНЕНИЙ

УКРАЇНСЬКЕ ВІЙСКО

Я убил Степана Бандеру!..

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В мартирологе великомучеников и национальных героев современной Украины Степану Бандере отведено место самого главного борца против советской власти, большевизма и «клятых москалей». Его как лидера украинских националистов выдают за неукротимого антифашиста и не менее страстного антикоммуниста. Оппоненты столь же безапелляционно клеймят Бандеру как «бесноватого украинского фюрера» и «кровавого палача». Кто прав? Каково было истинное лицо этого очень непростого, упрямого и загадочного человека, окутанного паутиной мифов?..

Автор настоящей книги пытается воссоздать подлинную историю жизни и гибели Степана Бандеры, до умопомрачения влюблённого то ли в Украину, то ли в себя самого. Параллельно он рассказывает о Богдане Сташинском, ликвидаторе, некогда завербованном КГБ…

- Юрий Михайлович Сушко
  - Предисловие
  - Западный Берлин. 13 августа 1961
  - Западная Украина. Начало XX века
  - «Высвобождение беса…»
  - Карлсруэ, Федеральная судебная палата. 8 октября 1962
  - Дни открытых убийств
  - Западный Берлин. 13 августа 1961
  - Тридцать злотых, или Тридцать сребреников
  - Варшава, Медовая улица. 18 ноября 1935
  - Львов. 25 мая — 26 июня 1936
  - Взрыв в Роттердаме
  - «Красный день календаря…»
  - «Только в войне видим своё спасение…»
  - Заксенхаузен, бункер «Целленбау» — «Героям слава!»
  - Москва, Государственный Комитет Обороны
  - Будни без праздников
  - В свободном поиске
  - В ожидании «чумы»
  - Сентябрь 1962
  - «Святая троица» и «двойкари»
  - Москва, ЦК КПСС. Июнь 1956
  - Весна 1957
  - Мюнхен, январь 1957

- Москва, Кремль. Июль 1957
- Берлин — Мюнхен — Берлин. Июль — октябрь 1957
- Западный Берлин. 15 августа 1961
- Мюнхен. Октябрь 1957
- Москва — Берлин — Москва
- Москва, Комитет государственной безопасности. Март 1958
- Роттердам. Май 1958
- Западная Германия — Москва. 1959
- Мюнхен. 15 октября 1959
- Мюнхен, кладбище Вальдфридхоф. 20 октября 1959
- 1959–1961
- Москва — Восточный Берлин. 1 августа 1961
- ГДР, Дальгов. 12 августа 1961
- Карлсруэ, 8 октября 1962
- Внутренняя тюрьма. 9 октября
- Кафе «Кунст-унд». 12 октября
- Внутренняя тюрьма. 13 октября
- Зал судебных заседаний. 15 октября 1962
- Зал судебных заседаний. 19 октября
- «Живут и умирают человеки…»
- Литература

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Юрий Михайлович Сушко
Я убил Степана Бандеру

Предисловие

В мартирологе великомучеников и национальных героев современной Украины Степану Бандере отведено место самого главного борца против советской власти, большевизма и «клятых москалей». Его именем на Украине сегодня названы улицы, в его честь установлены памятники, о нём с пиететом пишут в нынешних школьных учебниках истории, выдавая лидера украинских националистов за неукротимого антифашиста и не менее страстного антикоммуниста.

Оппоненты столь же безапелляционно клеймят Бандеру как «бесноватого украинского фюрера», «кровавого палача», «карлика-убийцу», «людоеда». Заодно успешно взрывая те самые памятники.

Кто прав? Каково было истинное лицо этого очень непростого, упрямого и загадочного человека, окутанного паутиной мифов?..

Многие персонажи украинской истории в общественном сознании, к сожалению, нередко ассоциируются с личностями беспринципными, алчными, кровожадными, способными на всё ради достижения собственных целей.

Чем громче имя, тем яростнее шквал обвинений в его адрес. Иван Мазепа (тут же услужливая память готова подсказать — «презренный предатель»), Симон Петлюра («конченый убийца»), Нестор Махно («упырь-анархист»), Владимир Винниченко («историческое недоразумение»), Богдан Хмельницкий («холуй Москвы»)…

Вряд ли стоит продолжать перечень этих героев, тем более что из него просто **выламывается** такая неодномерная, противоречивая и яркая фигура, как Степан Бандера.

Дружный хор воспевает ему осанну, награждая титулами пламенного патриота, героя, отца нации, солнца, символа и знамени Украины (недаром же слово «бандера» в переводе с латыни как раз и означает «знамя», «флаг», «прапор» и пр.). В старину на Галичине банд ерами называли знаменосцев.

Оппоненты низвергают «национальный штандарт» к кровавым стопам Гитлера. Они иначе трактуют этимологию фамилии Бандера, утверждая, что она, скорее всего, происходит от немецкого Banditen, что в переводе не нуждается. А кое-кто советует перечитать Киплинга с его бандерлогами. Третьи напоминают: «бандера» на идиш означает «притон».

Многоцветная палитра мнений свидетельствует, что уж

посредственностью Степан Андреевич Бандера ни в коем случае не был. Иначе не возникало бы вокруг него столько яростных, жарких споров и дискуссий, даже в наши дни доходящих до реальных взрывов, жертв, кровопролития.

Автор никоим образом не стремится к реабилитации лидера украинских националистов. Равно как и к тому, чтобы в очередной раз предать его анафеме. Единственным и искренним есть желание воссоздать подлинную историю жизни и гибели Степана Бандеры. До умопомрачения влюблённого то ли в Украину, то ли в себя самого, восседающего на её троне…

Но если всё же согласиться с тем, что Бандера есть знамя украинского народа, а дела и идеи его — библия нации, то, к сожалению, становится ясно, отчего европейцы с опаской присматриваются к загадочной державе Украина, претендующей на членство в аристократическом ЕС.

Вольнодумец Вольтер, размышляя об Украине, в своё время писал: «Это земля запорожцев — самого странного народа на свете. Это шайка русских, поляков и татар, исповедующих нечто вроде христианства и занимающихся разбойничеством; они похожи на флибустьеров… Плохое управление погубило здесь то добро, которое природа пыталась дать людям…»

Анализируя личность Степана Бандеры, чувствуешь себя словно на минном поле, где каждый неосторожный шаг, беспечно брошенное слово грозит непоправимым.

Простите грешного…

Автор

Западный Берлин. 13 августа 1961

— Позвольте вас спросить, почему от вас так отвратительно пахнет?

Шариков понюхал куртку озабоченно:

— Ну, что же, пахнет… известно. По специальности. Вчера котов душили, душили…

Михаил Булгаков. Собачье сердце

— …My name is Bogdan Stashinsky. I am agent of KGB, — медленно, старательно выговаривая каждое слово, чуть запинаясь, с жутким акцентом, произнёс молодой человек, не отводя глаз от лица дежурного сержанта отделения американской военной полиции в Западном Берлине. Потом повторил всё сказанное по-немецки, а затем ещё раз, на всякий случай, по-русски: — Меня зовут Богдан Сташинский. Я являюсь агентом КГБ… — После небольшой паузы он добавил: — Два года назад по заданию Москвы я убил в Мюнхене Степана Бандеру. Вы меня поняли?

— Stop! Stop! — наконец отреагировал сержант Бентли, вскакивая со стула. — Stop! Повтори ещё раз и помедленнее, кого ты там убил?!

Осипший голос молодого человека окреп.

— Я убил Степана Бандеру, лидера организации украинских националистов. — Богдан взглянул на свою спутницу, которая следом за ним тихой мышкой проскользнула в тесный кабинет дежурного, а сейчас, притаившись, сидела на стуле у стены. — Два года назад, 15 октября 1959 года, я стрелял в него из специального оружия. После чего он скончался.

— Stop! — вновь остановил молодого человека сержант, ошарашенный признанием. Он нажал кнопку селекторной связи, отдавая команду невидимой секретарше: — Ленни, срочно доложи полковнику, что у нас тут совершенно непредвиденные обстоятельства, ЧП… Далее. Срочно найди нашего переводчика с русского. Не знаю я кого — Дика, Роберта… Ну, кто есть на месте. Только срочно! И последнее, Ленни, вызови пару наших охранников с автоматами, пусть встанут на пост у моей двери. Мало ли что… Okay?..

Дежурный поёрзал в кресле и, не спуская глаз со странного визитёра, закурил. Да, дела… Ничего себе денёк начинается. Буквально полчаса назад, когда он только заступил, из полиции западного сектора Берлина раздался тревожный звонок. Шуцман сообщил, что к ним в участок пришёл какой-то странный молодой человек, русский, который требует немедленно связать его с американскими военными властями по чрезвычайному делу. Как быть? Везти? Или?..

— Как быть, как быть?! Какое может быть «или»?! Конечно везите! — раздражённо буркнул сержант. — Разберёмся…

Как чувствовал, наверняка какая-нибудь пакость. Теперь расхлёбывай. Не каждый день в офис американской военной полиции заявляется «агент КГБ», убийца, что-то лепечет о теракте, о каком-то Бандере… Чёрт его знает, а может, этот тип просто псих или контуженый?.. А вдруг ещё того хуже — провокатор, специально подосланный агент? От этих русских всего можно ожидать…

В ожидании начальства сержант исподволь изучал своего гостя: на вид около тридцати лет, нормального телосложения, самой обычной, можно сказать, внешности, без каких-либо особых примет. Хотя девкам он, по всей видимости, нравится… Но представить, что этот парень — убийца? В голову никогда не придёт! Куда проще вообразить его клерком страховой компании, барменом, продавцом в маркете, предлагающим покупателям модные костюмы, туфли, галстуки или дамское бельё.

— Садитесь, — приказал он пока что невнятному для него «агенту КГБ» и перевёл взгляд на его спутницу.

— Это моя жена, — мгновенно понял немой вопрос посетитель. — Фрау Инге Поль. Вчера мы вместе с ней бежали из восточного сектора Берлина. Точнее, приехали сюда поездом. Еле-еле успели. Сегодня утром глазам не поверили: весь Берлин перегорожен какой-то стеной… — Неожиданно Сташинский (или кто он там есть на самом деле) обратился с просьбой к хозяину кабинета: — Простите, я не мог бы попросить вас не курить? Видите ли, моя жена очень плохо себя чувствует после всего пережитого… Там же на нас была организована настоящая облава. Мне показалось, за нами следили как минимум с двух или трёх машин… И потом, у нас буквально на днях скончался сын. Мы даже не успели его похоронить. Вы понимаете наше состояние?.. Простите.

— Oh, no problems. Sorry, mam, — миролюбиво откликнулся сержант и аккуратно погасил сигарету в пепельнице. Он подошёл к окну и распахнул его. — Извините, вентилятор сломался… Не желаете ли воды?..

В эту минуту в комнату энергичным шагом вошёл седоватый представительный сухопарый мужчина в полевой армейской форме, судя по манерам немалый чин в здешнем ведомстве. Следом за ним просочился юный рыжеволосый полисмен. Наверное, переводчик, Дик или Роберт.

— Господин полковник! — вскочил дежурный сержант. — Этот человек, — он ткнул толстым пальцем в сторону Сташинского, — утверждает, что он якобы является агентом КГБ. Кроме того, он заявил, что два года назад застрелил в Мюнхене какого-то типа по фамилии… Сейчас скажу, секунду, — он заглянул в свой блокнот, — Ban-de-ra…

Офицер с любопытством посмотрел на неожиданного гостя и тут же распорядился:

— Займитесь протоколом, сержант. Давайте, господа, не спеша и по порядку… Вы же, надеюсь, больше не собираетесь никого убивать? — Он натянуто улыбнулся «агенту». А потом обратился к сержанту: — Кстати, Гривс, вы давно служите в Германии?

— С апреля, сэр!

— А, ну тогда простительно. Но всё равно пора бы изучить страну пребывания… Бандера был местным фюрером украинских наци. Два года назад его действительно убили в Мюнхене, в прессе большой шум был… Ну хорошо… Итак, господа, начнём. Дик, переводи. Представьтесь, пожалуйста. Вы…

— Я — Богдан Сташинский…

Западная Украина. Начало XX века

— …Котов нужно душить одной левой! — Степан из последних сил стискивал шею тщедушного котёнка, который, чуя приближение верной гибели, всё ещё пытался вывернуться из цепких рук мучителя, сипел от ужаса, судорожно дёргал лапками, чтобы хотя бы напоследок царапнуть эти гадкие, липкие ладони палача.

Кошачьи коготки были не острее колючек шиповника, но капельки крови, появившиеся на руке, только распаляли Степана, добавляя ему злости и решимости.

Наконец тельце жертвы в последний раз конвульсивно вздрогнуло и обмякло, как тряпичная кукла. Степан, ещё дрожа от возбуждения, поднял над головой «трофей» и победно взглянул на стрыйских гимназистов, столпившихся вокруг: «Ну?! Кто говорил, что я не смогу?!»

Он читал страх и растерянность в глазах своих ровесников. Они его боятся? Да. Прекрасно! Так и должно быть. Всегда и везде. Так и будет.

* * *

Хотя среди галичанских униатов не в чести были маловразумительные, почти языческие новогодние праздники, которые почему-то так почитают москали, но начиная с 1909 года от Рождества Христова семейство греко-католического священника Андрея Бандеры 1 января было вынуждено праздновать. Что делать, если именно в этот день угораздило появиться на свет их сына Степана?

В селе Угринов Старый Калушского уезда Бандеры пользовались авторитетом и уважением. Уроженец здешних мест Андрей Бандера, прослушав курс богословия в Львовском университете, вернулся в родные края, благоразумно взял в жёны дочь местного священника Мирославу Глодзинскую и спустя какое-то время унаследовал духовный сан тестя в староугриновской церкви.

Это было весьма плодовитое семейство: дети у Бандер рождались с завидной регулярностью — каждые два года. Первенцем стала Марта Мария, следом родился Степан. В 1911 году появился на свет Александр, далее — дочь Владимира. Позже семью пополнил Василь, а за ним Оксана. Последышем стала Мирослава, умершая в младенчестве.

Вспоминая детские годы, Степан Бандера не позволял себе размениваться на какие-то бытовые подробности, подчёркивая, что рос в доме, где царила «атмосфера украинского патриотизма и живых национально-культурных, политических и общественных интересов». Читая его автобиографические заметки, невольно ловишь себя на мысли, будто автор предусмотрительно готовил клише будущей статьи о себе для солидной энциклопедии, чуть ли не с пелёнок «бронзовея» в собственных глазах.

Отец слыл среди угриновцев эрудитом и книгочеем. Он принадлежал к числу тех западноукраинских священников, которые не отделяли вопросы сугубо духовные от светских, а дела церковные от государственно-национальных. Именно по инициативе Андрея Бандеры в селе появилась читальня «Просвита» («Просвещение»), кружок «Родная школа», различные сельскохозяйственные объединения. К отцу Андрею тянулась местная, не столь уж многочисленная интеллигенция, активисты галичанского национального движения. Среди них Степан упоминал родственника жены Павла Глодзинского, учредителя местных сельхозкооперативов «Маслосоюз» и «Сельский хозяин», посла венского парламента Ярослава Веселовского, скульптора-самоучку Гаврилко.

Во время Первой мировой войны Угринов Старый четырежды рассекала линия австро-российского фронта. Артналёты не прекращались ни днём ни ночью. Пострадал от бомбежки и дом Бандер. Эти беды, по всей вероятности, каким-то образом сказались на болезненном мировосприятии подростка.

«Тогда, летом 1917 г., мы наблюдали революционные проявления в армии царской России, проявления национально-революционных движений и огромную разницу между украинскими и московскими воинскими частями. В октябре — ноябре 1918 г., мальчиком неполных десяти лет, я пережил волнующие события возрождения и строительства украинского государства… — с пафосом сообщал своим гипотетическим читателям Степан Андреевич. — Мой отец принадлежал к организаторам государственного переворота в Калушском уезде (с доктором Куривцом), и я был свидетелем формирования им из жителей окрестных сёл военных отрядов, вооружённых спрятанным в 1917 г. оружием… Особое влияние на кристаллизацию моего национально-политического сознания имело празднование и всеобщее воодушевление злукой (воссоединением) ЗУНР (Западно-Украинской Народной Республики) и Украинской Народной Республики в единое государство в январе 1919 г…»

Остаётся лишь подивиться высокой сознательности будущего

украинского национального лидера, проклюнувшейся в нём в столь юном возрасте.

Когда в 1918 году огромная, но сотканнная гнилыми нитками из лоскутных частей Австро-Венгерская империя стала дробиться на мелкие земельные делянки между Россией, Пруссией, Австрией и Польшей, галичане тут же подняли гордые головы и знамёна, затеяв отчаянную борьбу за свои кровные земли.

Даже Андрей Бандера, бросив на произвол судьбы паству, подался в Украинскую Галичанскую армию. Разумеется, как служитель алтаря, он не мог брать в руки оружие. «Парох» (отец), полевой капеллан Бандера был нужен фронтовикам — и для отправления службы Божьей, и для исповеди, и для причастия, и для отпевания.

Вскоре после начала боевых действий ударную армию Галичины начал косить тиф, количество жертв которого едва ли не превышало число павших на поле брани от штыков, шрапнели и пуль. Отец Андрей не оставлял без своего внимания, доброго участия и сострадания ни одного солдата, палимого тифозной горячкой. Подхватил опасную заразу и сам, но избежал печальной участи умерших. После безусловного и полного разгрома галичанского воинства в 1920 году вернулся в родные края. Земляки избрали его своим послом в парламент самопровозглашённой Западно-Украинской Народной Республики. Правда, существовала эта «республика» совсем недолго, но тем не менее отцовский титул — «посол» — в сознании впечатлительного Степана был созвучен чуть ли не с гетманским званием.

Биографы считают, что его детство закончилось уже в десятилетнем возрасте, когда родители решили отправить сына на обучение в гимназию в Стрый.

«В народную школу я не ходил вообще, — откровенничал Бандера, — ибо в моём селе… школа была закрыта с 1914 г. из-за призыва учителя в армию и других событий военного времени. Знания в объёме народной школы я получил в родительском доме, вместе с сёстрами и братьями, пользуясь несистематической помощью домашних наставниц…»

Стрый юного поповича ошеломил. По сравнению с родным селом этот пусть невеликий и пыльный городок с узкими, но зато мощёными улочками, кирпичными домами, костёлами показался ему суровым, неприступным и неприветливым к пришлым чужакам. Слава богу, в Стрые жили родные люди — дед Михайло и бабушки, у которых он и остановился.

Обучение стоило немалых денег. За курс наук родителям приходилось ежегодно выкладывать как минимум 240–250

злотых. Много это или мало? Примерно в такую же сумму обходилась покупка на местном скотном рынке двух бурёнок. Нужны были ещё и канцелярские принадлежности, и учебники. Но только словарь по латыни тянул на 10 злотых, а греческий — на 15. Часть и без того скудного бюджета гимназиста «съедали» (невольный каламбур) расходы на пропитание — до 50 злотых в месяц. Хорошо ещё, что в дедовом огороде были свои картошка, капуста, поспевали огурцы с помидорами, да и курятник не пустовал.

«Материальную возможность учиться в гимназии, — суховато подбивал «баланс» Степан, — я имел благодаря тому, что проживание и содержание обеспечивали родители моего отца, которые имели своё хозяйство… Там же жили мои сёстры и братья во время школьного обучения. Как у отца во время ферий (каникул), так и у деда я работал в хозяйстве в свободное от занятий время…»

Позже, начиная класса с четвёртого, гимназист Стефка Бандера приноровился зарабатывать на карманные расходы репетиторством, занимался с нерадивыми учащимися бурсы.

От рождения не блещущий крепким здоровьем Степан рос болезненным и хилым. Золотуха и весь шлейф неизбежных детских хворей позже усугубился коленным ревматизмом — по его народному определению, это «зверь, который лижет суставы, но кусает сердце». Случалось, что у мальчика порой даже отнимались ноги.

Свои недуги Степан сносил мужественно. До седьмого пота истязал себя физическими упражнениями, бегал, прыгал, стремясь убедить всех, что обожает походы, лыжные гонки и даже иноземную диковинку — «кошиковку» (баскетбол).

Раньше остальных ребят, по достоинству оценив его настырность, Степана приняли в элитные скаутские организации — „Пласт” и «Сокол». «Кроме того, — раскрывал он «детские» секреты, — существовали тайные подпольные кружки школьников средних классов, которые были идейно связаны с Украинской Воинской Организацией — УВО — и имели цель воспитывать отборные кадры в национально-революционном духе, влиять в этом направлении на молодежь и приобщать старшеклассников к вспомогательным действиям революционного подполья (например, организовывали сборы на содержание украинского тайного университета, распространяли запрещенные польским правительством украинские зарубежные издания, призывали к бойкоту польских обществ, первых выборов и т. д.)».

Принадлежа к пластунам (казакам) ещё с третьего класса, Степан являлся членом 5-го пластунского куреня имени князя

Ярослава Остомысла, а затем 2-го куреня старших пластунов отряда «Красная калина». Достойная пластунская карьера.

В начале 1920-х годов, в период школярских лет Степана, общественно-политическая жизнь Галичины стремительно менялась. И вовсе не в лучшую сторону для коренных жителей этой окраины Украины. Даже само наименование земель — Западная Украина высокомерная шляхта изъяла из официального обращения и заменила на унизительное — Малопольска Всхудня (Восточная Малополыпа).

В 1923 году Совет послов Европы, где дипломаты ломали голову и перья над проектами обустройства послевоенной жизни Старого Света, признал права новообразованного Польского государства на западноукраинские земли, но при условии предоставления местному населению культурной автономии. Естественно, эти требования ясновельможные паны не считали для себя обязательными к исполнению.

Правительство Польши сразу стало проводить жёсткую политику так называемой пацификации, или полонизации, Галичины. Кстати, слово «полон» по-украински означает «плен». А сама Польша в латинской транскрипции звучит как Полония. Подобные лингвистические хитрости для западноукраинцев были зловещим знаком. Хотя пацификация и переводилась как «умиротворение», но, по сути, являлась грубой зачисткой территории.

Очень скоро во Всхудню из нищей, малородящей Центральной Польши хлынули охочие переселенцы. Здесь они без всяких проволочек получали немалые земельные наделы на самых льготных условиях. Всего здесь осело 77 тысяч осадников (поселенцев), в основном отставных офицеров польской армии. В 1930 году депутаты английского парламента, обеспокоенные непомерными аппетитами новых латифундистов в Восточной Европе, обратились к Лиге Наций: «200 тысяч гектаров пахотной земли в Восточной Галичине, такие же площади на Волыни и в Полесье выделены польским колонистам. А местное украинское население редко имеет свыше 0,5–1,5 гектара… Польские сельскохозяйственные организации получили 79 миллионов злотых в качестве финансовой помощи от польской власти, украинские организации — ни гроша…»

«Я видел, как поляки, начиная от рабочего и кончая интеллигентом, творили украинцам пакости на каждом шагу. Только и можно было слышать с их стороны: „русин-кабан”, — с горечью вспоминал будни пацификации ветеран оуновского движения Мечник. — Когда наш крестьянин приходил в учреждение, то, если он не знал польского языка, сталкивался с

массой препон. Польские крестьяне-переселенцы… пользовались займами и прочим. Польский полицай искал любую причину… чтобы административно покарать нашего селянина…»

Возмущённые галичане начали массовые поджоги усадеб осадников. Только в июле 1930 года они сожгли более двухсот поместий польских переселенцев. Естественно, последовали репрессии.

Должности в государственных учреждениях в Малопольской Всхудне резервировались исключительно для поляков, причём только католического вероисповедания. Впрочем, подобный подход к «подбору и расстановке» кадров имел объективные основания: образовательный уровень переселенцев был значительно выше, чем у коренного насления. В Галиции издавна существовал дефицит квалифицированных, толковых, знающих, порой просто грамотных людей.

Степан Бандера

Но поправлять существующее положение новая власть не спешила. Напротив, повсеместно закрывались украинские школы, а в оставшихся лишь половина предметов преподавалась на украинском языке, все же прочие — на польском. «В период между 1920 и 1925 годами, — отмечали британские парламентарии, — украинцы потеряли 2607 школ. Из тысячи украинских детей 71 ходит в украинские школы, а 929 — в польские или двуязычные».

Бандере повезло: 3-я Стрыйская гимназия, располагавшаяся в старинном доме «Русская бурса», выгодно отличалась от себе

подобных. По своему национальному составу она была почти полностью украинской. Ясновельможные своих отпрысков в эту гимназию определять отказывались, зато в неё с охотой шли учиться дети из немецких и еврейских семей. С одной стороны, это была скрытая форма тихого протеста против ненавистной полонизации, с другой — проявление солидарности с украинскими националистами. Во всяком случае, так полагают современные иссследователи оуновского движения. Хотя возможно, юным галичанским немцам и евреям просто некуда было больше податься, кроме этой самой «Русской бурсы»…

Ах, как аукнется недальновидным польским политикам дискриминация западных украинцев буквально через несколько лет! Бандера, прибившись к вожакам подпольного движения, проявит чудеса изобретательности и фантазии, разрабатывая и тщательно продумывая брутальные «школьные бунты», с шумом прокатившиеся по всей Галичине.

Степан, как он сам уверял, взрослел очень быстро, не по дням, а по часам, стремясь оправдать свою гордую фамилию. Старшеклассники сразу разглядели в пареньке сообразительность, шустрость, «придумкуватость» (выдумку), когда дело касалось организации какой-нибудь очередной школьной проказы: во время урока подкинуть в класс, скажем, самодельную водяную бомбочку или исхитриться порушить ладный строй гимназистов во время парадного марша по улицам Стрыя.

В жилах кипела молодая кровь, в головах гулял ветер. Гимназисты с восторгом воспринимали любые, самые сумасбродные и опасные, но оттого ещё более заманчивые, дерзкие идеи. Невинные забавы порой, помимо воли озорников-зачинщиков, обретали политическую окраску.

Во время очередного торжества, например, по случаю государственного праздника Польши в большом зале собирается почтеннейшая, при параде публика, за трибуной взволнованный оратор готовится славить Речь Посполитую, а в это время в помещении лопается самодельная бомба, начинённая смердящим газом. И всё благородное панство спешно покидает высокое светское собрание. Ха-ха-ха!.. Вонища, само собой, улетучится, но нанесённое ляхам оскорбление в памяти наверняка осядет.

Случались и другие шалости. Странным образом с задней стены сцены в зале гимназии бесследно исчезал польский герб, и когда присутствующим панам предлагали вставанием почтить высший государственный символ, то вместо белого орла пред их ясными очами представал золотой украинский трезубец. Очередной скандал!

Ну а чем худо было заявить прямо в лицо учителю, препаскудному ляху, что отвечать по-польски на уроке я не хочу, не могу и не буду?! И вообще, пусть пан учитель больше печётся не о мове, а о своей белокурой паненке с осиной талией и русалочьими глазками, которую вот прямо сейчас в кофейне, может быть, обжимает пан поручик…

Задания старших Степану удавалось исполнять быстро и точно. Буйные головушки кружила романтическая атмосфера таинственности, строжайшей секретности собраний. Каждый выбирал себе звучные подпольные «робин-гудовские» клички: Быстрый, Смелый, Легенда, Отчаянный, Лис, Тур, Рыцарь, Отважный… Им казалось, что этим они добавляют себе смелости и отваги, с удовольствием испытывая крепость своих кулаков.

Но главной задачей, конечно, было воспитание силы духа.

Как-то одна из сестёр, сердцем почуяв, что в доме происходит что-то неладное, сорвала дверной крючок, ворвалась в комнату и обнаружила старшего брата, стоявшего у окна, бледного, с залитыми кровью пальцами. Из-под ногтей у него торчали острые швейные иголки. «Ты рехнулся?!» — в ужасе закричала Владимира. «Отстань, — чуть слышно, сквозь стиснутые зубы, с трудом прошептал Степан. — Молчи, дура. Родителям не вздумай проболтаться, убью…»

Потом, когда «великомученик» пришёл в себя, он попытался объяснить сестре: «Мне это было надо. Пойми, Владя, я должен был проверить, смогу ли выдержать пытки врагов… Они ведь именно так мучают наших патриотов. Помнишь Олю Басараб? А я помню…»

Спустя годы, поучая соратников, он провозгласит: *«Если нам нужна кровь, мы дадим кровь, если нужен тер-рор, мы дадим террор в его точке кипения. Кодекс националиста есть личная совесть его».*

Психофизиологические эксперименты подростка над самим собой специалисты-медики, разумеется, способны объяснить, но вряд ли оправдать. В том числе и чисто шариковские, садистские наклонности. Бандера остро нуждался в самоутверждении, в стремлении доказать себе, но главное — другим, что он способен пойти до конца во имя святой цели, собственноручно, голыми руками смести все преграды, при необходимости лишить жизни любого врага — пусть сегодня это будет омерзительно грязный, беспризорный, блохастый кот, а завтра — истязатель патриотов «неньки Украины», лютый «человек с ружьем» — будь то москаль, жид или лях.

Острейшие иголки под ногтями в болезненном восприятии отрока были для него символом стойкости и неслыханного

геройства, означали готовность выдержать едва ли не Христовы муки, но всё-таки харкнуть кровью в лицо палачам. Вы видите: я всё смогу, мне ни капельки не страшно, я стерплю какую угодно боль и кару! Гады!!! Ненавижу вас! Не боюсь! Проклинаю! Уничтожу!

Сознательно готовя себя к пыткам, мукам и стылым застенкам, Степан даже зубы умудрялся лечить с помощью… сельского кузнеца. Коновал с нескрываемым удовольствием производил по просьбе мальчишки изуверские операции по удалению гнилых корешков своими щипцами, ещё не остывшими от раскалённых поковок.

Мозг подростка беспощадной пиявкой точила злоба и ненависть к окружающему миру, отравляя трупным ядом его неустойчивое сознание. Всё раздражало и разочаровывало. Время от времени его охватывали едва сдерживаемый гнев и жажда мести. Кому? За что? Да всем на всём белом свете!

Анализируя многочисленные свидетельства о детских выходках будущего апостола украинских националистов, психиатры легко диагностировали возбудимость, истеричность, конфликтность, властолюбивость мальчика с явно завышенной самооценкой. Обострённая потребность в бесконечном восхищении собой и своими поступками. Даже в настойчивых попытках освоить игру на гитаре и мандолине просматривалась неудержимая тяга к лидерству.

Он с детства исповедовал аскетизм, с юных лет не прикасаясь ни к греховному табаку, ни к алкоголю. Субтильному Степану приходилось каждодневно доказывать окружающим свою физическую и моральную состоятельность, силу, правоту. Как огня боялся девчачьих насмешек. Сучки они распоследние. Поголовно.

«Высвобождение беса…»

Надо отдать должное: Степан Бандера не претендовал на корону главного идеолога националистического движения, да и некогда ему было тратить на теорию своё драгоценное время. Повседневных организационных хлопот с лихвой хватало. Творческими изысканиями он занялся много позже, по окончании Второй мировой войны, находясь на заслуженном отдыхе в эмиграции.

Мировоззрение будущего лидера ОУН формировалось под влиянием работ идейного отца украинского национализма философа Дмитрия Донцова, а также таких канонизированных манифестов, как «Декалог, или Десять заповедей украинского националиста» (автор Степан Ленкавский), «12 примет характера украинского националиста» (Осип Мащак) и «44 правила жизни украинского националиста» (Зенон Коссак).

Символы веры этих националистов были исполнены романтизма и высокопарной изысканной риторики, отдалённо напоминающих то библейские заповеди, то средневековые кодексы чести тевтонских или мальтийских рыцарей.

«Декалог» утверждал:

> «Я — дух извечной стихии, уберёгший Тебя от татарского нашествия и поставивший на грань двух миров созидать новую жизнь:
>
> 1. Обретёшь Украинскую Державу или погибнешь в борьбе за Неё.
>
> 2. Не позволишь никому чернить славу и честь Твоей Нации.
>
> 3. Помни про великие дни наших Освободительных борений.
>
> 4. Гордись тем, что Ты — наследник борьбы во славу Владимирского Трезубца.
>
> 5. Отомсти за смерть Великих Рыцарей.
>
> 6. О деле говори не с тем, с кем можно, а с тем, с кем нужно.
>
> 7. Исполни, не колеблясь, самые опасные поручения, если того потребует доброе дело.
>
> 8. Ненавистью и самоотверженной борьбой встреть врагов Твоей Нации.
>
> 9. Ни просьбы, ни угрозы, ни пытки, ни смерть не заставят Тебя выдать тайну.
>
> 10. Борись за укрепление силы, славы, богатства и

расширение просторов Украинской Державы».

«12 примет характера украинского националиста» расшифровывали так:

«Украинский националист проявляет:

1. Готовность ко всему, что означает, что он является вояком Украинской Революционной Армии. Он борется на великом, всеобъемлющем фронте Украинской Национальной Революции, отдавая все свои силы, готов каждую минуту отдать и жизнь. Украинский националист всегда пребывает в полной боевой готовности.

2. Бескорыстность, что означает, что Идею Украинского Национализма и службу ей ставит выше всех сокровищ этого мира. Для неё он променяет с радостью возможности безоблачной и благополучной жизни на суровую долю солдата-борца, тёплую хату — на окопы или тюрьму. Счастье находит и ищет он в радости борьбы и побед Великого Святого Дела. Только в счастье Украинской Нации — счастье украинского националиста. Её воля, слава и могущество — его сокровенные желания.

3. Честность, что означает, что он имя националиста носит достойно и никогда не запятнает его никаким нечестным поступком. Он всегда придерживается высоких требований националистической нравственности.

Мораль оппортунистического мира порождает и питает бездеятельность, фарисейство и соглашательство. Мораль националистическая — это мораль нового мира, поступка и борьбы, её принципы возвышенны и нерушимы. Она является основой действующего и чистого, словно хрусталь, характера украинского националиста, Рыцаря-Революционера.

4. Послушность, что означает, что он безоглядно подчинён и верен до самой смерти Идее Украинского Национализма, Организации Украинских Националистов и своим проводникам. Каждый приказ для него свят. Он знает, что дисциплина — это основа организации и силы, а анархия — это руины. Поэтому он всегда поддерживает авторитет Провода Украинской Нации в Организации.

5. Активность и инициативность, что означает, что он борется всеми силами, используя все возможности,

каждую минуту для добра Великого Дела — Украинской Национальной Революции. Он не признаёт бездеятельности. У него за мыслью следуют дела, как за молнией гром. Ибо жизнь — это движение, борьба; покой — это застой и холодная смерть. Каждую идею, организацию или человека он оценивает по делам, а не словам. Пассивность — это примета раба. Пассивности раба противопоставляет он творческую инициативу и напряжённую активность борца-проводника.

6. Отвагу, что означает, что он всегда смело и бесстрашно противостоит всем преградам и опасностям. Он не ведает, что такое страх. Заячья сущность труса ему чужда и отвратительна.

7. Решительность, что означает, что он каждый приказ и каждую поставленную задачу исполняет решительно, без сомнений. Поставил — сделал.

8. Выносливость, что означает, что он всегда борется азартно и настойчиво. Он знает, что без выдержки, доведённой почти до упрямства, нет победы.

9. Уравновешенность, что означает, что он во всех случаях жизни сохраняет полное равновесие духа. Жизнь украинского националиста исполнена трудностей, преград и опасностей. Чтобы их преодолеть, чтобы овладеть положением и собрать все силы к удару в соответствующее место, необходимо, прежде всего, овладеть собой. Поэтому украинский националист в подполье и в открытом бою, в окопах и в тюрьме, в триумфе и на ступенях, ведущих к виселице, всегда уравновешен, всегда одинаково спокоен, горд и улыбчив. Умеет по-рыцарски побеждать и по-геройски умирать.

10. Точность, что означает, что он всегда придерживается точности в жизни, вплоть до мелочей.

11. Здоровье, что означает, что он хочет быть здоровым. Он хочет, чтобы всё молодое украинское поколение было здоровым. Украина нуждается в сильных и здоровых телом и духом сыновьях. Поэтому он по мере возможностей исповедует движение и спорт, не разрушает своё здоровье ни употреблением отравы — не пьёт, не курит, ни разгульной жизнью. У украинского националиста Великая Идея в сердце, пламя революционного духа в груди, крепкие и гибкие мышцы, стальные нервы, быстрое соколиное зрение и слух, могучий кулак.

12. Осторожность, что означает, что он всегда

придерживается всех требований конспирации».

Дух и нормы жизни братьев-самостийников опять-таки строго регламентировались.

«44 правила жизни украинского националиста.

Бессмертная властная воля Украинской Нации, которая повелела Твоим предкам завоевывать мир, водила их под стены Цареграда, за Каспий и Вислу, воздвигала могучую Украинскую Державу, мечом и плугом определяла границы своих владений, в борьбе против орд выполняла историческую миссию Украины, которая проявлялась в государственных поступках и творческих помыслах Великих Гетманов и Гениев, которые поднялись из руин к новому революционному движению и государственному строительству, которое теперь стремится к новой жизни и творит мощную эпоху Украинского Национализма и повелевает Тебе:

Восстань и борись! Слушай и верь, обретай и побеждай, чтобы Украина была вновь могучей, как когда-то, и создавала новую жизнь по своему усмотрению и по собственной воле!

1. Воспринимай жизнь как героический подвиг и побудительное проявление несгибаемой воли и творческой идеи.

2. Наивысшим Твоим законом и Твоим желанием есть воля и идея Нации.

3. Будь достойным наследником заветов великих сынов Твоей Нации, борись и трудись во имя великого будущего.

4. Твоим самым большим благодеянием и твоей честью является сила и величие Твоей Нации.

5. Железная дисциплина в исполнении Идеи и Провода и обязательность труда есть Твоё достоинство.

6. Помни, что Украина призвана к созданию новой жизни, и поэтому трудись во имя её могущества и процветания.

7. Воспитывай силу воли и творчества, неси повсюду идею Правды Украины и крепи в жизни её историческую миссию.

8. Твоей самой большой любовью является Украинская Нация, а Твоими братьями — все члены украинской национальной общины.

9. Будь верен идее Нации до конца жизни и не сдавайся, даже если против Тебя будет весь мир.

10. Красоту и радость жизни понимай в бесконечном стремлении к вершинам духа, идей и действия.

11. Могучий Бог княгини Ольги и Владимира Великого жаждет от Тебя не слёз, не милосердия или пассивных размышлений, но мужества и активности в жизни.

12. Знай, что лучше всего воздавать Богу почести через Нацию и во имя Нации реальной любовью к Украине, строгой моралью борца и творца свободной государственной жизни.

13. Овладевай знаниями, что поможет Тебе познать мир и жизнь, возвысить Украину и победить врагов.

14. Осознавай то, что Ты являешься одним из ответственных за судьбу целой Нации.

15. Помни, что самым большим преступлением является нанесение вреда своей Нации.

16. Твоими врагами являются только враги Твоей Нации.

17. С врагами поступай так, как того требует добро и величие Твоей Нации.

18. Знай, что наилучшими качествами украинца есть мужественный характер и воинская доблесть, а защитой — меч.

19. Постоянно познавай, совершенствуй себя, и обретёшь жизнь и мир.

20. Знай, что мир и жизнь — это борьба, а в борьбе побеждает тот, у кого сила.

21. Тогда Ты совершенный человек, когда побеждаешь себя и мир и постоянно стремишься к вершинам.

22. Знай, что в борьбе побеждает тот, кого не сломят поражения, кто отважно поднимается после падения и неуклонно стремится к цели.

23. Для победы нужны выдержка и постоянные усилия в действиях и борьбе.

24. Ежечасно будь готов на самый значительный поступок, но при этом не пренебрегай повседневным трудом.

25. Будь первым в борьбе и жизненных победах, чтобы добыть для Нации венец победы.

26. Живи риском, опасностями и постоянным напряжением, откажись от всякой выгоды и спокойной жизни филистера.

27. С радостью и без нареканий исполняй

возложенные на Тебя обязанности, чтобы своим трудом и реальными ценностями обрести себе право на лидерство.

28. Помни, что лидерство требует постоянных трудов и огромных усилий.

29. Будь сильным и несгибаемым даже перед лицом смерти и различных испытаний.

30. Храни гордо голову перед опасностями, а на удары судьбы отвечай умножением усилий в труде и борьбе.

31. Помни, что милостыню принимает только немощный нищий, который не может своим трудом и своими способностями обрести право на жизнь.

32. Не надейся ни на кого. Будь сам творцом своей жизни.

33. Будь скромным и благородным, но помни, это означает скромность и послушание.

34. Единомыслие с богатырями духа Тебя возвышает, а сочувствие с подлыми и бесхарактерными людьми — ослабляет. Протяни братскую руку тем, кто хочет, как и Ты, идти наверх.

35. Не завидуй никому. Удовлетворись тем, что обретаешь собственным трудом и достоинствами.

36. Будь дружелюбен. Крепи побратимство духа, идеи и оружия в жизни, труде и борьбе.

37. Связывай тесно свою жизнь с жизнью Нации. Отдавай Украине свой труд, добро и кровь.

38. Избегай какого-либо лицемерия, обмана и хитрой фальши, но перед врагом скрывай тайные дела и не дай заманить себя в расставленные сети, для получения же секретов врага используй даже коварство.

39. Почитай женщин, которые должны стать Тебе товарищами по духу, идее и действиям, но избегай разнузданных.

40. Цени высоко материнство, как источник продолжения жизни. Из Твоей семьи создай ковчег чистоты Твоей Расы и Нации.

41. Люби и заботься о детях, как о будущем Нации.

42. Крепи физические силы, чтобы ещё лучше работать для своей Нации.

43. Будь точным. Считай утраченной частью жизни каждую минуту, которая прошла без дела.

44. То, что делаешь, делай сознательно и так, будто оно должно остаться в веках и может стать последней и лучшей памятью о Тебе.

> Во имя крови и славной памяти Великих Рыцарей, во имя будущих поколений всем и всюду демонстрируй делом верность и любовь к Украине. Неси гордо и непоколебимо знамя Украинского Национализма, высоко цени и почитай честь и имя украинского националиста».

Обязательными были ритуальная Молитва титульного националиста и гимн националистов «Родились мы в великий час». Подпольным же гимном несуществующей страны служила песнь-реквием «Ще не вмэрла Украина…».

Словом, всё было так, как предвещало Бытие: «И Бог создал Организацию, и дал ей господство над человеком».

Многократные трогательные попытки представить поэта Тараса Шевченко крёстным отцом украинской националистической идеи, как правило, с треском проваливались. Хотя бы по той простой причине, что великий Кобзарь нигде и никогда не говорил об украинце или украинцах. Более того, Шевченко однозначно отличал Надднепрянскую Украину, каковую он и считал собственно Украиной, от территории, которую ныне принято именовать Западной Украиной. В своей повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» Тарас Шевченко указывал на существенные различия укладов жизни схидняков (восточных украинцев) и западенцев: «Минувшая жизнь этой кучки задумчивых детей великой славянской семьи не одинакова. На полях Волыни и Подолии вы часто любуетесь живописными развалинами древних массивных замков и палат… О чём говорят эти угрюмые свидетели прошедшего? О деспотизме и рабстве!

О холопах и магнатах! Могила или курган на Волыни и Подолии — большая редкость. По берегам же Днепра, в губерниях Киевской, Полтавской, вы не пройдёте версты поля, не украшенного высокой могилой, а иногда и десятком могил; и не увидите ни одной развалины… Что же говорят пытливому потомку эти частые тёмные могилы вдоль Днепра и грандиозные руины дворцов и замков на берегах Днестра? Они говорят о рабстве и свободе. Бедные, малосильные Волынь и Подолия! Они охраняли своих распинателей в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьим трупом неисчислимые огромные курганы. Она своей славы на глумление не отдавала, ворога деспота под ноги топтала и — свободная, нерастленная — умирала. Вот что значат могилы и руины».

Ключевой фигурой, выразителем идей украинского национализма являлся Дмитрий Донцов. Именно его доктрину

взял за основу учредительный съезд Организации украинских националистов (ОУН) в 1929 году. По мнению видного канадского учёного Виктора Полищука, «краеугольным камнем идеологии интегрального (фашистского типа) национализма было отождествление Донцова с видом в природе, что вытекало из основ социал-дарвинизма. Она была человеконенавистнической, антигуманной и антихристианской». Галичанский общественный деятель Михаил Добрянский считал, что «донцовщина легла тяжким грузом на молодую генерацию Западной Украины… Отношение Донцова к религии, к миру абсолютных ценностей является по меньшей мере негативным, чтобы не сказать враждебным… Донцов определил… аморальность национализма как один из главных столпов националистической идеологии… Донцову выпала сомнительная честь санкционировать аморальность в методах политической борьбы…. Донцов был тем, кто силой своего влияния перевесил соотношение сил и определил цель — борьбу за *высвобождение беса* в украинском человеке…».

Рядившиеся в белые одежды патриотов оуновцы даже не подозревали, что их хитрости давным-давно, ещё в XVIII веке, были разгаданы британским доктором Самуэлем Джонсоном, заметившим, что «патриотизм — последнее прибежище негодяя».

Через два столетия подобным «прибежищем» стал «схрон» националиста.

Закончив гимназию, Бандера решил продолжить образование в Украинской хозяйственной академии в старом чешском курортном местечке Подебрады. Однако в получении заграничного паспорта юноше отказали.

Пришлось Степану остаться дома, «занимаясь хозяйством и культурно-просветительской деятельностью в родном селе (работал в читальне „Просвита”, руководил любительским театральным кружком и хором, основал спортивное товарищество „Луг”, участвовал в организации кооператива). При этом проводил организационно-воспитательную работу по линии подпольной УВО в соседних сёлах…»

В сентябре 1928 года Степан поступил на агрономический факультет Львовской высшей политехнической школы. Знать бы те злаки, которые намеревался взращивать будущий агроном… Впрочем, лекции и семинары молодого студента не слишком занимали. Он и сам не скрывал: «Больше всего времени и энергии я вкладывал во время студенчества в революционную, национально-освободительную деятельность. Она пленяла меня всё больше и больше, отодвигая на второй план даже завершение

учёбы… Дипломного экзамена я уже не успел сдать из-за политической деятельности и заключения…»

Действительно, студента Бандеру проще было отыскать не в учебных аудиториях, а в особняке на улице Супинского, 21, где располагался студенческий академический дом. Именно здесь, в «твердыне украинского молодёжного националистического движения», кипели страсти, обсуждались все самые важные проблемы.

Бандера стремился находиться в гуще событий, будучи «членом украинского общества студентов Политехники „Основа” и членом кружка студентов-полеводов. Некоторое время работал в бюри (коммуне) общества „Сельский хозяин”, которое занималось подъёмом агрокультуры… В области культурно-просветительской работы от имени общества „Просвита” я отбывал в воскресенье и праздники в поездки в ближайшие села Львовщины с лекциями и оказывал помощь в организации других импрез (мероприятий)».

Постепенно его *страх на ляхи* (ненависть к полякам) переплавлялся в *страх* перед всей Советской империей.

Евген Коновалец

Кстати, в студенческие годы Бандера продолжал свои оригинальные психофизиологические эксперименты по поддержанию силы воли и духа: подвешивал над кроватью кольцо аппетитной домашней колбаски и, превозмогая утробные муки, не прикасался к вожделенному лакомству по нескольку дней. Поначалу товарищи по учёбе с удивлением наблюдали за тем, как Степан хлестал себя ремнём, прижигал пальцы, защемлял их в косяках дверей. Потом привыкли…

14 ноября 1928 года Степана впервые задержали «полициянты» за распространение листовок УВО, — тогда обошлось устным втыком. Через какое-то время его вновь арестовали, теперь уже за организацию «свят-манифестации» в честь 10-летия провозглашения Западно-Украинской Народной Республики.

Безусловным прародителем ОУНа являлся комендант

Украинской войсковой организации, бывший полковник петлюровской гвардии, а ещё ранее — командир корпуса сечевых стрельцов Евген Коновалец. На Венском конгрессе в начале 1929 года Коновальца избрали Проводником (руководителем) организации.

«Я стал сразу её членом, — гордился Бандера. — В том же году я был участником 1-й конференции ОУН Стрыйского округа».

Ради Степана ветераны движения даже пошли на нарушение устава, по которому в организацию принимали только с двадцатиоднолетнего возраста. Недостающий год простили, невелик грех. Тем более лишний «штык» делу не помеха. Хотя уже тогда заглянувший в «ранец солдата» Петро Балей заметил, что Бандера даже «на пороге двадцатого года жизни вслух мечтал стать гетманом».

Путь к «престолу» был непрост, но энергичный молодой человек успешно осваивал нормы политической жизни. Он понял, как важно примелькаться, что нужно почаще бывать на виду, не пропускать ни одного многолюдного звучного мероприятия. Бандера принимает участие в конференции ОУН в Праге, затем в Берлине и Данциге. «Кроме того, — скромно уточнял он, — на узких конференциях-встречах я несколько раз имел возможность говорить о революционно-освободительной деятельности Организации с Проводником УВО-ОУН сл. п. полк. Евгеном Коновальцем и с его ближайшими соратниками…»

Он успешно сдавал «зачёты» по распространению нелегальной литературы. Большая часть националистической прессы издавалась на польских территориях. Бандера отвечал за надёжность доставки тиражей печатной продукции, а также за организацию их нелегального распространения. За «почтальонами» охотились. Уже сам факт обнаружения «Украинского националиста» или «Сурм» («Трубы») был основанием для задержания любителя опасного чтива и сурового его наказания.

Матрицы «Бюллетеня Краевой Экзекутивы[1] ОУН на ЗУНР» и «Юнака» («Юноши») тайно изготовлялись во Львове, потом всевозможными путями переправлялись на конспиративные «хаты»-типографии, регулярно менявшие свои адреса. На пограничных пунктах удалось «прикормить» несколько точек, через которые кипы газет, листовок и брошюр мощным потоком шли на Гуцульщину, Волынь и в другие регионы. Отрабатывались и запасные маршруты — через морской порт «вольного города» Данцига, через Литву, которая не испытывала тёплых чувств к полякам, превратившим древнюю столицу Вильнюс в Вильно,

прокладывались скрытые тропы и по белорусским лесам.

В обусловленное время в нужных местах появлялись окружные курьеры, которые передавали литературу уездным вестовым. Польская полиция с ног сбилась, пытаясь разобраться в запутанной сети распространителей. Проводились массовые облавы, аресты «вслепую», устанавливалась слежка, однако улов, как правило, был скуден.

Несколько раз в облавы попадал и Бандера. Но вид невзрачного, худощавого студентика был настолько безобиден, а поведение предельно корректно, что «полицияНты», продержав его для острастки день-другой в кутузке, отпускали с миром на все четыре стороны.

Как бы ни стремились усердные летописцы обнаруживать благородные рыцарские черты в пионерах мировых революционных движений, никто не в силах замолчать тот факт, что при становлении любой оппозиционной политической силы каждая из них неизбежно переживает полукриминальный лихой период «первоначального накопления капитала», иными словами — «экспроприаций».

Участившиеся нападения на банки, почтовые отделения, инкассаторские подводы и железнодорожные спец-вагоны полицейские сперва списывали на не в меру расшалившихся разбойничков с кривыми ножами и лишь позже стали связывать с «политиками». Ещё бы, ведь только в один из дней боевики ОУН удачно провернули сразу несколько операций — напали на почтовые транспорты под Перемышлем и в Коломые и одновременно ограбили банк в Бориславе.

Но вот в невзрачном Городке Ягеллонском осенью 1932 года налёт на почтовое отделение не удался, хотя рассчитывали сорвать немалый куш для оуновского общака. К участию в «мероприятии» было привлечено двенадцать боевиков. У каждого была своя роль. Главные оставались за Дмитром Данилишиным и Василем Биласом. Они должны были ворваться в помещение, «навести шороху» и быстро собрать злотые. Другие хлопцы обеспечивали безопасный отход добытчиков.

В своём успехе молодые оуновцы не сомневались. Почта не была неприступной крепостью — не банк всё-таки, вооружённой охраны нет, а полицаев в городке — раз-два и обчёлся. Билас и Данилишин, несмотря на молодость, были проверенными боевиками. На их счету уже числились и успешные «эксы», и даже теракты.

Но с самого начала всё пошло наперекосяк. Сперва с опозданием подвезли боеприпасы, из-за этого пришлось

перенести начало операции. Почти сутки налётчикам пришлось пережидать в стоге сена. А погодка была ещё та — на дворе стоял ноябрь. Сырость, бесконечный дождь, порывы ветра трепали худенький стожок и настроения конечно же не добавляли. В общем, натерпелись хлопцы. Хорошо ещё, что предусмотрительный Дмитро горилочки с собой припас. И сальца, естственно, тоже, не говоря уже о тугих солёных огурчиках. Вот девчат, жаль, не было…

Им и в голову не приходило, что полиции уже известно о готовящемся нападении и «гостей» ждали. Когда вооружённые грабители ворвались на почту и рявкнули: «Руки в гору!» — из засады грянули выстрелы. Грозные с виду бандиты кулями рухнули на пол и открыли ответный огонь. Повезло — в суматохе и панике, под шумок, даже успев-таки прихватить с собой опломбированный дерюжный мешок с деньгами, они ужами выскользнули за двери.

— Да хрен с ним, — крикнул Билас напарнику, — бросай ты мешок, ноги бы унести!

— Заткнись! — рявкнул в ответ Дмитро. — Ходу!

Но тут из окон соседнего дома, где тоже засели полицаи, раздался новый залп. Стоявший на стрёме двадцатидвухлетний Владимир Старик был убит наповал, Юрко Березинский тяжело ранен.

— Давай на станцию, — сориентировался Дмитро.

Краем глаза он видел катавшегося по земле Березинского, к которому уже подбегали полицейские. Раненый сунул обрез в рот и спустил курок. Как учили…

Налётчики сломя голову, петляя между домами, помчались к железнодорожной станции Навария Глинная. Уже был виден пыхтящий паровоз, готовый к отправке. «Прибавь ходу!» — на бегу подгонял друга Билас. Им казалось: спасение совсем близко — протяни руку, покрепче ухватись за скользкий поручень трогавшегося состава — и поминай как звали…

— А ну-ка, стоять, хлопчики! Куды ж вы несётесь?! Стоять! — прогремел зычный голос. «Полициянты!» На пути беглецов выросла пара вооружённых людей в фуражках и при погонах. — Документы! — громыхнула новая команда.

В этот момент старый паровозик оглушительно, по-хулигански свистнул, вздохнул-выдохнул белым паром и медленно тронулся. Билас в отчаянии глянул на товарища. Данилишин кивнул, полез в карман вроде бы за припрятанным билетом или паспортом. Выхватил револьвер и быстро разрядил обойму в полицейских. Один из служивых упал на месте, второй схватился за плечо, выронил винтовку и тонко закричал:

— Пощадите, сынки!

Разбираться с ним было некогда, секунды таяли.

— Вперёд! — взял на себя команду Данилишин.

Парни из последних сил помчались дальше, в сторону от этой проклятущей станции, орущих людей и, миновав огороды, выскочили на просёлочную дорогу. Легкие разрывались, ноги уже становились ватными. Хотелось рухнуть на стылую землю и забыть весь этот кошмар! Господи, пронеси, спаси и помоги! Ничего этого не было! Ни почты, ни стрельбы, ни погони, ни полицаев! Нет!

Бежать дальше уже не было сил.

Кое-как они доплелись до какого-то лесочка и укрылись под первым же кустом. Низко висело небо в тёмносерых клочковатых тучах. Тихо. Ни птичьего крика, ни человечьего голоса, ни посвиста «загонщиков», ни топота копыт, ни лая собак. Только деревья шумели где-то там, в вышине… Так спокойно. Измученные хлопцы ненадолго забылись на мёрзлой земле.

Хвойный лесок ещё тонул в густых предрассветных сумерках, когда Дмитро растолкал скукожившегося приятеля:

— Василь, вставай, хватит отлёживаться. Тут где-то недалеко село вроде должно быть. Розвадив, кажется… Проберёмся туда тихонько, неужто ни в одной хате схрон какой-нибудь не найдём? Мир не без добрых людей… Пойдём, друже, некогда, надо скорей ховаться…

Только в селе беглецов уже ждали «добрые люди».

До смерти напуганный местный священник отец Киндий потом, уже в зале суда, рассказывал:

«Первого декабря, где-то часов в одиннадцать, я увидел, как множество людей, кто в одних сорочках, кто тепло одетый, бежали полем по направлению к лесу. Заинтригованный, я двинулся за ними и услышал крики: „Разбойники! Держи!” Сначала я подумал, что загоняют дикого зверя, которого в этой стороне немало водится. Но через какое-то время услышал крики: „Бей! Стреляй!” На околице услышал выстрелы. Затем раздались голоса: „У них уже нет патронов, но всё равно давай осторожно!” От волнения я не мог бежать, приотстал. С пригорка увидел лежащего человека… Его топтали люди. Я подбежал и стал просить, чтобы его не били. На расстоянии каких-то тридцати шагов я увидел другого, который тоже лежал на земле. И его тоже били. Я не знал, кого спасать. Слышались голоса, что их суд освободит, а они потом спалят село, а потому их нужно убить. Я, как священник, не мог этого допустить. Попробовал отобрать у людей колья, но люди были возбуждены так, что готовы были и на меня наброситься. Наконец один из лежавших пришёл в себя и

поднялся. Это был молодой высокий мужчина. Я закричал, чтобы и второго прекратили бить. Спустя какое-то время встал и второй. Оба они были избиты, по лицу каждого сочилась кровь. Они прижимались друг к другу, а толпа их окружала.

И произошло то, чего я ещё никогда в жизни не видел: один взял другого за руку. Они стояли на пригорке, возвышаясь над людскими головами. Тогда тот, более рослый, произнёс: „Мы являемся членами украинской организации. Мы погибаем за Украину. Если вы будете так воевать, то и Украины никогда не будете иметь". Так как они стояли рядом со мной, я услышал, как один другому прошептал: „Теперь поцелуемся на прощание!" Они расцеловались.

Я умею держать себя в руках. Но та минута, когда вокруг стояли люди с кольями, а эти — на холме, напомнила мне, что так, наверное, было и тогда, когда на Голгофе распинали Христа. Люди наклонили головы и не знали, что делать. А тем временем подоспела полиция и их забрала…»

Скорый суд над боевиками состоялся во Львове в конце декабря. Данилишина и Бил аса приговорили к смертной казни. Такой же приговор был вынесен ещё одному уцелевшему участнику «экса» — Маркияну Жураковскому, но президент Польши великодушно заменил ему высшую меру пятнадцатилетним тюремным заключением. Судьба прочих участников группы осталась неизвестной.

На следующий день после вынесения приговора, в 6 часов 30 минут утра, Дмитро и Василь были повешены во дворе печально знаменитой львовской тюрьмы Бригидки. Присутствующие на казни адвокаты потом рассказывали, что последними словами Данилишина, всходившего на эшафот, были: «Мне очень жаль, что я не смогу ещё раз умереть за Украину!» Василь Билас успел лишь выкрикнуть: «Да здравствует Укр…»

В этот день во всех львовских церквях, во многих галичанских селах печально звенели церковные колокола, повсюду шли поминальные службы. Полиция не вмешивалась, опасаясь стихийных бунтов угрюмых мужиков и гнева совсем уж непредсказуемых баб. Ну их к бесу, это же «вуйки[2] клятые», от них всего можно ожидать.

Автором идеи превращения бездарно провалившейся акции в высокую общенациональную трагедию и канонизацию невинно убиенных был Степан Бандера. Именно по его инициативе имена казнённых стали упоминаться в молитве националиста «Украина, мать героев». Парня с мозгами приметил и взял себе на заметку недосягаемый оуновский лидер Коновалец.

Многие увидели, что с приближением Бандеры к руководству

Провода публичные акции стали масштабнее, разнообразнее и привлекательнее. Он уже не ограничивал свою деятельность только контролем за распространением пропагандистской литературы. Степан увлечённо копался в архивах, изучал исторические документы, не давая покоя своим товарищам: «Нам нужно то, что может тронуть души. Чтобы колокольный звон по Дмитру и Биласу был услышан всеми, верно? Чем можно ещё увлечь народ? Думайте, хлопцы, думайте, думайте! Нельзя стоять на месте!»

Так фактически на пустом месте возникла идея создания культа могил сечевых стрельцов — бойцов подразделений армии Австро-Венгерской империи времён Первой мировой войны. Для галичан, требовал Бандера, павшие сечевые стрельцы (их ещё называли усусами — производное от аббревиатуры УСС) должны стать святыми, героями былин и легенд. То, что легион УСС сражался против солдат российских армий, рекрутированных из уроженцев восточных украинских земель, никто старался не вспоминать.

Что поделать, есть такая слабость у любого народа — слагать сказочные мифы и саги о павших героях. Со слезой в голосе о «тенях забытых предков» заводили свои песни кобзари. Один за другим объявлялись живые свидетели боевых походов и богатырских подвигов стрельцов. Могилы неведомых героев, борцов за волю Украины превращались в места поклонения и щедрых тризн.

За обнаруженными и прежде неведомыми погребениями принялись ухаживать, устанавливать на них памятные знаки и кресты. Ранее заброшенные могилки теперь покрывались венками и букетами карпатских цветов. Подле них отправлялись поминальные службы и собирались большие народные вече — коло, где боевики били себя в грудь и провозглашали: «Украине — слава! Вечная слава героям!»

На митинг-панихиду, посвященный перезахоронению праха стрельцов, погибших в 1915 году на горе Макивка, на Яновском кладбище во Львове собралось около 20 тысяч человек. Одновременно состоялся 10-тысячный траурный митинг на горе Лисоня под Бережанами.

Там, где не обнаруживались мощи павших, возводились насыпные символические могилы, увенчанные казацкими крестами. Слова «Слава Украине!» — «Героям слава!» звучали как своеобразный пароль-заклинание и отзыв для посвящённых.

Польские власти, как водится, не придумали ничего более умного, нежели приказать полицейским отрядам «навести порядок», а заодно направить наиболее ярых инквизиторов,

непримиримую, шовинистически настроенную шляхетную молодёжь на уничтожение могил сечевиков. Захоронения сравнивали с землёй, выкорчёвывали и сжигали кресты.

Чего добились ясновельможные паны? Могильный холм нетрудно срыть, деревянный крест в щепы изрубить и бросить в огонь. Но после уничтоженные погребения «героев Украины» превращались в места тайного поклонения, а ненависть униженных западноукраинцев к шляхте, глумившейся над прахом предков, укрепляла их фанатичную веру в свою безусловную правоту[3].

Карлсруэ, Федеральная судебная палата. 8 октября 1962

— Подсудимый, расскажите о себе, — предложил президент Уголовного сената доктор Ягуш.

Сташинский поднялся со скамьи и, заложив руки за спину, тихо, монтонно, как вызубренный урок, стал повторять (в который уже раз за месяцы следствия — десятый, пятидесятый, сотый?!) факты своей небогатой биографии:

— Я родился 4 ноября 1931 года в селе Борщовичи на Львовщине. В те годы Львов и данная территория подчинялись польским властям, соответственно я тогда являлся гражданином Польши.

— Громче, пожалуйста, — прервал его председательствующий.

— Гражданином Польши, — кашлянув, повторил Сташинский. — Отец мой был крестьянином. Наша усадьба величиной полтора морга[4], приблизительно 3/4 гектара, была довольно малой, и мы относились к беднякам. Отец был столяром. До 1939 года он работал во Львове на стройке, а потом дома — по хозяйству, выполнял столярные работы в селе Борщовичи. В селе было приблизительно пятьсот домов, из них половина украинских, а вторая половина — польских. Всех жителей насчитывалось около тысячи душ… Школу я начал посещать в 1937 году. Полтора года я учился в польской школе с украинским языком обучения… Наше село находится на расстоянии семнадцать километров восточнее Львова. В 1939 году Западная Украина была освобождена и объединена с Россией. С 1939 года до самой войны она находилась под властью России. В школе были введены русские порядки, школа была перестроена по советскому образцу.

— Подсудимый, что вы имеете в виду, говоря «русские порядки»? — потребовал уточнить президент.

Сташинский облизнул пересохшие губы.

— Это касается предметов обучения, ваша честь. Тогда у нас был введён русский язык как иностранный. Польский был отменён. Позже, с 1941-го до середины 1944-го или 43-го, школой управляли немцы, и планы учёбы были приспособлены к немецким школам. Языком обучения был украинский, но теперь у нас ввели другой иностранный язык — немецкий… В 1944 году пришли русские, фронт откатился дальше, и школа опять стала русской…

— Где и на какие средства вы продолжали своё образование?

— В 1945 году, закончив сельскую школу, я уехал во Львов. Родители хотели, чтобы я продолжил учёбу, и записали меня в десятилетку. Оплата за обучение в этой школе составляла около десяти рублей в год, а продукты я привозил себе из дома. Во Львове я жил у родственников… В 1948 году сдал экзамены на аттестат зрелости, но точного представления о своей будущей профессии не имел… Не было никаких особых устремлений. Я, собственно, не знал, чем дальше хочу заниматься… Случайно получилось так, что я попал в русский пединститут…

Когда между нами, выпускниками школы, шли разговоры о будущем, то все в классе мечтали стать врачами.

Восемь или десять юношей из нашего класса послали свои документы в мединститут. И я тоже. Экзамены сдал, но баллов не хватило, чтобы меня приняли… На одно место приходилось от двадцати до тридцати кандидатов… За четыре или пять дней перед началом семестра я услышал, что можно успеть устроиться в пединститут. Я отнёс туда свои документы, доедал ещё два экзамена, и меня приняли… Я проучился в институте два с половиной года, когда, в 1950 году, впервые столкнулся со службой госбезопасности. Мне тогда было девятнадцать лет…

— Расскажите, каким образом вы связались с МГБ.

Сташинский запнулся и уставился в спину адвоката. Доктор Зайдель, не оборачиваясь, кивнул, мол: говорите всё как было…

Дни открытых убийств

Так уж получалось, что всякий провал в деятельности организации чудесным образом обращался на пользу политической карьеры Степана Бандеры.

Когда 10 апреля 1931 года после побоев и пыток в местной тюрьме скончался львовский сотник Экзекутивы Юлиан Головинский, Бандера превратил его похороны в общегородскую политическую демонстрацию против ненавистной шляхты. Манифестация сделала Степана популярной фигурой среди местной молодежи, которая с почтением стала именовать его «старшим братом».

Несчастному Головинскому нашлась замена в лице Степана Охримовича, который хорошо знал Бандеру ещё по учёбе в Стрые. Новый проводник немедленно приблизил к себе однокашника, введя в состав Краевого провода на украинских землях, оккупированных Польшей. Степан Бандера получил под начало разветвлённую референтуру (отдел) по пропагандистской работе.

Прошло совсем немного времени, и после событий в Городке Ягеллонском Охримовичу пришлось уйти в отставку. Место проводника оказалось вакантным, и на эту должность был выдвинут, конечно, Степан Бандера, шаг за шагом приближавшийся к осуществлению своих заветных мечтаний. Вскоре Пражская конференция Провода ОУН официально утвердила двадцатичетырехлетнего протеже Коновальца проводником Краевой экзекутивы.

Правда, некоторые оуновцы всё же шушукались между собой, намекая на некие «дворцовые интриги». Даже верный Степану Мыкола Климишин подозревал неладное: «Знаю наверняка, что были какие-то внутренние распри между Бандерой и Охримовичем, какая-то опасная ссора… Бандера даже хотел отдать приказ застрелить Охримовича…»

Возглавив Экзекутиву, Степан Бандера распорядился приостановить проведение экспроприаторских акций. Возможно, появились иные источники (закордонного происхождения) финансирования деятельности Организации. Громкие политические убийства, карательные операции, теракты будут иметь значительно больший общественный резонанс, полагал новый проводник: «Акты террора против наиболее значительных представителей оккупационной власти — это пример акций, в которых их непосредственный эффект и политически-пропагандистский капитал как их следствие мы ставим на равных». Ибо «последовательным террором врага и

сосредоточением внимания масс на непосредственной борьбе создаётся положение, которое приближает волну народного взрыва. А вместе с этим ряд таких акций постоянно ослабляет врага морально и физически, подрывает его авторитет».

Рупор Бандеры — журнал «Юнак» — подводил идейную базу под грядущие политические убийства: «Эти революционные акты бьют по всяким соглашательским мероприятиям, пробуждают в душах масс вражду и ненависть к оккупантам, создают непреодолимую пропасть между ними и нами».

Летописец деятельности Организации Ярослав Сватко утверждал, что «боевые акции… были обязательным элементом воспитательного процесса общества, которое, по мнению руководителей ОУН, необходимо было подготовить к реальной войне за независимость, особенно к необходимости проливать свою кровь в борьбе за интересы народа. Как считал Бандера, именно неготовность украинцев защищать свои интересы в освободительной войне привела к таким многочисленным жертвам во время голодомора. Инициаторы этноцидов, этнических чисток и иных подобных акций, направленных против украинцев, должны были знать: за это их настигнет неминуемая кара».

…В конце курортного сезона 1931 года в трускавецком санатории Сестёр Служебниц было совершено дерзкое убийство известного депутата польского сейма, близкого к правительственной коалиции Тадеуша Голуфки. Особенно возмутило набожное великопольское общество место преступления. Ведь при освящении созданной конгрегации Сестёр Служебниц Непорочной Девы Марии святые отцы внушали пастве: «Угнетённый морально народ жаждет обновления духом, обновления и облагораживания сердца…»

Криминалистам удалось восстановить картину убийства. Субботним вечером 29 августа дальние грозовые раскаты, доносившиеся с Карпатских гор, а после хлынувший дождь распугали немногочисленных курортников, прогуливавшихся по парку. Отдыхающие вернулись в спальные корпуса и стали готовиться к ужину — старинные напольные часы уже пробили половину восьмого.

Депутат Голуфка решил не спускаться в общий зал и попросил принести ужин к нему в номер. Отужинав в одиночестве, пан Тадеуш уютно устроился на диване, просматривая свежую прессу. В этот момент дверь в его комнату бесшумно отворилась, и в номер проскользнули два молодых человека. Один из них поднял револьвер и трижды выстрелил в безмятежно отдыхавшего Голуфку, а второй для верности вонзил

в грудь жертвы кинжал. Уходя, убийцы оставили клинок в кровоточащей ране.

Как позже выяснили следователи, многие отдыхающие видели, как по коридору в сторону выхода быстро удалялось двое юношей. Но никому и в голову не пришло их остановить. Что же до выстрелов, то ужинавшая публика просто приняла их за раскаты грома. Только после случайно обнаруженного обслугой залитого кровью тела в санатории поднялся переполох.

Сразу откликнувшийся на трагедию видный польский политик, экс-министр Станислав Тугута выдвинул версию: «Голуфку убили не обычные бандиты… а украинская террористическая организация… На этом фоне трагедия Голуфки вырастает до трагедии всего польского народа…»

Львовская газета «Слово польске» подхватила патриотический посыл и, не жалея эпитетов, возвела жертву теракта в ранг «хорунжего веры и согласия с украинцами, апостола исторической миссии на востоке Польши. Будучи искренним и деятельным сторонником зазбручанской Украины, стоял Голуфка твёрдо и непоколебимо на нерасторжимости Восточной Малополыпи и польского государства…».

Следующей жертвой революционный трибунал ОУН избрал директора Львовской украинской гимназии, профессора филологии Ивана Бабия. В вину ему вменялось понуждение своих учеников к оказанию помощи польской полиции в выявлении тайных членов Организации, а также то, что он лично сдал в руки властям одного из учащихся, который раздавал сверстникам антипольские прокламации. Приговор Бабию был приведён в исполнение.

Очередным осуждённым на казнь стал студент Яков Бачинский, подозреваемый в сотрудничестве с польской полицией. За ним последовали комиссар львовской полиции Чеховский, школьный чиновник Собинский и ряд других…

Позже, на суде над террористами Бандера попытался объяснить «дни открытых убийств»: «Прокурор сказал, что я не привёл доказательств вины директора Бабия и студента Бачинского. Я даже не старался этого делать, ибо их вину рассматривал революционный трибунал, который на основании конкретных данных и материалов и вынес приговор… Каждый понимает, что из конспиративных соображений я не мог здесь приводить доказательства вины этих людей. Мы стоим на той позиции, что долг каждого украинца есть подчинение своих личных дел и своей жизни интересам нации. Если же кто-то добровольно и сознательно сотрудничает с врагами в борьбе с украинским освободительным движением, то считаем, что это

преступление — национальная измена — должно караться только смертью… Трибунал имел на то мандат от ОУН».

В своей деятельности молодой Проводник интуитивно следовал испытанной большевистской практике, сердцевину которой составлял «подбор, расстановка и воспитание кадров». Степан Андреевич уточнял: если прежде «кадрово-организационная работа шла в основном по линии бывших военных и студенческой молодёжи, то теперь её проводили среди всех общественных слоев, с особым вниманием к селу и пролетариату». Он определял «три основные уровня воспитания: идеолого-политический, военно-боевой и подпольной практики (конспирация, разведка, связь и т. д.)». Отдавая приоритет «пропагандивной» и боевой деятельности, Бандера нацеливал подчинённых на «массовые акции, в которых принимали бы активное участие широкие круги общества, действуя по инициативе, согласно указаниям и под идейным руководством Организации».

Знакомые задачи, известная лексика, фразеология, в которой даже «идейному руководству» нашлось место. Создаётся впечатление, будто ярый антикоммунист, как прилежный школяр, слово в слово переписывал инструкции ВКП(б).

Организация нуждалась в специалистах. Степан Бандера, к которому в близком кругу уже обращались Баб (в переводе с хинди — «отец»), договорился об организации в Данциге курсов военного дела. Интенсивное обучение в Берлине прошли радиотелеграфисты. Дипломированные связисты, вернувшись домой, сами стали наставниками и начали обучать азбуке Морзе будущих повстанцев. Только во Львове действовало десять подобных школ, в которых радиограмоту постигали сотни курсантов.

В качестве противодействия дальнейшей «пацификации» краевая Экзекутива в начале 1930-х годов занялась созданием особых отрядов, названных «Зелёные кадры», как предтечи будущей Украинской повстанческой армии **(УПА).**

На памятной для Бандеры Пражской конференции было принято решение о создании особого подразделения — «контрольно-разведывательной референтуры». Кроме сбора всесторонней информации о деятельности государственных учреждений, о тайном и явном сотрудничестве с ними украинских граждан, спецслужба должна была также обеспечивать систему внутренней безопасности, приглядывать за поведением и настроениями членов Организации, соблюдая «чистоту партийных рядов».

Как вспоминал ветеран движения Степан Мечник, сам он,

будучи кандидатом в члены ОУН, «проходил проверку: правдив ли, не имеет ли дурных привычек и злых намерений, какие негативные черты ему присущи. За мной, кроме явной проверки, незаметно наблюдал ещё некто, мне неизвестный…» Новобранца неоднократно провоцировали, устраивали нештатные ситуации, дабы убедиться в его лояльности, проверить степень выдержки и верности идее. Об одной из подобных унизительных проверок Мечнику стало известно лишь через несколько лет: «…Я узнал, что в ту ночь в лесу я имел дело не с польской полицией, а с переодетыми членами ОУН, которые должны были меня проверять…»

Западный Берлин. 13 августа 1961

Американский полковник по-прежнему пристально смотрел на Сташинского.

— Говори, Богдан, — тихо-тихо, почти шёпотом, одними губами попросила Инге мужа, — всё подробно рассказывай герру полковнику. Ничего не таи, говори обо всём, что они с тобой вытворяли за эти годы. Смелей…

Она с надеждой смотрела на мужа, который сейчас производил впечатление человека, окончательно потерявшего почву под ногами, растерянного, неспособного вымолвить ни одного слова. Она ощущала себя сильнее его.

— Я родился 4 ноября 1931 года в бедной селянской семье под Львовом. Это на западе Украины, то есть в СССР, — начал частить Сташинский, словно стремясь поскорее выплеснуть из себя назубок заученную «исповедь». — Учился нормально, успевал… Но это, наверное, малоинтересно для вас…

— Ну почему же? — искренне возразил американец. — Мне интересно абсолютно всё, что вы рассказываете. Не стесняйтесь…

— …Однажды в выходной я решил съездить домой, проведать родных. Билет на электричку покупать не стал, откуда, скажите, у бедного студента лишние деньги? Думал, повезёт, зайцем прокачусь. До Борщовищей там езды всего минут двадцать, вот и надеялся, что проскочу. В общем, сэкономил на свою голову… Откуда ни возьмись — контролёры, патруль железнодорожной милиции[5]. В общем, попался, взяли меня за шкирку. Штраф, говорят, плати. Но какой может быть штраф? В кармане — ни копейки. Хотя контролёры, если честно, особо и не давили. Понимали: что с голытьбы взять?.. Потом посовещались между собой о чём-то, вывели меня в тамбур, а на ближайшей станции высадили и отвели в каталажку. Там меня держали часа три — не меньше, всё воспитывали… Но не били. Сооставили протокол и отпустили. Сказали, что подумают, сообщать ли о моём проступке в университет или нет. Короче, на крючок подвесили…

Полковник внимательно слушал рассказ парня, представлявшегося агентом КГБ и убийцей. На киллера он, конечно, совершенно не тянул. Скорее на героя-любовника. Эдакий Грегори Пек из «Римских каникул»… Только уж нервный очень, явно трусоват, лоб весь в бисеринках пота. Чего он дёргается? Может, перепил вчера?.. Или маньяк? Да нет, не похоже. Провокатор? Тоже нет, чересчур уж неловок.

— Продолжайте, пожалуйства. Только step by step, шаг за шагом, будьте добры, не спешите и поподробнее, — мягко

предложил он перебежчику. — Что было дальше?

А что было дальше? Всё очень просто. Железнодорожный милицейский дознаватель был, по всей вероятности, человеком опытным, жизнью битым, с природным чутьём. Он быстро почувствовал, что мальчик «поплыл». Но не стал торопить события, заставил задержанного подписать протокол, по-отечески похлопал его по плечу:

— Ладно, хлопец, гуляй пока. Буду думать, что делать с этими бумаженциями. — Он помахал перед лицом Богдана парой серых листочков. Потом неожиданно широко улыбнулся: — Только больше не попадайся.

Обрадованный Богдан тоже улыбнулся в ответ и мгновенно испарился.

Хотя «думать» дознавателю было, в сущности, не о чем. Паренёк замарался, перепуган до смерти. Протокол уже в столе. Стало быть?.. Стало быть, пацана — «на карандаш». Его хоть сейчас можно брать голыми руками. Ведь как говорили умные люди? Человеком правит страх и желание жить.

Он поднял телефонную трубку, назвал дежурившей на коммутаторе толстенькой, тёплой и ласковой (знал достоверно) Катрусе известный им обоим номер местного управления МГБ.

— Щиро витаю (искренне приветствую) вас, Василю Петровичу, — бодро сказал дознаватель, едва абонент откликнулся. — Докладаю…

Мало-помалу, поскольку спешка в этом деле только вредна, стал раскручиваться маховик отлаженного механизма по вербовке потенциального стукача гражданина Сташинского.

Подняли установочные данные. Так-так, очень хорошо, просто чудненько. Родная сестрица Богдана, оказывается, уже была замечена в контактах с подпольем У ПА, крутит шашни с одним подозрительным пареньком. Прищучим. Что имеем ещё? Дядьку Сташинского, жаль, уже шлёпнули. Тоже был с гнильцой. Немножко поторопились ребята, можно было бы пошантажировать племяша. Хотя ладно, в «крутёжке» и одной сестры будет достаточно.

Парень забитый, всего на свете боится. Но в будущем может пригодиться. Как раз из таких вот злые волки и вырастают. А на первых порах его можно хотя бы как информатора использовать. А вообще-то чего тянуть? Пока этот — как там его?.. — Сташинский ещё под наркозом «родителевой субботы» в нашем отделении, нужно брать его за жабры…

Буквально через день-другой в дом, в котором Богдан снимал угол, пожаловал незваный гость «в штатском». Хозяевам

объяснил, мол, однокурсник Богданов. Пригласил «приятеля» прогуляться. Попетляв старыми Львовскими улочками, они неспешно добрались до какого-то старого, неприметного двухэтажного дома. В квартирке наверху Сташинского уже ждали.

— Здорово, студент. Как дела в университете?

— Спасибо, всё хорошо, — заторопился с ответом Богдан.

— Хорошо, говоришь? Ладно. Молодец, так держать. А вот семинарские занятия вчера пропустил. Почему?

— Горло болело, к фельдшерице ходил. Полоскание прописала. Соду с тёплой водой…

— Хорошо, поверим. И проверим. Не возражаешь?

Взрослые «дяди» с лёгкостью разыгрывали давно отработанную схему, традиционно распределив между собой роли «злого» и «хорошего». Первый представился: «Капитан Ситниковский». Второй назвал себя Иваном Семёновичем.

Разговор оперативников со Сташинским продолжался долго. Хотя никаких особых грехов, кроме того случая на железке, Богдан за собой не знал, он смертельно боялся. Липкая волна холода поднималась от желудка и подступала к горлу. Он безостановочно потел. Во рту было сухо. То и дело Богдан пил воду из стакана, который подсовывал ему сердобольный Иван Семёнович.

— Как сестра себя чувствует? Всё в порядке? — мимоходом спросил он Богдана. — Её ведь Маричка, кажется, зовут, да?

Богдан обречённо кивнул:

— Да, Маричка. У неё всё в порядке. А что?

— Ты только вопросом-то на вопрос не отвечай! — резко оборвал его Ситниковский. — Про твою сестрицу мы и так всё прекрасно знаем. С кем она вожжается-кувыркается — тоже. Ей что, не терпится следом за твоим дядькой в сырую земельку раньше времени лечь, а?.. Нам важно, что ты об этом думаешь. Понял?! Да нам стоит только пальцем шевельнуть!.. Думаешь, мы не знаем, что твоя семейка харчами бандеровцев снабжает?! Ошибаешься, козлина! Знаем!

— Богдан, ты должен всё здраво взвесить и уяснить, — поддакнул Иван Семёнович, — что советская власть — это навсегда. Твои эти уповцы-оуновцы… или, может, не твои всё-таки, а?.. — Он сделал паузу, но, не дожидаясь ответа, продолжил: — Так вот, они последние дни доживают. Недобитки эти, шавки вонючие забились в свои норы за кордоном или в схроны в лесу и оттуда тявкают. Шансов у них — ноль. Не сегодня завтра все «вояки» пулю свою найдут. Или в Сибирь покатят лес валить. Будешь им помогать там вместе со своими родственничками… Не мечтал об этом? Подумай, Богдан,

крепенько подумай. О себе самом, прежде всего. Ты — молодой, здоровый, умный парень, красивый. Девки небось за тобой помирают. А, Богдан? Чего молчишь? Бегают ведь? — весело подмигнул он. — Преподаватели о тебе хорошо отзываются (мы интересовались), говорят, способный студент, может дальше пойти, науку вперёд двигать. И всё это ты хочешь потерять, одним махом перечеркнуть своё распрекрасное светлое будущее?.. Нам ведь многого от тебя не нужно. Мы и так всё знаем. О каждом из вас. Кто чем дышит. Кто о чём думает. О чём мечтает. С кем спит. И так далее. Но нам очень важно знать твоё мнение. Что происходит в университете, о чём преподаватели говорят, про что твои друзья болтают на переменках, после занятий. Может, кто-нибудь чем-то недоволен, о «вольной, незалэжной» Украине бредит, Бандеру поминает «незлым, тихим словом», этого «великомученика Божьего», а? Что скажешь, Богдан?.. Ты только шепни нам вовремя, что там у кого на уме… А может, кто в беду попал какую, как вот ты недавно, «зайчишка серенький»… Так мы поможем, выручим… И всем будет хорошо. Иногда лучше сразу разрубить узел. Ты историю хорошо учил, надеюсь? Был в древней Азии или Африке царёк такой, Гордием его звали. Так вот, он умудрился запутать такой узелок, что никто его развязать не мог. Нашёлся один — Александр Македонский, который взял да и разрубил этот узел мечом. И — вся печаль. Помнишь такую историю? «Гордиев узел» та закавыка с тех пор и зовётся… Мы ведь вроде врачей или санитаров, — без устали гнул своё Иван Семёнович. — Любую болячку надо упреждать, профилактировать, так сказать. Если запустить, на лечение во сто крат больше времени и сил уйдёт. Согласен? Ну вот, ты же разумный хлопчина. Подумай о будущем, Богдан… Подумай.

— Да что ты его, мудака, уговариваешь?! — неожиданно взорвался, вскочив и отбросив табурет, его напарник и протянул к лицу Богдана сжатый кулак. Не лапа — пыточный инструмент какой-то, тиски железные. — Это же натуральный волчонок!.. Гляди, как у него глазёнки бегают, шмыгает без конца, слезу из себя давит, а сам молчит, как будто в рот воды набрал. Выплюни, сучонок! Выплюни, тебе говорю! И вместе со слюной всё выплёвывай, всё, что про своих друзей-бандеровцев знаешь. Нет таких? Брешешь! У нас другие данные! Говори, тебе сказано!.. Выбор у тебя простой: или рассказываешь нам о связях своих односельчан с подпольем — или получаешь, в лучшем случае, «десятку» лагерей. За что? Есть за что! А батьку с мамкой твоих, само собой, сошлём на выселки в такие края, где всем места хватает!

Сташинскому этих «ласковых» внушений с головой хватило,

чтобы вмиг почувствовать себя ничтожнейшей из козявок, которую и давить-то никто специально не собирается, просто так, походя наступит грязным сапогом — и все дела. А что там у тебя — есть ли душа или что другое, ровным счётом никого не волнует…

Он сидел на табурете, уставясь пустыми глазами в никуда, и вздрагивал всем телом при каждом ударе собственного сердца.

— Ты зубами-то не скрипи, хлопчик, — участливо говорил ему один из новых старших товарищей. — У меня была как-то одна бабёнка-медичка. Так вот, она мне говорила, что у тех, кто скрипит зубами, глисты водятся. Лечиться тебе надо, Богдан…

В конце концов ошалевшего студента отпустили со словами:

— Иди, Сташинский. К нашему разговору ещё вернемся. Лети, голубь сизокрылый.

«— Подсудимый, что требовал от вас Ситниковский?

— Он предложил мне выбор: или я сам выкручусь из этого положения и помогу своим родителям, или меня арестуют и осудят на 25 лет тюрьмы, а моих родных сошлют в Сибирь. Это он совершенно определённо сказал.

— Господин Сташинский, как вы поняли предложение Ситниковского „выкрутиться из этого положения”?

— „Выкручиваться” означало, что я должен был высказать готовность работать на Службу Государственной Безопасности.

— Каким образом?

— Он хотел получать информацию о селе и подпольном движении. Об этом я должен был в будущем давать сведения и отчитываться. Хотя он меня вербовал, но делал это осторожно, чтобы я в собственных глазах не выглядел предателем. Он сказал, что он почти всё знает, но не имеет достаточных доказательств. Мне было в то время 19 лет…»

Из протокола судебного заседания, Карлсруэ, 8 октября 1962 г.

Своё слово «дяди» из МГБ сдержали: вернулись. Следующая «беседа» состоялась через два дня.

— В конце концов я сломался и дал согласие на тайное сотрудничество с органами, — заключил Богдан свою исповедь

перед американским полковником. — У меня взяли расписку о неразглашении. Они сказали, что могут закрыть глаза на мои грешки, раз я буду с ними работать. Мне тогда казалось, что у меня нет выбора… Они же говорили: «Ты помогаешь нам — мы помогаем тебе. Если вздумаешь водить нас за нос — не обижайся. Не ты первый, не ты последний…»

Очень скоро Сташинский понял, что от его вчерашнего, прежнего остаётся совсем чуть-чуть. Богдан перестал бывать в студенческих компаниях, реже встречаться с друзьями. Ему подсказывали, с кем поддерживать отношения, кого обходить десятой дорогой. Он чувствовал, что его будто заковывают в какой-то панцирь, ключ от которого в руках других людей. И только в их власти — отпереть этот замок или нет.

С тех пор его тайные свидания с «кураторами» стали регулярными. Обычная практика: чем дольше сексот общается со своим «работодателем», тем надёжнее увязает в хитро расставленных тенетах. Со временем «просветительские» беседы о верности долгу стали перемежаться ненавязчивым знакомством с азами агентурной работы, исподволь переходящим в практические занятия по приобретению необходимых навыков наружки, вербовки. Потом у него отобрали имя, фамилию, биографию, родителей, практически всё. По внутренним документам ГБ Сташинский стал проходить как Олег. Почему Олег? Да кто же разгадает мудрёные фантазии гэбистов? Наипростейший ответ «А чтоб никто не догадался» вряд ли годится. В секретном ведомстве в цене многозначительность и тайный смысл. В 1950 году по решению руководства ОУН на территории Западной Украины была введена тактическая схема «Олег», предусматривавшая подготовку боеспособной молодёжи для пополнения рядов Организации. Вот МГБ и использовал подсказку…

Надежды, воздагаемые на Олега, оправдывались. В начале 1951 года ему удалось навести чекистов на след убийц известного украинского публициста и писателя Ярослава Галана. Всё получилось на удивление просто. Повезло, можно сказать. Когда сестра наконец-то познакомила Богдана со своим ухажёром, тот порекомендовал его друзьям, которые входили в состав лесной группы боевиков. Потолкавшись среди «своих», «чужой» Богдан совершенно случайно узнал об одном из участников этого громкого преступления и тут же проинформировал «кураторов». Сведения оказались своевременными, оценили. Кровь, пролитая писателем-коммунистом, стала дополнительным мазком к зловещему портрету вождя ОУН и его палачей. Ярослав Галан был нужен и красным, и красно-чёрным. Но мёртвым.

Тридцать злотых, или Тридцать сребреников

Напомним, с 1920 года земли Западной Украины были оккупированы Польшей. Однако легитимность власти Речи Посполитой над этой территорией, с точки зрения Антанты, оставалась под большим вопросом. Главными оппонентами шляхетного панства продолжали быть Великобритания и Франция. Обиженная Версальским миром Германия права голоса была лишена.

Свои надежды подневольные галичане, противившиеся жёсткой «пацификации», всё чаще связывали с Соединенными Штатами. Львовский священник отец Чемеринский, не выдержав, 22 октября 1930 года написал своему коллеге отцу Мартынюку в далёкий американский штат Южная Дакота:

«Может, и хорошо, что Тебя здесь нет, ибо то, что у нас происходит, — это просто мировая война. Коротко сообщу тебе страшные вести с нашей несчастной земли, и, если сможешь, передай их к сведению всем украинцам на земле Вашингтона; пусть знают, какая беда обрушилась на наш край и на народ. Я живой свидетель этому, объездил с капелланом Преосвященным Кир Иваном… сёла, в которых побывали карательные экспедиции, „замирявшие" население по поводу саботажей и терроризирующие перед выборами украинских избирателей, чтобы сломить единый фронт и террором скрепить правительственный блок. Голгофы выше то, что терпит наш народ… В Бережанах уничтожена Украинская Бурса (общежитие для школьников и семинаристов)[6], Беседа (помещение общественной просветительской организации „Родная Беседа"), Союз кооперативов, Украинский Союз, адвокатская канцелярия д-ра Бемка… Как выглядело это уничтожение?.. Изуродованные образа, столы, кресла, канапе с ободранной обивкой, подушки с выпотрошенными перьями, конфитюрами вымазанные стены, фортепьяно с выдранными клавишами, струнами, в кладовых всё перемешано и залито керосином — ни окон, ни печей, ни пола…

В Подгайцах избили тяжко о. Блозовского, бывшего посла Яворского, уездного организатора Даньчука и много других граждан, даже 85-летних стариков. Всех мордовали в магистрате… Там одновременно уничтожалось имущество украинских обществ, библиотек, учреждений и граждан. Люди в лесах скрываются, как во времена татарского нашествия… Нет воды, так как полиция набросала в водоёмы навоз и перья из

подушек и перин… Изнасилованы 4 девушки. Свиньи и товар украдены, куры постреляны.

В Зарванице о. Василию Головинскому отвесили 200 ударов. Кровью плюёт, чисто живой труп… В Вишнивчику о. Чопия меньше избили. Зато жену его замучили немилосердно. Дочь Лидию избили так, что в руке кость треснула. Местные врачи, жиды и поляки по приказу власти отказались от какой-либо помощи украинскому населению… В Богаткивцях о. Евгена Мандзия казнили ужасно. У него 18 штыковых ран. Жандарм топтался сапогами у него на груди… Облили его кипящим молоком, а потом, привалив шкафом, оставили… Польские газеты натравливают на нас общество, провоцируют польскую молодежь…

Прошу тебя, сообщи это миру… Я за всё несу полную ответственность, и не боюсь, как Епископ…»

Письмо отца Чемеринского появилось в газете «Америка». Одновременно английская газета «Манчестер гардиан» опубликовала пространную статью «Трагедия Украины и польский террор». Польским властям предъявлялись серьёзные обвинения: «Насилие поляков переходит всякую меру… Польские „карательные экспедиции” обращены не против единиц, а против целого народа… в целом против целой народной культуры… Его жертвами являются обычные люди, непричастные к украинской или польской политике…»

Депутаты британского парламента обратили внимание главного секретаря Лиги Наций сэра Эрика Дрюммона на то, что каратели побывали по крайней мере в 700 сёлах. Сотни люди были забиты насмерть, тысячи арестованы… Эта акция против украинского меньшинства есть нарушение 8-го пункта мирного договора, который гласит: «Польша обеспечивает полную охрану и свободы всех жителей Польши, невзирая на происхождение, национальность, язык, расу и веру».

«Во время новых выборов, — утверждали парламентарии, — украинцев терроризировали, чтобы они не могли голосовать. Во Львове… фактически у всех украинцев были отобраны голоса, так как им надлежало подать документы, включая свидетельство о крещении и карты соответствия, особой комиссии по проверке, являются ли они польскими гражданами. Эта комиссия работала один час в день на протяжении всего трёх суток для 18 тысяч лиц. Так что немногим удалось подтвердить своё право голоса…»

Эти факты являются нарушением той части пункта 8 договора, подписанного Польшей, который гласит: «Народности в Польше, которые принадлежат к расовому, религиозному и языковому меньшинству, будут пользоваться одинаковым

отношением и обеспечением, как и другие народности в Польше».

«Мы верим, — полагали наивные депутаты, — что эта петиция в защиту украинского меньшинства в Польше обратит на себя пристальное внимание Лиги Наций, которая является законным опекуном меньшинств и единственным контролирующим органом исполнения соответствующих договорённостей».

Ан нет. «Опекуны» скромно промолчали.

Вот тогда-то по Западной Украине прокатилась волна сначала «школьной акции», а за ней и «антимонопольной». ОУН призывала: «Прочь из украинских городов и сёл водку и табак, потому что каждый грош, потраченный на них, обогащает польских оккупантов!» Один из протестующих, Степан Мечник, вспоминал, как они с азартом «бойкотировали польские монопольные товары… клеймили тех наших молодых людей, которые проявляли склонность к алкоголю. Это помогало, и молодёжь бросала пить».

Предпринимались «воспитательные» меры и к тем малосознательным покупателям, которым приглянулись демпинговые цены «в польских и жидовских магазинах. Задачей Организации было обратить внимание наших людей на украинские кооперативные учреждения и тем укрепить их… Возле вражеских нам лавок устанавливали вечерами пикеты. Когда кто-то малосознательный шёл туда, молодые люди подходили к нему и объясняли вред от его поступка для национального дела».

Так и видишь живую картинку: поздний вечер, звёзды над головой. Бредёт «несвидомый» (несознательный) вуйко[7] Панас, голодный и продрогший, в шинок-генделык[8], спотыкается в темноте, тихонько мурлычет себе в усы: «Ехал стрелец на войноньку…», и мечтает сирый бедолага стопку-другую «Выборовой» опрокинуть… Вдруг откуда ни возьмись — добры молодцы навстречу. Объясняют дядьке нежно и доступно пагубность его «поступка» для будущей Самостийной Соборной Украинской державы. И замечательный эффект — налицо! Или на лице. Не буду больше пить польскую горилку!..

Правительственная пресса представляла «бойкот» проявлением патологического антисемитизма украинцев, так как держателями питейных заведений в галичанских селах традиционно были евреи. В конце концов гендляров (барышников) вынудили убраться подобру-поздорову.

Но свято место пусто не бывает…

Между тем Степан Бандера готовил для своего края новые приключения. В октябре 1933 года Проводник решил совершить

нападение на советское генеральное консульство во Львове.

Первыми на рекогносцировку выдвинулись симпатичные и смышлёные девчата из разведотдела Провода, которые, лениво покачивая крутыми бёдрами и постреливая карими глазками по сторонам, медленно прохаживались по улице мимо «консулята», примечая архитектурные особенности старинного особняка, входы-выходы, возможные пути отхода и прочее. Затем один из наиболее опытных боевиков проник в само диппредставительство, напросившись на приём по поводу оформления документов на выезд на постоянное местожительство в Советский Союз. Лазутчика радушно приняли и даже позволили повидаться с самим консулом.

Пользуясь информацией, собранной «будущим гражданином Страны Советов», Роман Шухевич-Дзвин (Звон) составил точную, как ему казалось, планировку консульства, разработал детальный, расписанный чуть ли не по минутам план действий будущего убийцы советского дипломата.

Только вот с кандидатурой исполнителя возникли проблемы. Один оказался патологическим трусом, другой — пьяницей, третий — просто психом… В конце концов выбор пал на Мыколу Лемыка. Восемнадцатилетний сельский паренёк, невзрачный, тихий, бедно одетый. Последнее, к слову, было серьёзным препятствием: такого оборванца к дипломатической миссии и близко бы не подпустили. Пришлось раскошеливаться Проводнику, выделять хлопцу целых 30 злотых на покупку новых штиблет. Мыкола был без меры счастлив. Никакой символики в означенной сумме гонорара не предусматривалось. До того ли?..

Юный возраст террориста организаторов акции более чем устраивал. По польским законам восемнадцатилетний преступник не мог считаться совершеннолетним и, следовательно, смертной казни за будущее злодеяние, к счастью, не подлежал.

Накануне акции в одном из львовских парков с Мыколой скрытно встретились Бандера и Шухевич, которые дали террористу строгие инструкции, отступить от которых нельзя было ни на шаг:

— Идёшь на приём к консулу. Карточку его тебе показывали, так? Личность запомнил? Молодец… Веди себя спокойно. Начинаешь с ним разговор, говоришь, что хочешь ехать в Харьков на учёбу… Потом стреляешь. Убедись, что всё в порядке. Затем сдаёшься, но только не советским охранникам, а польским полицейским. Им же сразу делаешь заявление, что совершил убийство по поручению ОУН за голодомор на Украине, устроенный московскими большевиками. Всё понял, Мыкола?

— Всё, пан Проводник.

— Ничего не бойся. За тобой — мы и Украина. Что будет дальше — уже наше дело. Слава Украине!

— Героям слава!

Действуя как марионетка, Лемык пришёл в консульство, сказал, что ему необходимо получить визу на въезд в Советскую Украину и, если возможно, переговорить с паном консулом. Молодой человек в цивильном костюме выслушал посетителя и объяснил, что консул в настоящий момент занят.

— Ну а хоть с кем-то можно поговорить? — взмолился взвинченный до предела Мыкола.

Святая Мария, всё срывалось, а пан Проводник на него так рассчитывал!

— Конечно. Вас примет ответственный сотрудник консульства. Подождите минутку, посидите пока.

Бледный Мыкола присел на краешек роскошного дивана, нервничая, то и дело вытирая потные ладони о бархатную обивку. Через какое-то время в кабинет вошёл неизвестный мужчина. Может, консул? Да нет, вроде бы не тот, не похож. Хотя какая к чёрту разница?! Коля вскочил, выхватил из кармана револьвер и истерично, внезапно осипшим голосом пропищал:

— Я стреляю в тебя по приговору ОУН. Понял?! Москва специально морит голодом моих земляков по всей Украине. Сволочи! Понял, гад?!

И выстрелил почти в упор. Мужчина рухнул на ковёр. Чья-то перепуганная морда заглянула в комнату. И ты получай, сволота! Получил…

Лемык кинулся бежать. Куда? К окнам нельзя! Предупреждали, да он и сам видел — там решётки. Выскочил в коридор, ткнулся в одну дверь — закрыто! Вторая — на замке! Третья — ага!.. Он влетел в какую-то комнату, щёлкнул внутренним замком, тут же привалил к двери массивное кресло, безуспешно попытался придвинуть ещё и громадный стол. Когда в коридоре раздались крики, шум, Лемык стал стрелять в дверную филёнку. Разбаррикадировался только тогда, когда прибыли польские полицейские, которым и полагалось сдаться.

Как выяснилось позже, впопыхах Лемык прикончил не консула, а специального посланника Москвы Алексея Майлова, особого инспектора, уполномоченного ревизора наркомата, проверявшего работу советских дипломатических миссий в Европе. К тому же, по некоторым сведениям, даже дальнего родственника самого Феликса Дзержинского.

Позже Степан Бандера хладнокровно рассказывал: «Я лично приказал Лемыку и дал ему инструкции. Мы знали, что

большевики будут в фальшивом свете представлять это убийство, поэтому решили, что Лемык должен сдаться в руки полиции и не стрелять в неё, дабы таким образом дать возможность произвести публичное судебное разбирательство».

Дальнейшая судьба восемнадцатилетнего Лемыка стратега мало волновала.

Ранним утром в Кремле нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов и многоопытный в украинских делах Лазарь Каганович в две руки сочиняли ноту протеста польскому правительству. Когда текст был готов, он был тут же передан шифровкой на кавказскую дачу Сталина.

«21 сего октября на генеральное консульство СССР во Львове было произведено нападение, в результате которого сотрудник названного консульства Майлов был убит, а другой сотрудник — Джугай ранен.

Это покушение нельзя не поставить в связь с той кампанией, которая уже в течение продолжительного времени ведётся в некоторых воеводствах, в частности во Львове, кампанией, не знающей никаких границ в травле, клевете и науськивании на Советский Союз и имеющей целью возбудить известные слои населения против СССР…»

«Отец народов» одобрил послание, и в тот же день полпред Советского Союза в Польше Антонов-Овсеенко вручил официальный документ министру иностранных дел Речи Посполитой Юзефу Беку.

Одновременно председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский подписал приказ о безотлагательной разработке плана действий по нейтрализации терактов украинских националистов за рубежом. Через несколько месяцев украинские чекисты рапортовали об успешном внедрении в ОУН своих агентов.

Несостоявшемуся музыканту Бандере планы диверсионных операций напоминали партитуру. В «консульском деле», разыгрываемом как по нотам, суду уготовано было крещендо. Воображая себя первой скрипкой, Лемык вёл свою сольную партию, в то же время послушно подчиняясь тайным знакам незримой дирижёрской палочки.

— …Да, стрелял именно я… Да, я мстил большевистской Москве за голодомор, учинённый на Украине… Да, я выполнял волю Организации украинских националистов… Свою вину не признаю. Я — не преступник, а народный мститель… Нас не поставить на колени… Слава Украине!

Получив подтверждение несовершеннолетия террориста,

судьи «ограничились» максимально мягким приговором — пожизненным заключением.

Ветеран ОУН, бывший узник польских, немецких и советских концлагерей, в своё время дважды приговариваемый к смертной казни Петро Дужый, которому довелось некоторое время томиться вместе с Мыколой Лемыком в одном каземате, вспоминал, что юный сокамерник оставался жизнерадостным парнем и обычно на вопрос «Когда, Коля, идёшь на волю?» отвечал: «С воскресенья. Правда, неизвестно, с какого, но всё-таки это будет воскресенье…»

В самом деле, его освободили в воскресный день. В 1939 году, когда Польша капитулировала перед Германией.

Правда, спустя два года участника походной группы УПА Лемыка застрелили немцы. Так, на всякий случай. По другой версии, его убили свои же. Большие знания — большие печали…

1934 год стал кульминацией активных действий Организации: было убито трое полицейских, столько же общественных старост, несколько тайных агентов полиции, произведены взрывы, в том числе в типографии Яськова, где печаталась большевистская газета «Праця» («Труд»). Всего в первой половине 1930-х годов на счету боевиков ОУН было около 60 убийств и покушений, экспроприаций, сотни случаев саботажа.

«Я отдал приказ убить профессора Крушельницко-го, — не отрицал Бандера. — Крушельницкий был представителем советскофильства, то есть того течения, которое стремилось позитивно настраивать украинское общество к УССР… В журнале „Новые Пути”, который издавал Крушельницкий за советские деньги, он стремился доказать, что украинская жизнь при большевистском режиме развивается свободно. Одновременно он при помощи этого журнала клеветал на украинское националистическое движение… Но когда стало известно, что Крушельницкий собирается выехать со всей семьей в УССР, запланированное покушение на него было отложено, предвидя, что Крушельницкого ликвидируют сами большевики и продемонстрируют всем украинцам, что может ожидать от них даже тот украинец, который им прислуживает. Так и случилось…»

15 июня того же года Польша вновь оказалась в центре внимания всего западного мира: в Варшаве у входа в популярное кафе «Товарищеский ужин» было совершено покушение на министра внутренних дел Бронислава Перацкого. Через полтора часа получивший ранения влиятельный член польского правительства скончался на операционном столе.

Как показывали многочисленные свидетели, террорист, стрелявший в генерала, — высокий молодой человек в зелёном плаще — с места преступления сразу скрылся. Полицейские, бросившиеся по следу, очень быстро, буквально в ближайшем подъезде обнаружили приметную верхнюю одежду убийцы. Рядом с плащом валялся газетный сверток, в котором оказалась самодельная бомба.

А непосредственный исполнитель теракта боевик Гриць Мацейко, сбросив опасные улики, тем временем спокойно отправился в гости к своей подружке, пышногрудой хохлушке Дарке Чемеринской, где в полном восторге провёл весь вечер и ночь. На следующий день подруга Гриця, используя связи с пограничниками, сумела переправить Мацейко через Карпаты в Чехословакию. Пистолет «гиспано», кстати, Мацейко позже вернул: арсенал референтуры ОУН в ту пору был ещё небогат, каждый ствол — на вес золота.

За день до покушения при попытке перехода польско-чешской границы полицией было задержано несколько подозрительных личностей украинского происхождения. Официальная Варшава сообщала: «Аресту подверглись: Степан Бандера, 26 лет, студент Львовской политехники Мыкола Лебедь, 25 лет, абсольвент (выпускник) гимназии Дария Гнатковская, 23 года, студенты Краковского университета 30-летний Ярослав Карпинец и 26-летний Мыкола Климишин, 31-летний инженер Богдан Пидгайный, студент Львовской политехники 25-летний Иван Малюца, 21-летняя студентка Катя Зарицкая, студент Люблинского университета, 28-летний Яков Черний, 25-летний Евгений Качмарский, студент Львовского университета Роман Мигаль, 24 лет, и 27-летний юрист Ярослав Рак». Началось следствие.

В казавшихся совершенно не связанными между собой происшествиях неожиданно возникли общие фигуранты. Распутывая убийство Перацкого, полиция вышла на след, который вёл в Краков. Там столкнулись с коллегами, которые обыскивали квартиру Климишина, задержанного при переходе границы. При обыске был обнаружен странный, причудливо искорёженный лист металла. Эксперты предположили, что именно из него был изготовлен корпус той самой бомбы, которая предназначалась министру Перацкому. Идентичность металла полностью подтвердилась.

Два дела объединили в одно. Следствие растянулось на полтора года. Подозреваемые поначалу держались стойко и наотрез отрицали свою причастность к убийству генерала Перацкого. Но неожиданно польской полиции пришли на помощь

бдительные чешские коллеги, которым в Праге удалось обнаружить около двух с половиной тысяч документов — протоколов, отчётов, приказов, инструкций, служебной переписки Центрального провода ОУН, названных «архивом Сеныка». Там же хранились бумаги, непосредственно касавшиеся подготовки убийства польского министра. Фотокопии материалов направили в Варшаву. Это уже были козыри!

Сколько было опрокинуто чарок и чешской «Бехеровки», и польской «Выборовой» с «Житней» за успех и тесное сотрудничество полиции двух стран, представить страшно!..

Зато теперь во время допросов польские дознаватели могли позволить себе небрежно щеголять полной осведомлённостью о структуре, формах и методах работы организации, о деятельности её лидеров. При этом снисходительно говоря подследственным: «Парень, хватит запираться. Ты же понимаешь, мы всё и обо всём уже знаем. Твои товарищи оказались умнее, давным-давно раскололись и дали признательные показания. Смотри, не опоздай… Будешь дальше упираться, получишь на полную катушку…»

Первыми на уловки следователей повелись, надломились и «поплыли» члены Краевой экзекутивы Малюца, Пидгайный и Мигаль. Они «запели» во весь голос. Да, подтверждали они, Лебедь отвечал за наружное наблюдение, проводил рекогносцировку на местности. Автором плана покушения на Перацкого был Шухевич.

Удалось также выяснить, что первоначальный замысел операции претерпел изменения. Предполагалось, что террорист Мацейко станет смертником. Он должен был приблизиться к министру на максимально близкое расстояние и подорвать бомбу, которая уничтожила бы и Перацкого, и его самого. Но самодельный заряд дал сбой, и тогда Мацейко пришлось применить пистолет.

Бандера? Да, за ним оставалось общее политическое руководство. Не класть же Проводнику голову на плаху ради какого-то министра-сатрапа?

(Невольно напрашиваются исторические параллели. «Бомбист» Мыкола Климишин внешне был очень похож на своего тёзку — народовольца Николая Кибальчича, который в своё время готовил покушение на российского царя Александра II.

У лидера «Народной воли» Андрея Желябова, как и у Проводника ОУН Бандеры, на момент покушения было стопроцентное алиби: ни тот ни другой не принимали непосредственного участия в смертоубийствах. Однако Желябов, узнав об аресте своих единомышленников, признал своё участие в

подготовке теракта и потребовал, чтобы его судили вместе с друзьями. Бандера же напрочь отрицал всё, кроме нелегального перехода границы.)

Для Степана Андреевича крутой поворот в ходе следствия, откровенные признания вчерашних друзей стали тяжким ударом. Он сник, терялся в догадках, откуда полиции стали известны факты, которые должны были остаться тайной за семью печатями. Но когда из общей камеры его перевели в одиночку и заковали в «железы»-кандалы, Степан вспомнил свои уроки мужества и воспитания силы духа. Депрессия уступила место собранности и стойкости. Он даже пытался наладить контакт с другими заключёнными, поддержать их. Когда во время кормёжки ему расковывали руки, он умудрялся тайком от тюремщиков царапать иголкой на днище миски слово к товарищам: «Трымайтесь!» («Держитесь!»).

Но опровергать признательные показания соучастников, фотокопии подлинных документов, в том числе смертного приговора Перацкому, обозначенного берлинской конференцией ОУН как акт отмщения за жестокое «усмирение» галичан, было невозможно.

Дерзкое убийство члена польского правительства, ход следствия по этому делу долгое время оставались темой номер один для европейской прессы. «Генерал Перацкий, будучи министром внутренних дел, курировал позорную „пацификацию” Украины, — расставлял акценты обозреватель влиятельной английской газеты „Манчестер гардиан”. — Украинцы переносили тяжкий гнёт с пассивностью, достойной удивления, пока некоторые представители крайних кругов не начали устраивать пожары, сжигая скирды соломы, усадьбы польских переселенцев. В ответ отряды польской конницы и полиции нападали на украинские сёла, хватали украинских крестьян без разбора и избивали их. Эти операции проводились скрытно, но… нет никакого сомнения, что тут происходил один из самых крупных актов насилия, когда-либо случавшийся в Новейшее время. Неизвестно точное количество пострадавших, но ориентировочно их число приближается к 10 тысячам, причём почти все они были ни в чём не повинны. Избиения были столь жестокими, что многие из крестьян неделями лежали в больницах, а несколько человек скончались от ран. Эти избиения происходили одновременно с уничтожением имущества украинцев».

Варшава держала оборону, силясь доказать, что генерал никоим образом не был причастен к «пацификации» и вообще в те годы он был вовсе не министром, а лишь его заместителем. В

официальном сообщении польских властей даже проскользнуло сожаление, что Перацкий-де проявлял чрезмерную лояльность по отношению к украинцам.

Однако настырные британские газетчики не унимались: «Мы не писали, что ген. Перацкий был министром внутренних дел во времена „пацификации". Тогда он возглавлял тайную полицию в составе министерства Складковского и непосредственно отвечал за проведение „пацификации" в Восточной Галичине в 1930 г., а также в Лесском уезде в 1931 г., на Волыни и в Полесье в 1932 г. Его миротворческие выступления служили только маскировкой злодеяний и жестокости, за которые он и польское правительство несут полную ответственность».

Для советских чекистов убийство польского министра стало неожиданностью, тем более что, по агентурным данным, Евген Коновалец якобы был категорически против насилия в отношении Перацкого. Стало быть, делали вывод лубянские аналитики, в верхушке ОУН усиливается соперничество, налицо конфликт поколений, противостояние между «стариками» (Коновалец) и молодой порослью во главе с Бандерой.

Разгадывать пасьянс, складывающийся в Организации, и отслеживать происходящие там процессы начальник иностранного отдела ОГПУ Артузов поручил подающему надежды двадцатишестилетнему чекисту Павлу Судоплатову.

Не менее пристально контролировали ситуацию в ОУН германские спецслужбы. В январе 1934 года, то есть через год после прихода к власти Адольфа Гитлера, берлинская штаб-квартира ОУН на правах особого отдела была зачислена в штат гестапо. В столичном предместье Вильгельмдорф на средства немецкой разведки были сооружены казармы для «воякив» — боевиков будущей повстанческой армии.

Варшава, Медовая улица. 18 ноября 1935

В зал судебных заседаний приставы ввели Бандеру последним. При его появлении все подсудимые, не дожидаясь команды, дружно вскочили, приветствуя проводника: «Слава Украине!»

— Героям слава! — ответил им Бандера.

В этот момент поднялись адвокаты, а следом, толком не понимая, что происходит, но подчиняясь стадному инстинкту, — даже судьи и присяжные заседатели. Так скандально начался варшавский процесс над оуновскими террористами.

При опросе свидетелей проблемы усугубились. Студентка Вера Свенцицкая, игнорируя требования председательствующего, наотрез отказалась отвечать на вопросы по-польски. За неподчинение суду ей тут же вынесли приговор: штраф 200 злотых и десятидневное заключение под стражу. Плюс сутки за дерзкие в официальном присутствии выкрики «Слава Украине! Героям слава!». Полиция тут же препроводила Веру в камеру. То же наказание ожидало всех, кто осмеливался игнорировать государственный язык при даче показаний.

Но, посовещавшись, посудимые сменили тактику: отвечая на вопросы на мове, они немедленно переходили на польский, когда требовали, чтобы в протокол были занесены их свидетельства о применении насилия к ним во время следствия.

— Во время допросов я дал ложные показания в отношении некоторых подсудимых, — заявил Андрей Горницкий. — Их меня вынудили сказать под пытками. Четыре дня полицейские держали меня на морозе. Сегодня мне стыдно за проявленную мной слабость, а пытки я считаю преступлением против человека…

— Постойте, — прервал его судья, — мы хотим услышать от вас ответ на вопрос по существу: являетесь ли вы членом Организации украинских националистов?

— Да, к ОУН я принадлежал, принадлежу и буду принадлежать до самой смерти, потому что считаю, что только Организация украинских националистов…

— Свидетель, вы лишаетесь слова!

Но Горницкий продолжал твердить своё:

— Украинский народ только благодаря Организации украинских националистов…

По поручению председателя суда полицейские силой выволокли из зала «временно» приговоренного к двум суткам

ареста. Но даже на пороге Горницкий продолжал кричать: «Да здравствует украинская национальная революция! Слава Украине!»

Главной цели оуновцы добились: процесс из сугубо уголовного превращался в политический, своего рода митинг, вольную трибуну. Даже прокурор, сам того не желая, подыграл им. Своё обвинительное слово он начал с экскурса в историю:

— Проблемы взаимоотношений Организации украинских националистов и власти можно было бы обозначить одним словом. Когда в 1863 году некий русский вельможа задал вопрос польскому маркграфу Велепольскому, что должна сделать Россия, чтобы удовлетворить требования поляков, тот ответил: «Отойти!» Такую же позицию по отношению к ОУН должны занять и мы…

Спохватившись, прокурор пошёл на попятную и стал говорить о том, что Польша не может и не станет уходить с оккупированных украинских земель. Однако одно лишь сравнение украинских националистов с польскими повстанцами 1863 года уже свидетельствовало если не об уважительном отношении, то хотя бы о моральном оправдании сопротивления ОУН насильственной «пацификации».

«Мы видим двух девушек и нескольких парней, молодых, даже молоденьких, которые смотрят нам в глаза смело и ясно, — на колене строчил свой репортаж корреспондент газеты „Вядомосци литерацки” Ксаверий Прушински. — „Исподлобья”, как писали некоторые, не смотрит ни Гнатковская, ни Лебедь, ни этот 26-летний руководитель революционной экзекутивы и её трибунала, недоучившийся студент политехники Бандера, боевик, который известен как минимум под четырьмя различными кличками… Простому человеку не понять, как он, месяцами охотившийся на чиновника, как на зверя, может сегодня открыто смотреть в глаза всему миру. По параграфам статей, которые вменяет прокурор, всем им грозит смертная казнь. В лучшем случае, если не конец всей, то конец только что начатой молодой жизни, ещё не отшумевшей. Уже теперь должна была бы поступить в кровь этих людей мертвечина умирания и тяжесть долгих лет тюрьмы. Но в них этого нет.

Они очень внимательно слушают показания полицейских. Слушают, как донесения вчерашнего противника с другой стороны фронта. Если бы мы, например, встретили этих подсудимых в Карпатах, то были бы уверены, что они просто направляются в горы на прогулку. Но это между тем террористы… Они изготавливали бомбы…»

Представители проправительственной прессы были более пристрастны. Объектом их издевательских характеристик являлся

прежде всего Степан Бандера: «Имеет вид весьма непрезентабельный: низкого роста, щуплый, хлипкий, выглядит на 20–22 года. Бросается в глаза… выдвинутый вперёд подбородок. Острые черты лица придают ему неприятный вид. Это впечатление усиливается колючими, несколько косыми глазами, узкими, неровными зубами, на которые обращаешь внимание, когда он разговаривает со своим адвокатом, бурно при этом жестикулируя…»

Бандеру не раз силой (хотя никакой особой силы, конечно, и не требовалось) удаляли из зала по требованию судьи, который усматривал в его поведении нарушение общепринятых рамок. Журналисты посмеивались, описывая комизм ситуации, когда сразу несколько дебелых полицейских за руки и ноги волокли из зала щуплого Проводника.

Бандера не слушал обвинений в свой адрес, он считал себя обвинителем и прокурором. Голуфка, Майлов, Перацкий, Бабий были для него уже вчерашними мишенями. В камере Степан всерьёз вынашивал планы нового покушения — теперь на подкомиссара местной тюрьмы Владислава Кособуцкого, насаждавшего в застенках атмосферу тотального страха и террора.

Ни у кого даже сомнений не возникало, что зачинщикам убийства министра вынесут смертный приговор. Всё тот же Прушински в своих заметках писал: «Акт обвинения, судебный процесс сродни мастерству хирургических инструментов… Отсекли ими эту дюжину от заграничной помощи, от организации, существующей на чужие деньги. Рентген полицейской разведки просветил всё в их жизни… Знаем мы о них уже больше, чем о десятках наших близких знакомых… На самом деле трудно смириться с мыслью, что эти люди… всё-таки убивали. Но убивали во имя интересов своего народа. Хотя не думаю, что таким образом они оказывали ему добрую услугу. Но сейчас успех достигнут: подавляющая часть польской прессы, которая на протяжении 17 лет не признавала понятие „украинский”, за последние три недели прекрасно усвоила его, и теперь уже не забудет. А тем, кто писал о них не иначе, как о „гайдамаках”, сегодня стыдно… 17 лет талдычили нам, что распространение, даже насильственное насаждение на окраинах государства польского языка равнозначно распространению польскости, привитию любви к Польше. В зале суда находятся люди хотя и знающие польский язык, но не желающие говорить по-польски. Их ненависть к польской державе, к польскому министру… распространилась и на язык… Это не мальчики, у которых не хватало на кино и водку…»

С Прушински был солидарен коллега из журнала «Бунт млодых», который писал: «Таинственная ОУН — Организация Украинских Националистов — является ныне самой сильной из всех украинских легальных партий, вместе взятых. Она управляет молодёжью, формирует общественное мнение, она работает в бешеном темпе, втягивая массы в круговорот революции… Сегодня уже ясно, что время работает против нас. Каждый староста в Малополыпе, даже на Волыни может назвать сразу несколько сёл, которые до недавнего времени были полностью пассивными, а сегодня стремятся к борьбе, готовы к антигосударственным акциям. А это значит, что сила противника выросла, а польское государство многое утратило…»

Вынесение приговора назначили на 13 января 1936 года, на последний день года по греко-католическому календарю.

С трудом пробившись к телефонному аппарату, корреспондент газеты «Робитнык» («Рабочий») диктовал прямой репортаж в номер с места событий: «С раннего утра Медовую плотно заняла полиция. Через каждые несколько метров — конные и пешие патрули. В засадах — запасные силы. По двору суда тоже прогуливаются патрули. В зале и на ступенях количество полицейских прибавилось. По нескольку раз проверяют пропуска. Говорят, что всем представителям зарубежной, провинциальной и варшавской прессы вряд ли удастся разместиться в просторных ложах, предназначенных для журналистов. В зале, временами пустовавшем во время прений, неимоверное столпотворение. Перед боковым входом ряды дежурных полицейских. Окружённые вдвое увеличенным эскортом идут подсудимые. Они спокойны… Может быть, чуть бледнее лица, может быть, глаза блестят сильнее, но в их движениях нет волнения, которым взбудоражена публика. Проходят долгие минуты. Ожидание тревожит всех нас. Уже после 12 звучат слова приговора…»

Степана Бандеру, Мыколу Лебедя и Ярослава Карпинца суд приговорил к смертной казни. Климишину и Пидгайному присудили пожизненный срок заключения. Гнатковской — 15 лет, Малюце, Мигалю и Качмарскому — по 12. Зарецкую приговорили к 8 годам тюрьмы. А Раку и Чернию дали на год меньше.

Подсудимые выслушали приговор хладнокровно. Показательно спокоен был Бандера. Вместе с Лебедем они громко выкрикнули в зал своё: «Хай живе Украша!» После этого Степана в очередной раз силой заставили покинуть зал суда. Его биограф Петро Бачей позже напишет: «…Чтобы войти в историю национальным героем, отцом украинской государственности, Бандера готов был хоть трижды взойти на эшафот. Эту самую

готовность он желал видеть в каждом украинце».

Даже католическая газета «Полония» не удержалась от упрёков в адрес правосудия: «В таких процессах судьи обязаны помнить, что судят человека, совершившего самое тяжкое преступление, но он заслуживает уважения, ибо преступил закон в борьбе за идею…»

По окончании судебного заседания осуждённых под усиленным конвоем отправили в камеры смертников. Впрочем, не камеры — каменные мешки с оглушительной акустикой. Степана выводили на непродолжительные прогулки во внутренний дворик, прозванный Триумфальной площадью смертников, кроме него и конвоиров в те минуты там, как правило, больше никого не было.

Официальная Варшава ясно представляла себе реакцию западных политических кругов на приговор украинским националистам. Лишний раз провоцировать усиление интереса к «полонизации» было бы недальновидно. Уже в январе сейм под благовидным предлогом — «в связи со смертью маршала Юзефа Пилсудского» — принял решение об «амнистии» виновных оуновцев, заменив смертную казнь пожизненным заключением. Собственно говоря, это тоже было казнью, только отсроченной, мучительно медленной. Остальным осуждённым сроки заключения тоже сократили — кому наполовину, кому на треть. Только оставались вопросы: как можно, к примеру, на треть сократить пожизненное заключение?..

Львов. 25 мая — 26 июня 1936

Неожиданное смягчение приговора позволило судебным инстанциям через полгода организовать новый процесс над Бандерой и другими его соратниками, обвинёнными в совершении терактов против директора академической гимназии Ивана Бабия и студента Якова Бачинского. На сей раз местом суда стал Львов.

В своём обвинении прокурор особо упирал на то, что террористические акты сами по себе противоречат нормам христианской морали. На что главный подсудимый, который уже не скрывал своих должностей и званий — Краевой проводник ОУН на западных украинских землях, член Украинской военной организации (УВО), Степан Бандера заявил, что вину за убийства он возлагает на польское правительство и польский народ, которые, растоптав Божьи и человеческие законы, поработили украинцев и создали ситуацию, в которой украинский народ в целях собственной защиты вынужден казнить палачей и предателей…

За ходом судебного разбирательства внимательно следил московский дипломат Светняла. Он прилежно фиксировал показания Бандеры, который, пользуясь широкой аудиторией, охотно распространялся о целях и методах борьбы оуновцев теперь уже против советских поработителей: «ОУН выступает против большевизма потому, что большевизм — это система, с помощью которой Москва поработила украинскую нацию, уничтожив украинскую государственность. Большевизм методами физического воздействия борется на восточноукраинских землях с украинским народом, а именно — массовыми расстрелами в подземельях ГПУ, уничтожением голодом миллионов людей и бесконечными ссылками в Сибирь, на Соловки… Большевики применяют физические методы, поэтому и мы используем силу в борьбе с ними…»

На корреспондента польской «Отчизны» Бандера как «главный украинский террорист» произвёл большое впечатление: «Ведёт себя свободно и даёт показания спокойным, уравновешенным голосом. Мысли излагает ясно, видно, что это интеллигентный человек… Весь зал с интересом следит за ним. Этот человек совершенно не похож на остальных подсудимых…»

Заключительное слово Степана репортёр практически стенографирует:

«Прокурор сказал, что на скамье подсудимых сидит группа террористов и их штаб. Хочу сказать, что мы, члены ОУН, не

террористы. Деятельность ОУН охватывает все стороны национальной жизни. Об этом мне не дают возможности говорить… Заявляю, что боевая акция — не единственная и главная, но равнозначная с другими видами нашей деятельности… В этом зале при рассмотрении атентатов (покушений), которые совершала Организация, кое-кто мог подумать, что Организация ни во что не ставит человеческую жизнь, даже жизнь своих членов…

Коротко скажу: люди, которые постоянно осознают, что в любое мгновение сами могут погибнуть, больше, чем кто-либо другой, умеют ценить жизнь… ОУН бережно относится к своим членам, но наша идея столь величественна, что когда речь идёт о её воплощении, то не единицы, не сотни, а тысячи жертв необходимы для неё!.. Я прожил почти год под угрозой смертного приговора, и мне хорошо известно, что переживает человек, которому очень скоро предстоит лишиться жизни. Но я ни с чем не могу сравнить те чувства, которые испытывал тогда, когда посылал двух человек на верную гибель — Лемыка и того, кто убил Перацкого…»[9]

Суммарно судьи во Львове и Варшаве приговорили Степана Бандеру к 700 годам заключения, или, иными словами, к десяти пожизненным срокам.

Его тюремные маршруты пролегали от Свенты Кшыж (Святого Креста) под Кельце до Вронок у Познани, пока не завершились в казематах в Бересте, поблизости польско-немецкой границы. Бандера гордился своим геройским поведением за решёткой: «Я провёл 3 голодовки по 9, 13 и 16 дней, одну из них вместе с другими украинскими политическими узниками, а две — индивидуально…»

Тюремное начальство, обеспокоенное поведением своенравного узника, информировало высшие инстанции: «С. Бандера и в тюрьме интересуется деятельностью Организации Украинских Националистов, издаёт организационные директивы… По полученным данным, готовится побег С. Бандеры…»

Но первые попытки организовать побег Проводника были бездарно провалены. Только когда в 1938 году за дело взялись Зенон Коссак и Роман Шухевич, у Бандеры забрезжил слабый лучик надежды.

За 50 тысяч злотых один из тюремщиков согласился во время своего ночного дежурства отпереть камеру Бандеры, на шконку (нары) приладить «куклу», а его самого упрятать в кладовой, где обычно хранились вёдра, веники, ветошь и прочая утварь. Из кладовки был скрытый выход на тюремное подворье.

Конвоиры менялись каждые два часа: один нёс вахту непосредственно в блоке, второй — во дворе. По плану во время пересменки подкупленный охранник отпирал дверь кладовой, и Бандере оставалось пересечь тёмный двор и перемахнуть через забор, где на воле его должны были ждать друзья.

Но в последний момент операция сорвалась. Почему? Остаётся лишь догадываться. По одной версии, организаторы испугались за жизнь Проводника, который во время побега мог легко попасть под шальную пулю. Другие подозревали, что кому-то из руководства Провода не очень хотелось возвращения Бандеры к власти в Организации. Существовали и другие предположения.

В конечном счёте пострадавшим оказался бедолага охранник по фамилии Шерлей. Раздосадованный тем, что у него буквально из-под носа уплыли огромные деньги, он пустился во все тяжкие и по пьяной лавочке разболтал обо всём собутыльнику. Протрезвев, тот стукнул начальству, и покатилась волна дознаний. Взяли в оборот и самого тюремщика, и тех, с кем он общался в последнее время. «Расправа, — вспоминал один из организаторов неудавшейся операции Михайло Терен, — закончилась на святого Николая, 19 декабря 1938 года. Он преподнёс мне „подарочек” — восемь лет тюрьмы. Поляки получили судимости поменьше. А жену Шерлея, которая и понятия ни о чём не имела, судили только за то, что она взяла у мужа те пятьсот злотых, которые я ему дал в качестве задатка…»

О попытках организовать ему побег сам Бандера узнал, только выйдя на волю.

Взрыв в Роттердаме

…С раннего утра 23 мая 1938 года в портовом городе зарядил дождь, с моря налетал сырой ветер. Только ближе к полудню погода наладилась, небо прояснилось и на улицах появились пешеходы.

Прилично одетый господин, расположившись у окна ресторана «Атланта», заказал бокал хереса и, отхлебывая вино мелкими глотками, меланхолично разглядывал публику, чинно прогуливающуюся по центральному проспекту Колсингел. На появившегося в ресторанном зале мужчину он сначала не обратил внимания. Однако, заметив приветственно поднятую руку посетителя, благосклонно кивнул и пригласил за свой столик.

— Это был представительный мужчина лет тридцати—тридцати пяти, среднего роста, — позже вспоминал приметы нового гостя официант «Атланты». — Знаете, с такой уверенной осанкой, гладко бритым лицом, в строгой одежде. Да, ещё у него были густые сросшиеся брови, а тёмные волосы зачёсаны наверх. Глаза?.. Кажется, тёмно-карие. Он подсел за столик к господину. Из предложенных напитков выбрал, если не ошибаюсь, пиво. Мне запомнился его странный акцент, кажется славянский…

Выполнив заказ, официант удалился, из глубины зала посматривая на посетителей: вдруг господа ещё что-либо пожелают?.. Мужчины дружелюбно разговаривали между собой. Потом любитель пива протянул своему собеседнику небольшую плоскую коробку (конфеты, понял кельнер), откланялся и быстро удалился.

Покинув «Атланту», этот человек заглянул в ближайший магазин, в котором торговали мужской одеждой, купил светлый плащ и шляпу в тон, а потом направился куда-то в центр, видимо по своим делам. Вскоре, минут через десять — пятнадцать, из ресторана вышел и давешний посетитель, придерживая под мышкой подаренную коробку. Он свернул в переулок и ненадолго остановился перед кинотеатром «Люмьер», привлечённый яркой афишей. В этот момент раздался сильный короткий хлопок, напоминающий звук лопнувшей шины, и над тротуаром взметнулся огромный клуб дыма, мгновенно покрывший всё вокруг.

— Справа и слева я видел летящие руки и ноги, — рассказывал случайный свидетель происшедшего господин де Йонг. — Чьё-то окровавленное человеческое тело шмякнулось передо мной на тротуар. Тут же раздается звон разбитого стекла. Спасаясь от осколков, я выбежал на проезжую часть дороги…

На место взрыва примчались полицейские, пожарные машины и кареты скорой помощи. Двое изувеченных прохожих и тело убитого сразу были отправлены в госпиталь. Позже среди вещей пострадавшего полицейские обнаружили залитую кровью визитку гостя отеля «Централь» и чехословацкий паспорт на имя Йозефа Новака, директора какой-то торговой фирмы.

Но уже на следующий день удалось выяснить подлинное имя погибшего — Евген Коновалец. Как оказалось, к коммерции этот господин не имел ни малейшего отношения, зато был хорошо известен в политических кругах как лидер тайной организации украинских националистов.

Провод ОУН откликнулся воззванием к землякам, в котором Коновалец именовался не иначе, как Вождём. Руководство призвало всех украинцев «быть готовыми к новым сражениям»: «Пусть бой ваш завершится победой, а победа будет честью!»

Взрыв в Роттердаме для Организации имел далекоидущие последствия. Взрывчатка, заложенная в коробку шоколадных конфет, стала детонатором бомбы, расколовшей оуновское движение изнутри на два враждующих лагеря. Пока одни терялись в догадках, кто именно убил Коновальца, другие (более прагматичные) вели торги у гроба: кому же теперь руководить обезглавленной Организацией.

Поначалу доморощенные оуновские дознаватели цепко взяли «польский след», будучи уверены, что мстительные ляхи так и не простили украинцам гибель генерала Перацкого. Однако спустя некоторое время дотошные следователи голландской полиции выяснили, что последним из тех, с кем перед своей гибелью общался Евген Коновалец, был странный пассажир советского судна «Шилка», который и вручил вождю конфеты, начинённые взрывчатым веществом. Нашлись и свидетели, и улики. Теперь ОУН во весь голос уже трубила о злодеях большевиках, обвинив в гибели Вождя «кровавую руку Кремля»[10].

Распри, разгоревшиеся внутри ОУН в борьбе за «престол», пытались закамуфлировать под естественный, неизбежный процесс смены кадров. Пробный камень в пока ещё тихое, но мутное «болото», в котором в ожидании грядущих перемен барахтались лидеры Организации, бросил ближайший соратник Коновальца, его референт, интриган Ярослав Барановский. Узкому кругу лиц, который с каждым днём становился всё шире, он доверительно сообщал о том, что незадолго до своей кончины Проводник якобы передал ему «устное завещание», назвав своим наследником в случае непредвиденных обстоятельств полковника Андрея Мельника.

Андрей Мельник

Авторитета Мельника и его вклада в националистическое движение никто не оспаривал. Однако многих смущало, что после четырёхлетней «отсидки» в польской тюрьме свояк и кровный побратим Коновальца демонстративно отошёл от активной политической деятельности, словно приняв схиму. В последние годы Мельник, уединившись в поместье духовника ОУН Андрея Шептицкого, тихо-спокойно работал лесником.

Тем не менее именно Андрею Мельнику было поручено исполнять обязанности головы Провода. Именно так: исполнять обязанности, ибо все нити руководства Организацией фактически удерживал в своих руках «серый кардинал» Ярослав Барановский. Хотя Бандера, конечно, тоже рассматривался как возможная кандидатура на должность Проводника. Но… Он по-прежнему

сидит в Бересте.

…Утром 13 сентября 1939 года привычный, десятилетиями сложившийся распорядок дня в Берестской тюрьме был нарушен… тишиной. Ни грозного бряцания ключников, ни чавканья замков в открывающихся-закрывающихся металлических дверях камер, ни отрывистых команд охранников: «На выход! Руки за спину! Лицом к стене!..» — мёртвая тишина. Зэкам стало страшно.

Но потом даже сюда, в подземные каменные клетки, стали доноситься мощные раскаты далёкой канонады. Немцы, — догадаться было несложно. Тюремщики в панике разбежались, и хозяевами положения стали заключённые. Да здравствует свобода!..

Выбравшись из тюрьмы, Бандера вместе с несколькими товарищами окольными путями, пешком несколько дней добирался до Львова. Новая внешнеполитическая обстановка требовала срочно скорректировать все многажды продуманные, выношенные в одиночной камере планы действий и соотнести их с тем, что происходит сегодня на украинских землях. «Инкогнито в храме Св. Юра побывал Проводник КЭ ОУН на ЗУЗ Степан Бандера, — записывал в своих дневниках боевик Роман Малащук. — Он вызывал нас на беседы и совещания относительно текущей ситуации и — что делать дальше?..»

Только во Львове Бандере довелось побыть совсем недолго, лишь две недели. В городе уже вовсю хозяйничали «советцкие найманцы», и от них Степан Андреевич ничего хорошего, естественно, не ждал. Соратники, позже рассказывал он, настояли, чтобы Проводник немедленно отбыл за границу. Во второй половине октября Бандера вместе с братом Василем и ещё четырьмя членами Организации нелегально пересёк демаркационную линию и железной дорогой, а потом и пешком добрался до Кракова.

Обострившийся в тюрьме ревматизм не давал покоя. И опять-таки товарищи настояли на срочном лечении, отправив Бандеру в словацкое курортное местечко Пищаны. Вскоре туда же прибыли для поправки здоровья три десятка вчерашних политзаключенных. Но время поджимало, и медицинские процедуры пришлось перемежать с многочасовыми совещаниями, консультациями, выработкой стратегии. Единомышленники жарко спорили, обсуждая ситуацию в Европе, которая менялась с каждым днём. Никто не сомневался, что, поставив на колени Польшу, Гитлер пойдёт войной дальше, на восток. Хлебом-солью или винтовками со штыками должна встречать его ОУН?

Впоследствии на Нюрнбергском процессе один из высших чинов абвера, генерал Эрвин Штольц показывал: «После окончания войны с Польшей Германия усиленно готовилась к агрессии против Советского Союза. С этой целью по линии абвера предпринимались шаги по активизации подрывной деятельности, так как меры, которые осуществлялись с участием Андрея Мельника (Консул-1) и другой агентуры, представлялись недостаточными. Для этого был завербован известный… националист Степан Бандера (Серый). Кто вербовал Бандеру, я не помню, но на связи он находился со мной. Выполняя приказ относительно разворачивания диверсионно-подрывной работы на территории СССР, я лично связался с украинскими националистами… Были даны указания их руководителям, нашим агентам Мельнику и Бандере по подрыву прифронтового тыла советских войск путём организации провокационных выступлений, чтобы убедить международное сообщество в так называемой деморализации советского тыла в целом…»

Более года понадобилось руководителям Организации, чтобы подготовить и окончательно отшлифовать Манифест ОУН, обнародованный в декабре 1940 года.

> «Мы, украинцы, поднимаем знамя борьбы за свободу народов и человека. Боремся за освобождение украинского народа и всех угнетённых Москвой народов. Призываем революционеров всех угнетённых Москвой народов к общей борьбе и сотрудничеству с украинскими революционерами-националистами. И только посредством полного развала московской империи и путём Украинской Национальной Революции и вооружённых восстаний всех порабощённых народов построим Украинское государство и освободим угнетённые Москвой народы. Восстанет Украина и развеет тьму неволи!»

Одновременно принимается текст торжественной присяги членов ОУН:

> «Присягаю и обязуюсь перед Богом, перед украинским народом — перед собственным сознанием как член Революционной ОУН — всегда и везде работать и бороться за Украинскую Самостоятельную Соборную Державу, за осуществление идей и программ ОУН для добра и величия Украины, украинского народа, человека, а через это — для добра всего человечества.
>
> Присягаю в этом труде и борьбе отдать все свои

силы во имя этого, а при необходимости и свою жизнь. Обязуюсь точно и по совести исполнять все обязанности члена ОУН и выполнять все её приказы и поручения. Так помоги мне, Господи!»

Наивно рассчитывая на бескорыстную помощь Гитлера в обретении Украиной независимости, вожаки ОУН без устали твердили о будущем государственном обустройстве ещё не существующей державы: *«Формой государственной власти должна быть политико-милитаристская диктатура ОУН.* ***Наша власть должна быть страшной…*** *Ни один приговор не обжалуется, а исполняется сразу же. Кодексом является собственная националистическая совесть…»*

В Кракове Степан Андреевич параллельно с «делами державными» устраивает и свою собственную судьбу, близко сойдясь с Ярославой Опаривской. Вполне возможно, что поводом для сближения стали общие впечатления от учёбы во Львовской политехнике, где Ярослава в своё время также постигала агротехнические науки. Правда, чуть позже Бандеры.

Несмотря на то что Ярослава была дочерью полкового священника (погибшего во время мировой войны), она слыла девушкой вольнолюбивой и отчаянной. Весной 1939 года она даже была задержана полицией с группой студентов за организацию уличных шествий и волнений.

После капитуляции Польши Ярослава из Львова перебралась в Краков, где и произошла встреча с Бандерой.

Свадьбу молодые отметили скромно и тихо. Об изменениях в семейном положении Бандеры узнали лишь близкие. О медовом месяце и речи, конечно, не было. «Не до того сейчас, Слава, розумиешь?..» («…понимаешь?..») — «Авжеж!» («Разумеется!») — может быть, именно таким был семейный диалог на эту тему. Выбирая невесту, Бандера не мог игнорировать «Правила жизни украинского националиста», а именно пункт 39, который гласил: «Почитай женщин, которые должны стать Тебе товарищами по духу, идеям и действиям…» Следующее правило наставляло: «Цени высоко материнство, как источник продолжения жизни. Из Твоей семьи создай ковчег чистоты Твоей Расы и Нации».

«Наступал новый 1940 год, — вспоминал член Провода ОУН Василь Кук. — Приближались рождественские праздники. Девчата и женщины организовали товарищеско-семейный Святвечер, на который были приглашены присутствовавшие тогда в Кракове руководящие члены ОУН, бывшие политзаключенные и прибывшие с Украины — Бандера, Лебедь, Климишин с жёнами,

Стецько, Мирон, Тасин, Грицай, Старух, Турковский, Ломницкий… Всего — около пятидесяти человек…»

«Мы старались тот наш первый святой вечер в Кракове отпраздновать как можно лучше, — продолжил рассказ Мыкола Климишин. — Наши подруги позаботились о том, чтобы и борщ был, и вареники, и кутья… Ждали полковника Сушко, который должен был открыть вечер, но он запаздывал».

Обошлись без полковника. На правах хозяина дома коротким тостом открыл праздник Климишин. «После этого я предложил дать слово Бандере… Вечер был очень приятный и прошёл так, что оставил самые добрые воспоминания…»

Таковы были малые семейные радости там, за кордоном.

А на родной земле, провозгласив создание самостоятельного государства — Закарпатской Украины, земляки уже собирали народное ополчение в Карпатскую Сечь и мечтательно распевали:

Нам поможе вуйко Гитлер
І батько Волошин
Чехів воювати…

(Нам поможет дядька Гитлер
И отец Волошин
Чехов победить…)

С дерзким своеволием смутьянов с упомянутыми всуе чехами вместе с мадьярами при молчаливом согласии советской стороны покончили безжалостно и быстро.

Советам и без того хлопот хватало на присоединённых землях в рамках единой государственности Украины (пусть даже с декоративной самостоятельностью).

Надо отдать должное новой власти: в 1939–1940 годах количество школ с украинским языком преподавания здесь увеличилось со 139 до 6 тысяч. На родном языке преподаватели стали читать лекции и вести семинары во Львовском университете. Открывались педагогические техникумы и институты, новые медицинские учреждения. С востока Украины сюда командировались квалифицированные учителя, врачи, библиотекари, клубные работники.

Политбюро ЦК ВКП(б) 1 октября 1939 года приняло постановление «Вопросы развития Западной Украины и Западной Белоруссии» — детально проработанную программу действий. В нём особое внимание уделялось политическим вопросам. Ставилась задача: «Приступить к созданию коммунистических организаций в Западной Украине и Западной Белоруссии». Не

доверяя местным кадрам, в Галичину направлялись проверенные, опытные работники из восточных регионов. Секретарями райкомов партии туда прибыло около 500 человек. Тех, кто отказывался подчиниться «оргнабору», ожидало исключение из партии (в лучшем случае). Даже спустя пять лет после войны лишь каждый десятый из львовских коммунистов был уроженцем здешних мест.

«Варяги», разумеется, неважно ориентировались не только на местности, но и в психологии, старинных традициях, обрядах, особенностях образа жизни, с трудом понимали язык галичан, да и не хотели понимать, тем более что направлялись сюда далеко не лучшие из лучших.

Честный и простодушный помощник прокурора Ровенской области Сергеев, наблюдая происходящее, после долгих раздумий и сомнений рискнул даже обратиться по этому поводу к самому товарищу Сталину с письмом: «Казалось бы, что с освобождением Западной Украины сюда должны были быть направлены… кристально честные и непоколебимые большевики, а получилось наоборот. В большинстве сюда попали большие и мелкие проходимцы, от которых постарались избавиться на родине».

Только погорячился любитель эпистолярного жанра товарищ Сергеев. «Большие и мелкие» — члены бюро Ровенского обкома партии — тут же обратили внимание на «политическую слепоту» прокурорского работника и приняли 21 мая 1940 года соответствующее постановление: «…Сергеев, работая специально по вопросу жалоб в областной прокуратуре, использовав своё служебное положение, подобрал ряд фактов, имевших, действительно, место нарушений рев. законности, по которым партийные и советские органы реагировали и приняли меры, стал на путь явной злобной антисоветской клеветы на партийные, советские органы, прокуратуру, НКВД и в целом на всю партийную организацию, называя всех проходимцами — ворами…»

Новая власть боролась за чистоту своих рядов, правда с переменным успехом. То один из органов попадётся на самовольном захвате жилья, то другой — на наглой «экспроприации», «грубом понуждении к сожительству» или пьянке…

На «оказание помощи органам народной власти в переходный период» в западные регионы выехало 726 опытных оперативников НКВД, позже к ним прибавилось ещё 600 кадровых «внудельцев» и выпускников спецшкол.

«По нашим данным, ОУН действовала весьма активно и располагала значительными силами, — отмечали чекисты. —

Кроме того, она обладала богатым опытом подпольной деятельности… Служба контрразведки украинских националистов сумела довольно быстро выследить некоторые явочные квартиры НКВД во Львове. Метод их слежки был крайне прост: они начинали её возле здания горотдела НКВД и сопровождали каждого, кто выходил оттуда в штатском и… в сапогах, что выдавало в нём военного: украинские чекисты, скрывая под пальто форму, забывали такой „пустяк", как обувь. Они, видимо, не учли, что на Западной Украине сапоги носили только военные. Впрочем, откуда им было об этом знать, когда в советской части Украины сапоги носили все, поскольку другой обуви просто нельзя было достать…»

Раскручивался маховик репрессий, в жернова которого попадали прежде всего «социально вредные элементы» — зажиточные селяне, активисты политических партий, священники, бывшие полицейские, судейские, прокурорские чины и прочие. Излюбленным средством искоренения «элемента» была массовая депортация. За четыре месяца — с сентября 1939 по январь 1940 года — население Галичины искусственным образом сократилось на 400 тысяч человек.

Впрочем, депортированные должны были ещё благодарить Бога, ведь они всё-таки оставались лишь ссыльными. Многим их землякам повезло меньше. Летом 1940 года по обвинению в подготовке восстания под руководством ОУН было арестовано около 35 тысяч человек.

Преобразования в Западной Украины, даже позитивные, велись уже испытанными ранее на просторах Советского Союза жёсткими средствами. Ударными темпами национализировалась немощная мелкая промышленность, банки, ремесленные мастерские, транспортные средства, конфисковывались помещичьи и церковные земли, раскулачивались крепкие селянские хозяйства, в том числе польских переселенцев, которых эшелонами (более 137 тысяч человек) вывозили в Сибирь, Казахстан и Коми.

Замерла торговая жизнь, закрылись частные лавочки, а государственные магазины оставались пусты. На корню зачахли местные промыслы, исчезли корчмы, генделыки и кофейни, и появились очереди.

Ликвидировались зачаточные признаки многопартийности, запрещалась деятельность общества «Просвита», национально-культурных, кооперативных, страховых, спортивных товариществ. В очередном постановлении политбюро ЦК партии «О выплате пенсий пенсионерам б[ывшей] Западной Украины» чётко прописывались категории «социально вредных пенсионеров»:

«Прекратить выплату пенсий следующим лицам: б. воеводам, ксендзам, попам, генералам, офицерам, жандармам, помещикам, прокурорам, председателям и членам окружных судов, крупным чиновникам министерств и иных ведомств, б. директорам и разным комиссарам, которые назначались польским правительством».

Кадровым чисткам подверглись торговые и хозяйственные учреждения. В Тернополе, например, к апрелю 1940 года было выявлено «из 103 заведующих магазинами — 39 классово чуждых, из 31 руководителя промартелей — 14 классово чуждых». Секретарь Станиславского обкома партии Мищенко прямо говорил: «Конечно, мы не можем выбросить совсем польское население и не привлекать его к работе… Но если уж на работу принимается по национальности поляк, то надо внимательно изучить его…»

Затеянная паспортизация населения также несла в себе скрытую угрозу для каждого. Не имея возможности предъявить тому или иному жителю, скажем, Стрыя прямых обвинений в антисоветской деятельности, злорадные правоохранители могли легко отказать ему в выдаче паспорта — и будьте любезны в путь-дорогу, на высылку.

Иногда, правда, случались и проколы. Коллеге Мищенко по тому же Станиславскому обкому Груленко запомнилась одна поучительная история. «На весовом заводе бывший собственник Меер работал до последнего времени. Когда ему органы милиции отказали в выдаче паспорта и предложили (!) выехать из города, заводской комитет собрал рабочих, которые на собрании единогласно решили просить власти оставить Меера в городе, выдать ему паспорт, мотивируя это тем, что он очень хороший человек. Аналогичный случай имел место на машиностроительном заводе города Станислава…»

Происходящие «перемены» смущали даже галичанских коммунистов. Выступая на первой Волынской областной партконференции, испытанный ленинец тов. Шаповал с недоумением вопрошал: «Почему при поляках ежедневно поливали улицы, подметали их мётлами, а сейчас ничего нет?..»

В фарс превратились выборы депутатов в западноукраинских землях. Московская «Правда» сообщала, что их проведение «вылилось в настоящий праздник». Но была и другая правда. Зоркие наблюдатели информировали компетентные органы: член ВКП(б) с 1931 года, член Тучинского райкома партии Ровенской области, секретарь избирательного участка села Сенное И.Н. Трофименко «к моменту подсчёта голосов избирателей, объявив голосование законченным, открыл урну, выложил на стол

бюллетени и заявил членам комиссии, что из присутствующих 10 членов комиссии может остаться 3 человека, а остальные могут идти спать… Трофименко, напившись пьяным, оставил без присмотра все избирательные документы, направился следом за 18-летней местной девушкой Мазур Г., членом той же избирательной комиссии, задержал её и стал приставать к ней с целью использования как женщины, валял её в снегу… Потом напомнил ей, что имеет оружие… Избирательные документы предоставил в райисполком с большим опозданием…»

Грубые экспроприации, репрессии, кадровые перетряски, запрет деятельности национально-культурных обществ, насильственная коллективизация вызвали протест народа, толкая его под знамёна Организации. Люди, надеявшиеся на избавление от польского режима, были разочарованы новой властью, навалившейся на них с востока.

Неопределённость своего положения в Организации удручала Бандеру. Он писал: «После смерти основоположника и Проводника ОУН полк. Е. Коновальца создались ненормальные отношения напряжения и расхождения между Краевым Проводом и активом Организации… Причиной этого было, с одной стороны, недоверие к некоторым лицам, самым близким сотрудникам полк. А. Мельника… С другой — возрастало недоверие краевого актива к политике зарубежного провода…»

Сторонники Степана Бандеры утверждали, что главной причиной раскола ОУН являлся несносный характер Андрея Мельника, его диктаторские замашки. Хотя и сам Бандера был к ним склонен и не отличался стремлением к уступкам и компромиссам. Тем не менее в ноябре 1939 года он, смирив гордыню, отправился в Рим для переговоров с Мельником. «Мы надеялись сообща переубедить полковника Мельника, — рассказывал Степан Бандера, — и ликвидировать нарастающие расхождения».

Камнем преткновения явилось определение стратегии и тактики во Второй мировой войне. Бандера и его сторонники считали необходимым поддерживать контакты как со странами германской коалиции, так и с иными западными державами, не допуская тесного сближения ни с одной из сторон. Мельниковцы же делали ставку исключительно на Германию.

Жаркие споры возникли и по кадровым вопросам. Взаимных претензий накопилось предостаточно. Бандера выдвинул убийственные обвинения: Ярославу Барановскому — в сотрудничестве с польской полицией, Мыколе Сциборскому — в пособничестве советским спецслужбам, Емельяну Сеныку — и

вовсе в соучастии в убийстве Коновальца. Со своей стороны коварный Барановский всеми способами пытался внушить Мельнику, что «своим темпераментом Бандера никак не способен к плодотворному сотрудничеству».

Разъехались ни с чем. Сразу после «исторической» встречи сторонники Бандеры издали брошюру с символическим названием «Почему необходима чистка в ОУН?». Мельниковцы тут же ответили им своим манифестом «Белая книга ОУН. О диверсии-бунте Яра-Бандеры».

Каждая из соперничающих группировок, не жалея сил, трудилась над созданием светлого образа своего вождя. Вот как Мыкола Климишин описывал роль Бандеры в проведении II чрезвычайного сбора ОУН в Кракове весной 1941 года: «Все проекты различных комиссий сходились в одних руках — Ст. Бандеры, который демонстрировал, чего он стоит и что может сделать… Я видел, как он с полным знанием подходил к делу и сколько раз он вникал во все вопросы, решительно изменяя проекты, над которыми комиссии проводили долгие дни в дискуссиях. Нередко он снимал с плана совещаний какой-то вопрос, откладывая его на следующий день, и, хотя совещания затягивались до поздней ночи и утром начинались вновь, он уже приносил свой проект решения проблемы, широко и всесторонне переработанный… На этих совещаниях я укрепился в вере, что он единственный может в то время и взять Провод ОУН в руки и повести дело наилучшим образом».

Краковский сбор подтвердил акт о создании Революционного провода ОУН и признал неправомерность решения избрания Проводником Андрея Мельника. Одновременно Бандера провозгласил создание Революционного провода ОУН — ОУН(р) или ОУН(б) — Бандера.

«Создали 34 ОУН и должны были выбирать Провод, — рассказывал Евгений Стахив. — Кипели острые дискуссии, случались драматические сцены. Мыкола Климишин пал на колени и твердил, что Бандера — полубог; сам Бандера уверял, что обладает чрезвычайной силой, провидением, которое неизвестно откуда снисходит. На что, правда, Ярослав Рак решительно и смело возразил: „Стефка, мы ходили вместе в школу, и никогда не было видно, что ты обладаешь необычными силами. Что ты нынче тут плетёшь какие-то байки?!”»

Мельниковцы не отставали в раболепии и канонизации своего лидера. В официальном протоколе Римского собрания членов ОУН(м) значилось: «Вождь провозласил перед образом Павшего Вождя о присутствии 22 участников II ВЗУН[11] и свою, и ОУН готовность следовать героическому примеру Евгена

Коновальца. Речь Вождя, которую присутствующие выслушали стоя, взволновала до глубины души всех и сосредоточила их мысли о Роттердамской Могиле к Личности, которая приняла от Евгена Коновальца руль борьбы за освобождение… Когда, обращённый к облику покойного, Вождь произносил свой глубоко продуманный и рвущий душу доклад, присутствующие переживали одну из наиболее волнующих минут своей жизни…»

Членство в ОУН документально не фиксировалось. Невозможно было с точностью до последнего «штыка» определить, сколько националистов поддержало Бандеру, а сколько осталось под Андреем Мельником. Одно можно сказать: экстремистски настроенные оуновцы поддержали Степана Бандеру, а более-менее умеренные, не склонные к радикализму остались при полковнике.

В августе того же года Бандера бросил вызов Мельнику:

«…Получили от Вас два ответа. Первый — на словах: всё хорошо, в порядке, если имеются какие-то недоразумения, они могут быть постепенно устранены… Изменения могут быть произведены, но разве что потом, на очередном съезде. А потому не о чем говорить, ибо это относится исключительно к компетенции Головы Провода, который сам должен оценивать, что хорошо, а что плохо для ОУН.

Второй ответ красноречивее, яснее и конкретнее. Это конкретные организационные решения и распоряжения… Ими Вы, как Голова Провода Украинских Националистов, закрепляете существующее нездоровое положение… Ваши решения неоднозначны: так должно быть, так будет!.. Вы не хотите уже даже слышать никаких замечаний…»

Отныне и навсегда Бандера отказался даже упоминать расхожий призыв «Вождю слава!», ибо вождя, по его мнению, нет.

По инициативе Бандеры ускорилось формирование военных отрядов ОУН. Ещё в 1939 году был образован Украинский легион полковника Романа Сушко, насчитывающий около 600 бойцов. Будущих «вояков» подвергали спецпроверке, проводимой особой комиссией ОУН. Кроме того, каждый боец проходил медицинский осмотр. Только после этого они допускались на основную учебную базу в Нойгаммере, любезно предоставленную командованием вермахта. При командирах куреней постоянно находились германские наблюдатели. Кстати, своим наименованием — «Нахтигаль» («Соловей») — батальон Шухевича был обязан сентиментальным немецким офицерам, очарованным мелодичными песнями «воякив», маршировавших по плацу. Под этим легкомысленным птичьим именем «соловьи» Шухевича и вошли в историю Второй мировой войны.

«Перед отправкой на фронт, — вспоминал Лопатинский, — курень[12] присягал на верность общей борьбе с большевизмом и за освобождение украинского народа. На присяге присутствовали делегаты Провода ОУН подполковник Мыкола Лебедь и сотник Олекса Гасин. Присягу куреня откладывали со дня на день, потому что, как мы потом выяснили, в первом тексте присяги шла речь о борьбе в рамках немецкой армии за немецкий Рейх. Из-за протеста пана Лебедя… вопрос был передан в Берлин, и сразу после того, как изменился текст… курень принял присягу…»

Полностью оккупировав Польшу, гитлеровцы предложили легионерам продолжить службу в созданной ими «украинской полиции». Тем самым командование вермахта убивало двух зайцев: проверяло боевые качества оуновцев на «теренах» (территории) Польши, рассчитывая на их память о «полонизации», а заодно обкатывало ядро будущей полиции на оккупированной Украине. Для их обучения в Хелме и Перемышле создавались специальные школы. Одновременно абвер занимался подготовкой «национальных кадров» для шпионско-диверсионной работы на советской территории. В особой школе у озера Химзее украинские националисты становились квалифицированными диверсантами, а в военно-тренировочном центре — шпионами-разведчиками.

Руководитель Службы безопасности ОУН Мыкола Лебедь, вовремя подсуетившись, выхлопотал у немцев для своих надобностей горный пансионат «Стамари» в Закопане, в котором организовал курсы для подготовки потенциальных сотрудников службы. По документам курсанты числились спортсменами, готовящимися к ответственным состязаниям.

Лебедя особо ценили немцы. Ещё бы, ведь, даже по словам сотрудников школы в Закопане, он «самим своим видом нагонял страх». Не менее высоко отзывались коллеги и о другом руководителе курсов Мыколе Арсениче (известном под псевдонимами Михайло, Григор, Демьян): «Он не считается ни с какими смягчающими обстоятельствами и не знает других способов влияния или наказания, кроме физического устранения». Курсантам Арсенич преподавал основы разведки и контрразведки, Мирон-Орлик отвечал за идейную подготовку, Маевский-Косар делился секретами конспирации.

Качественный состав курсантов некоторым преподавателям не внушал особого доверия. «В школе было 56 молодых красивых здоровых хлопцев, — рассказывал Данила Шумук. — Все они были хорошо одеты и довольны собой. Я имел возможность приглядеться, кому Организация поручала решать — жить или не жить тем или иным людям. Это были словно нарочно

подобранные самые тупые люди. Среди 56 лишь пятеро усваивали материал и понимали, о чём идёт речь, а остальные… Они просто не способны были мыслить».

Кроме постоянно действующих школ и курсов, руководство Службы безопасности регулярно проводило сборы референтов СБ областного и районного уровней с ускоренным изучением курса истории Украины, Польши, Румынии, России, Германии, истории дипломатии (?), общей психологии и психологии масс, логики, основ ораторского искусства. Изучался также опыт спецслужб — от царской охранки до МГБ СССР, их методы работы, проводились практические занятия по работе с информаторами, двойными агентами, инструктажи по ведению агентурных дел, следствия и допросов, составлению отчётов.

Руководители СБ внимательно анализировали опыт партийного строительства, в частности структуру ВКП(б), основы коммунистической идеологии, внутреннюю и внешнюю политику СССР, отношения с другими компартиями и странами-сателлитами, методы дезинформации.

Германский опыт тоже не забывали. Бывали случаи, когда Лебедь намеренно «подставлял» вербовщикам школ абвера своих агентов в качестве потенциальных курсантов. «Засланные казачки», став прилежными слушателями, бесплатно постигали методы работы абвера, изучали оперативную технику, а после выпускных испытаний бесследно исчезали, возвращаясь к выполнению заданий Службы безопасности ОУН.

Первоочередными задачами СБ Бандера определил борьбу за здоровый моральный дух в ОУН, противодействие разведывательно-подрывной деятельности вражеских агентов, исполнение определённых функций судебной власти в борьбе с вредителями, вражескими для украинского народа и Организации элементами, заботу о личной безопасности членов ОУН и охрану их имущества, а также создание собственных постов в чужой и враждебной среде с целью разведки, диверсии и провокации.

Структура Службы безопасности повторяла строение самой Организации. 3–5 членов ОУН составляли звено, несколько звеньев — станицу. Далее следовали подрайоны, районы, повиты (надрайоны-уезды), округа, области, края. Начиная с подрайона сетью ОУН руководил соответствующий Провод, имевший в своём составе референтуру СБ. Руководителю подчинялись боевое подразделение и независимая сеть агентов. Высшие структуры службы состояли из разведывательного и контрразведывательного отделов. Первый, опираясь на агентуру, собирал разнообразную информацию об обстановке в населённых пунктах, дислокации воинских и полицейских частей, их

намерениях. Контрразведка внедряла агентов в карательные органы (советские, немецкие, польские), работавшие против ОУН, боролась с вражескими лазутчиками в своих рядах. Боевые подразделения СБ также исполняли функции военной полиции.

После сентября 1939 года националистические организации решили выждать и уйти в глубокое подполье. Нужно было присмотреться к новым, советским порядкам. Руководство Краковского провода приказало активистам не проявлять открытой враждебности к красноармейцам, беречь своих людей, больше заниматься подготовкой боевиков к будущим боевым действиям. Используя разложение польской армии, оуновцы пополняли собственные арсеналы. Любыми путями пытались внедряться в местные органы власти, партийные комитеты. Только в Станиславском районе чекистам удалось выявить 156 членов ОУН, работавших в сельских советах. Хотя, несомненно, под прикрытием борьбы с замаскированными оуновцами можно было расправляться с кем угодно.

Германское руководство требовало от лидеров ОУН большей активности по подготовке вооружённого восстания на западноукраинских землях, которое бы могло стать поводом для вторжения на территорию СССР. Отвечавший за его организацию полковник абвера Эрвин Штольце утверждал, что связь с Бандерой он поддерживал через своего агента Рихарда Ярого.

10 марта 1940 года в Кракове на заседании Провода ОУН был принят следующий план действий: 1) подготовить и в кратчайшие сроки перебросить на территорию УССР руководящие кадры ОУН для создания на Волыни и во Львове штабов по организации вооружённого восстания; 2) в двухмесячный срок изучить территорию, иметь чёткое представление о наличии повстанческих сил, вооружении, снабжении, настроениях населения, наличии и расположении советских войск.

На финансирование подполья Бандера получил от абвера солидную сумму. Но, по сетованию всё того же полковника Штольце, «он попытался её присвоить и перевёл деньги в один из швейцарских банков, откуда они нами были изъяты… Подобный факт имел место и с Андреем Мельником…».

В апреле 1941 года Степан Бандера издаёт формуляр, одобренный Великим сбором ОУН:

«Только полноценная Украинская Самостоятельная Соборная Держава может обеспечить украинскому народу свободную жизнь и полное, всестороннее развитие всех его сил. Только путём революционной борьбы с захватчиками обретёт украинский народ своё государство. ОУН призывает к единению в одном освободительном фронте Украинской Национальной Революции,

организует и создает политико-милитаристскую и освободительную силу, способную провести вооружённое восстание, обрести Украинскую Державу и возглавить её.

ОУН считает союзниками Украины все государства, политические группы и силы, которые заинтересованы в разгроме СССР и в создании независимой Украинской Суверенной Соборной Державы».

Ещё через месяц Бандера утвердил программу «Борьба и деятельность ОУН во время войны». Особое внимание он уделил работе с некоренным населением:

«Национальные меньшинства подразделяются на: а) дружественные нам, то есть члены всех порабощённых народов; б) враждебные нам москали, поляки, жиды.

а) имеют одинковые права с украинцами, они могут возвратиться на свою родину; б) уничтожаются в борьбе, кроме тех, кто защищает наш режим…

Следует помнить, что активисты, как главная опора сил НКВД и советской власти на Украине, должны быть при создании нового революционного порядка на Украине обезврежены. Таковыми являются:

москали, посланные на украинские земли для закрепления власти Москвы на Украине;

жиды, индивидуально и как национальная группа;

чужинцы, преимущественно разные азиаты, которыми Москва колонизирует Украину с намерением создания на Украине национальной чересполосицы;

поляки на западноукраинских землях, которые не отказались от мечты о Великой Польше…»

Советские карательные органы избирали иные объекты повышенного внимания. Тотальные репрессии коснулись и семьи Бандеры. Отца арестовали под утро 23 мая 1941 года. На допросах Андрей Михайлович был стоек: «По своим убеждениям я украинский националист, но не шовинист. Единственно правильным государственным устройством для украинцев считаю единую соборную и независимую Украину». Военный трибунал в Киеве вынес ему смертный приговор. 10 июля Бандеру-старшего расстреляли (в приговоре значилось: «…Без конфискации имущества ввиду отсутствия такового»).

Сестёр Степана Марту Марию и Оксану тогда же отправили по этапу в Красноярский край на поселение. В Сибири с места на место их переводили каждые 2–3 месяца вплоть до амнистии, объявленной только в 1953 году. Тогда же им, доставленным в Москву, пообещали свободу в обмен на публичное отречение от своего брата и осуждение его деятельности. Сёстры отказались от

«индульгенции» и получили «обратный билет» — в бессрочную ссылку. Через семь лет им выдали паспорта и разрешили уезжать, предупредив: на Украине им места нет, не пропишут. Остались сёстры в Сибири. После смерти Марты Оксана, отбыв почти полувековую ссылку, в 1989 году вернулась в родные края.

Младшую сестру Степана Владимиру, мать пятерых детей, арестовали уже после войны, в 1946 году, отправили в красноярские, затем в казахстанские лагеря, а через десять лет определили на поселение в Караганду…

> Ой, Караганда ты, Караганда! Ты уголёк даёшь на-гора года! Дала двадцать лет, дала тридцать лет, А что с чужим живу, так своего-то нет! Кара-ган-да…[13]

«Красный день календаря…»

Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног — но мне досадно, если иностранцы разделяют со мной это чувство…

А.С. Пушкин. Письмо П.А. Вяземскому от 27 мая 1827 г.

«Вряд ли кто в мире так жаждал войны, как украинцы в 1941 году, — откровенничал в своих мемуарах видный деятель ОУН Зиновий Кныш. — Для украинцев под большевистским режимом это была единственная надежда зажить свободной жизнью, для тех же, кто находился за пределами СССР, — единственным шансом в истории видеть Украину свободной, суверенной державой…»

Но, увы, триумфа не получилось. Если первые дни после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз для украинских националистов и были «красными», то исключительно с траурным окаймлением. Заниматься эвакуацией тысяч арестованных оуновцев на восток у НКВД не было ни возможностей, ни времени, ни желания. Стремительный натиск немцев вынудил пойти на крайние меры — началась повальная зачистка тюрем. Гремели ружейные залпы, подвалы и камеры, под завязку забитые арестантами, порой просто забрасывались гранатами. По информации начальника тюремного управления НКВД УССР Филиппова, в Львовской области было уничтожено 2446 заключенных, в Дрогобычской — 1101, Станиславской — тысяча, в Луцке — вдвое больше, в Перемышле — 267, Дубне — 260… В секретных донесениях они проходили как «убывшие по 1-й категории».

Походные группы, сформированные Мельником и Бандерой, договорились о «разделе сфер влияния». Каждый населённый пункт оставался под «протекторатом» той группы, которая захватит его первым. Но об идиллии отношений говорить не приходилось. То и дело между ними возникали кровавые стычки, хотя цели перед собой они ставили вроде бы разные, не пересекающиеся одна с другой. Более умеренные — мельниковцы — декларировали желание заниматься лишь налаживанием общественной и культурной жизни на захваченной фашистами территории: создавать местное самоуправление, так называемые

управы, вести набор в полицию и т. п. Бандеровцы же были настроены куда агрессивнее. В подтверждение тому — фрагмент дневниковой записи одного из «вояків» о событиях второго дня войны, 23 июня: «Наш отряд атаковал село Верба и захватил его. Мы застрелили 50 красноармейцев. Через 24 часа после того, как мы сделали нашу работу, в село вошли немцы. Они были приятно удивлены и восхищены тем, как мы справились с зачисткой села. После этого наши парни вместе с немцами ликвидировали всех остальных».

ОУН(б) определяла для себя глобальные геополитические задачи. Открытым текстом говорилось о том, что границы Украины должны простираться от Волги до Северного Кавказа. В качестве аргументов приводились «исторические факты»: Кубань, Ставрополье и прочие южные российские территории заселялись и осваивались именно выходцами с Украины, наследниками запорожских казаков.

Однако в руководстве Третьего рейха по-прежнему не существовало единого мнения относительно взаимодействия с ОУН. Ведомство Канариса рассчитывало на самое тесное сотрудничество с националистическим движением. Партийные же бонзы во главе с Борманом не видели в Организации серьёзной политической силы, скептически оценивая её возможности и степень влияния.

Верили ли националисты, что Германия позволит им создать независимую Украину? Во всяком случае, надеялись на это. Тем более живые примеры были перед глазами. Ведь согласился же Гитлер с существованием в Европе новых независимых государств — Хорватии и Словакии… Чем же мы хуже?

ОУН(б) была готова хоть завтра набросить на Украину одежды свободы и независимости, вознести к небу острый трезуб и затянуть песнь о том, что держава «ще не вмэрла». Но провозглашение Украинского национального комитета, якобы объединившего представителей всех национал-политических сил, не произвело на Берлин ожидаемого впечатления. Более того, куратор от вермахта полковник Бизанц передал Бандере официальное предостережение о недопустимости самостоятельных действий, не согласованных с немецкой стороной.

Ещё до начала боевых действий против СССР, в апреле 1941 года рейхсминистр доктор Альфред Розенберг подал фюреру аналитическую записку о возможных перспективах развития ситуации на территории Советского Союза:

«Киев является главным центром государства варягов, которые принадлежат к норманнам. Но после господства татар

Киев на протяжении долгого времени противостоял Москве. Его национальная жизнь в противовес тому, что говорит московская история, чьи версии распространялись и в Европе, основывалась на довольно сильных традициях.

Политической задачей в этом регионе будет утверждение собственной национальной жизни к возможному созданию политической формации, которая имела бы цель самостоятельно или в союзе с районами Дона и Кавказа в форме Черноморской конфедерации постоянно противостоять Москве и охранять великонемецкие жизненные пространства на Востоке…»

30 июня 1941 года Красная армия поспешно оставила Львов. Войдя в город в 4.30 утра, бойцы батальона «Нахтигаль» рассредоточились по нескольким направлениям. Часть отряда направилась к церкви Святого Юра, другая — на улицу Лонцкого, где находилась местная тюрьма. «Зрелище на Лонцкого было жутким, — рассказывали очевидцы. — Камеры были забиты замордованными людьми и, чтобы попасть из одного отсека в другой, приходилось перелезать через горы трупов. Тела убитых уже разлагались, вонь стояла невероятная. Чтобы находиться там хоть какое-то время, был необходим противогаз…»

«Соловьи» безостановочно метались по улицам Львова. «Они взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава гимнастёрок, держа оружие на изготовку, — это видел рядовой вермахта Вальтер Брокфорт. — Их вид был устрашающим… Словно бесноватые, громко гикая, с пеной у рта, с вытаращенными глазами неслись украинцы по улицам Львова. Каждого, кто попадался им в руки, жестоко казнили…»

По-хозяйски расположившись в бывшем кабинете начальника местного управления НКВД, штурмбаннфюрер СС Гюнтер Хеерман заканчивал диктовать шифровку в штаб: «…Шеф айнзатцгруппы „Б” сообщает, что украинское повстанческое движение во Львове было зверски подавлено НКВД. Расстреляно НКВД ок. 3000 чел. Тюрьма горит…» Он подошёл к окну: улица была переполнена украинскими «вояками», облачёнными в униформу вермахта. У каждого солдата и командира на погонах красовались как знаки отличия жёлто-голубые ленточки. Он усмехнулся, вспомнив, как вчера один из этих офицеров взахлёб пытался убедить его, что они, «вояки», собираются повторять подвиги каких-то неведомых сечевых стрельцов и именно о них благодарные потомки будут слагать оды. «Дети, — вздохнул Хеерман, — видит бог, дети…»

Потом штурмбаннфюрер вернулся к столу и взял копию депеши представителя МИДа при 17-й армии Рафляйдерера:

«Прибыл вчера во Львов, в восточном предместье ещё продолжались бои… На улицах многочисленные члены украинских организаций, некоторые даже с оружием. Город кое-где пострадал от поджогов русских, а также военных действий. Много актов против евреев…» Всё верно, не соврал дипломат. Но всё равно за ним надо присматривать.

В тот же день в столице Западной Украины так называемое Национальное собрание в присутствии немецкого генералитета торжественно провозгласило Акт о возрождении украинской государственности.

«Волей украинского народа, — говорилось в документе, — Организация Украинских Националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает возрождение украинского государства, за которое положили головы целые поколения лучших сынов Украины… На западных землях Украины создаётся украинская власть, которая подчиняется украинскому национальному правительству, которое будет образовано в столице Украины Киеве».

С утра весь город был усеян листовками Краевого провода ОУН(б):

«Народ! Знай! Москва, Польша, мадьяры, жиды — это твои враги! Уничтожай их беспощадно!

Знай! Твоё руководство — Провод украинских националистов, ОУН!

Твой вождь — Степан Бандера!»

Как свидетельствовал хроникёр ОУН Петро Мирчук, «Акт… был встречен с „энтузиястичным", единодушным „апробатой" [одобрением] всего украинского народа. Во всех украинских городах и сёлах, из которых убрались московские большевики, состоялось торжественное оглашение этого Акта и демонстративное его подтверждение».

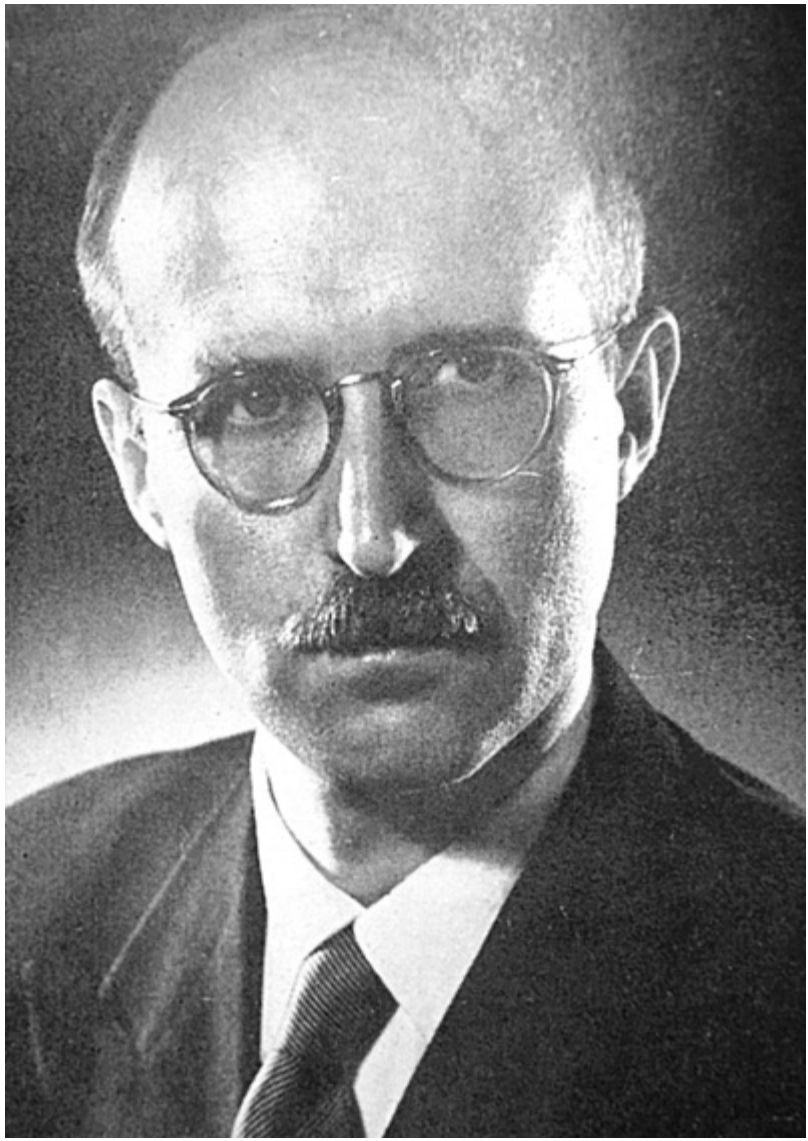
Не отставало и духовенство: в Галичине Акт приветствовал митрополит Андрей Шептицкий. «По воле Всемогущего и всемилосердного Бога в Троице Единой началась новая эпоха в жизни державной соборной самостоятельной Украины, — писал он в своём Пастырском послании. — Состоявшееся вчера Народное Собрание утвердило и провозгласило это историческое событие».

На Волыни митрополиту вторил епископ Поликарп: «Так на наших глазах справедливость Божья исполнилась: Один Бог, одна нация и общее лучшее будущее. Исполнилась наша вековечная мечта. В городе князя Льва радиовесть несётся над нашими горами, нивами, полями, над нашей густо орошённой кровью землёй…»

Один из пунктов Акта гласил: «Возрождённая Украинская Держава будет активно сотрудничать с Национал-Социалистической Великогерманией, которая под руководством Адольфа Гитлера создаёт новый порядок в Европе и мире…»

Председатель Собрания Ярослав Стецько был уполномочен создать временное правительство в составе 15 министров. Вице-премьер-министром был назначен Лев Ребет. В этот уряд Стецько рекрутировал представителей различных политических течений (но без ОУН Андрея Мельника), в результате чего члены ОУН даже очутились в меньшинстве. При этом случались и курьёзы. Скажем, пост госсекретаря Министерства информации неожиданно получил бывший член ЦК ленинского комсомола Иосиф Позычанюк, откомандированный из Винницы ещё до войны для налаживания агитпропа совсем иной идейной направленности.

Уже на следующий день после оглашения Акта исполненный восторга Ярослав Стецько телеграфировал Адольфу Гитлеру: «С сердечным чувством благодарим Вашу героическую армию, которая покрыла себя славой на поле битв с самым ужасным врагом Европы — московскими большевиками. Мы шлём Вам, великому фюреру, от имени украинского народа и его правительства, созданного в освобождённом Лемберге [Львове], искренние приветствия и пожелания обрести… полную победу».



Ярослав Стецько

Одновременно он заверял непосредственного «шефа» в германском правительстве — рейхсминистра Альфреда Розенберга — в своём однозначном политическом выборе и верноподданнической позиции: «Москва и жидовство — главные враги Украины и носители растлевающих большевистских интернационалистических идей…»

Лишь оставшийся не у дел, оскорблённый в лучших чувствах Андрей Мельник увидел в происшедшем злую волю своего соратника-противника Бандеры, а потому поставил в известность Берлин и заодно генерал-губернатора Франка о своём отношении

к создавшейся ситуации: «Бандеровцы ведут себя недостойно, создали без ведома фюрера своё правительство».

Командование айнзатцгруппы «Б» также негодовало: «Украинцы под командованием Бандеры 2–3 июля поставили немецкую власть перед фактом создания Украинской республики и организации милиции. Группировка Бандеры развернула в последнее время большую активность, особенно в распространении листовок и т. п. В одной из этих листовок говорится, что украинское освободительное движение, ранее удушаемое польской полицией, ныне точно так же страдает и от немецкой полиции…»

Стремясь взять положение под контроль, оккупационные власти приняли решение изолировать ряд деятелей украинских националистических организаций, определив их под домашний арест. Через несколько дней в Кракове был задержан и сам Степан Бандера.

В первых числах июля при участии «нахтигалевцев» были казнены выдающиеся представители польской интеллигенции — академик Соловий, профессоры Бой-Желенский, Серадский, Новицкий, Ломницкий, Домасевич, Островский, Грек, Круковский, писательница Галина Гурская, бывший польский премьер, почётный член многих зарубежных академий Казимир Бартель… В каждом городе и посёлке расстреливали тех, на которых указывали как на коммунистов из списков, составленных участниками оуновского подполья.

На подстрекательский призыв фашистов «Бей жидов!» первыми отликнулись люмпены и легионеры. «На протяжении первых трёх дней июля батальон „Нахтигаль” уничтожил во Львове и его окрестностях семь тысяч евреев, — сообщал в своей документальной книге «Погромщик» американский исследователь Саул Фридман. — Евреев — профессоров, юристов, врачей — заставляли перед казнью вылизывать все лестницы четырёхэтажных зданий и переносить мусор во рту от одного дома к другому. Потом, вынужденные пройти сквозь строй вояк с жёлто-блакитными[14] нарукавными повязками, они были заколоты штыками».

Бог і Україна!

САМОСТІЙНА УКРАЇНА

Редакція і Адміністрація: Станиславів, вул. Нарбіського ч. 7, І поверх, ч. тел. 22.
Ціна 50 нов. або 5 кін. фенігів

Рік І. Станиславів, 10 липня 1941. Ч. 3.

АКТ ПРОГОЛОШЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ ДЕРЖАВИ

1. Волею Українського народу. Організація Націоналістів під проводом Степана БАНДЕРИ проголошує створення Української Держави, за яку поклали свої голови цілі покоління найкращих синів України.

Організація Українських Націоналістів, яка під проводом й Творця й Вождя Євгена КОНОВАЛЬЦЯ вела в останніх десятиліттях кривавого московсько-большевицького поневолення запяту боротьбу за свободу, взиває увесь український нарід не складати зброї так довго, доки на всіх українських землях не буде створена Суверенна Українська Влада.

Суверенна Українська Влада забезпечить Українському народові лад і порядок, всесторонній розвиток усіх його сил та задоволення всіх його потреб.

2. На західних землях України твориться Українська Влада, яка підпорядкується українському Національному Урядові, що створиться у столиці України — КИЄВІ.

3. Новопостаюча Українська держава буде тісно співпрацювати з Націонал-Соціалістичною Великою Німеччиною, що під проводом свойого Вождя Адольфа ГІТЛЕРА творить новий лад в Европі і в світі та допомагає Українському Народові визволитися з підмосковської окупації.

Українська Національна Революційна Армія, що твориться на українській землі, боротиметься дальше в СОЮЗНОЮ НІМЕЦЬКОЮ АРМІЄЮ проти московської окупації за Суверенну Соборну Державу і новий лад у цілому світі.

Хай живе Українська Суверенна Соборна Держава! Хай живе Організація Українських Націоналістів! Хай живе провідник Організації Українських націоналістів й Українського Народу СТЕПАН БАНДЕРА!

СЛАВА УКРАЇНІ!

Статья Степана Бандеры

Изначально присутствовавший в идеологии ОУН(б) антисемитизм решениями съезда в 1941 году окончательно был узаконен: *«Евреи в СССР являются преданнейшей опорой господствующего большевистского режима и авангардом московского империализма на Украине. Антиеврейский настрой украинских масс использует московско-большевистское правительство, чтобы отвлечь их внимание от истинного виновника бед и чтобы в час взрыва направить их большую часть на погромы евреев. Организация украинских националистов борется с евреями, как с опорой московско-большевистского режима, одновременно убеждая народные массы, что Москва — это главный враг».*

Участие националистов в обысках, арестах и убийствах евреев, по свидетельству польского историка Рышарда Тожецкого, заставило раввина Левина обратиться к митрополиту Шептицкому, известному доброжелательным отношением к верующим евреям. Митрополит обещал в своём пастырском послании предостеречь украинцев от совершения убийств, но признал, что он бессилен в отношении действий гитлеровцев… В конце июля украинские националисты, большей частью крестьяне из ближних сёл, при участии украинской полиции, ведомой гитлеровцами, которых было по два-три в каждой группе, совершали погромы евреев. Это была инспирированная акция по всей Восточной Галичине… Мужчин, которых ловили во время акций, сразу убивали штыками или расстреливали. Пастырские послания не доходили до сознания молодых украинцев.

После задержания Бандеры и Мельника бойцов батальона

«Нахтигаль» от греха подальше перебросили из Львова в Тернополь, а затем ещё чуть дальше на восток, где немецкие войска захватили Браилов, Винницу. Потом «соловьи» передислоцировались в Подолию «на отдых».

Именно там, узнав об аресте Бандеры и членов временного правительства, Шухевич заявил своим германским шефам, что «Нахтигаль» больше не может оставаться в составе вермахта. Батальон отправили на постоянную базу в Нойгаммер, где объединили с батальоном «Роланд» в так называемый шуцманшафт-батальон.

В Краков на встречу с представителями германского руководства были срочно вызваны лидеры ОУН. Туда же из местной тюрьмы доставили Бандеру.

Помощник госсекретаря герр Кундт заметно нервничал, был напряжён, но всё же старался держаться в рамках дипломатического протокола, говорил сухо, деловито и в то же время напористо:

— Господа, я должен вам прояснить нашу позицию по поводу сложившейся ситуации… Немецкие власти не были своевременно поставлены в известность о создании во Львове украинского правительства. Но оно незаконно, не имеет права на существование без согласования с Берлином… В ваших документах утверждается, что немецкий рейх, вермахт являются вашими союзниками. Это не совсем точная формулировка. Фюрер — наш вождь, и он единственный, кто определяет, кто является союзниками великой Германии. Я допускаю, что сегодня украинцы полны воодушевления, чувствуют большой подъём и рассматривают себя как наших союзников. Однако вы допускаете путаницу в общепринятой терминологии: мы не есть союзники, мы — завоеватели российско-советских территорий, восточных регионов. Вы меня понимаете, господа?.. Я сегодня же вылетаю в Берлин для проведения консультаций. Там будут обсуждены все вопросы и приняты соответствующие решения. Компетентные политические органы власти рейха под руководством фюрера считают преждевременным создание Национального комитета, который бы выступал от имени Украины. Считаю необходимым предупредить вас, господа, впредь не допускать подобного своеволия и не компроментировать себя в глазах вашей собственной нации… Я передал в Берлин ваш меморандум. Окончательное решение по этому вопросу за фюрером… — Скользнув взглядом по насупленным физиономиям Шухевича, Андриевского и других «атаманов», Кундт обратился непосредственно к Степану Бандере: — В радиопередаче, которая

транслировалась из Львова или, может быть, с какой-то другой, неизвестной нам станции, но на той же частоте содержалась информация о том, что вы, господин Бандера, являетесь главой свободной державы западных украинцев и что именно вы объявили, точнее, поручили обнародовать декрет № 1, которым вы назначаете господина Стецько главой правительства. Первый вопрос. Господин Бандера, спрашивали ли вашего согласия на назначение главой Украинского государства и отдавали ли вы поручение зачитать по радио обращение? Второй вопрос: кто именно являлся инициатором декрета № 1, вы или какое-либо иное лицо?

Бандера, не смутившись нажима, отвечал спокойно, не избегая, впрочем, пафосных оборотов, которые ставили в тупик переводчика:

— Мы вступили в сражение, которое сегодня разворачивается широким фронтом против Советов, чтобы бороться за независимую и вольную Украину! Мы отстаиваем украинские национальные идеи, цели и задачи. Когда начались боевые действия, я приказал моим людям не жалеть сил, принимая участие в этой борьбе совместно с немецкими войсками. Я отдал распоряжение немедленно организовать в оккупированных немецкими войсками районах администрации и создать правительство. Этот приказ мною был обдуман ещё до начала войны…

— Ваши сторонники провозгласили вас главой державы по вашему же приказу?

— Я, герр Кундт, прежде всего, был и есть главой Организации украинских националистов (ОУН), а эта организация представляет интересы всего украинского народа. Я говорю здесь от имени ОУН, и говорю как лидер украинского народа. ОУН — единственная сила, которая борется за независимость Украины и, следовательно, имеет право на создание собственного правительства.

Но упрямый Кундт гнул свою линию:

— Вы ошибаетесь, господин Бандера. Это право принадлежит победителю — фюреру и немецкому вермахту, покорившему эту страну. Только он имеет право решать что-либо, в том числе и утверждать правительство.

Бандера не собирался сдаваться. Он тщетно пытался растолковать своему твердолобому собеседнику:

— Мне хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что, отдавая приказы, я не согласовывал их с какими-либо немецкими органами. У меня на руках мандат, полученный от украинского народа. Построение Украинского государства и организация

жизни в нём невозможны без самих украинцев…

Кундт позволил себе лёгкую усмешку, оставляя последнее слово за собой:

— Только Адольф Гитлер будет решать, что, как и кому строить. — Встал и кивнул на прощание: — Ауфвидерзейн, господа.

Степана Бандеру без дальнейших объяснений возвратили назад, в Краковскую тюрьму, за «непонимание текущего политического момента».

Возмущённый наглым самоуправством украинских «самостийников», Гитлер потребовал от Гиммлера принять решительные меры и в самые сжатые сроки укоротить «бандеровских диверсантов». Создание независимого Украинского государства не входило в планы фюрера.

По поручению Гиммлера во Львов прибыли команда СД и спецгруппа гестапо с чётко поставленной задачей: «Ликвидация заговора украинских самостийников». Премьеру-самозванцу Ярославу Стецько был предъявлен ультиматум о признании постыдного Акта недействительным. Когда Стецько гордо отказался, его и ещё нескольких членов бывшего кабинета министров арестовали.

Через неделю, 17 июля 1941 года, из Западной Украины в Берлин поступила новая тревожная шифровка:

«Секретное дело Рейха!

Начальник полиции безопасности и СД

…Вся деятельность группы Бандеры по пропаганде осуществляется в соответствии с чётко определённым и хорошо продуманным планом.

После провозглашения „украинского национального правительства” во Львове, в других городах в бывших польских воеводствах Львова, Тернополя и Луцка прошли демонстрации в поддержку независимости. Группа Бандеры организовала так называемые пропагандистские группы, и, как только тот или иной район оккупируется немецкими войсками, они немедленно устраивают демонстрации за независимость и создают на местах автономные административные органы. Кроме того, они распространяют прокламации, листовки, издают нелегальные газеты… Проводят пропаганду исключительно в пользу ОУН, а точнее, в поддержку группы Бандеры. Мы наложили арест на выпуск разных газет ОУН, которые издавались без разрешения. Двадцать типографий, захваченных группой Бандеры в первые дни оккупации, у них отобраны…»

Нарастающая с каждым днём активность бандеровцев раздражала представителей «нового порядка». Полиция безопасности и СД 15 августа информировала штаб армии: «Деятельность западноукраинской группы Бандеры становится всё более вредной в других районах Украины. Там провозглашаются национальные политические идеи, для которых ранее не было практически никакого реального основания. Эти идеи составляют острую опасность для немецких интересов сегодня и в будущем. Принимаются соответствующие меры…»

Новый хозяин Украины, рейхскомиссар Эрих Кох в своём приказе № 119 «Об отношении воинских частей к украинскому населению» особо указывал: «…Созданные украинские национальные местные управления или районные управы должны рассматриваться не как самостоятельные управления или уполномоченные от высших властей, а как доверенные для связи с немецкими военными властями. Задача их заключается в том, чтобы выполнять распоряжения последних».

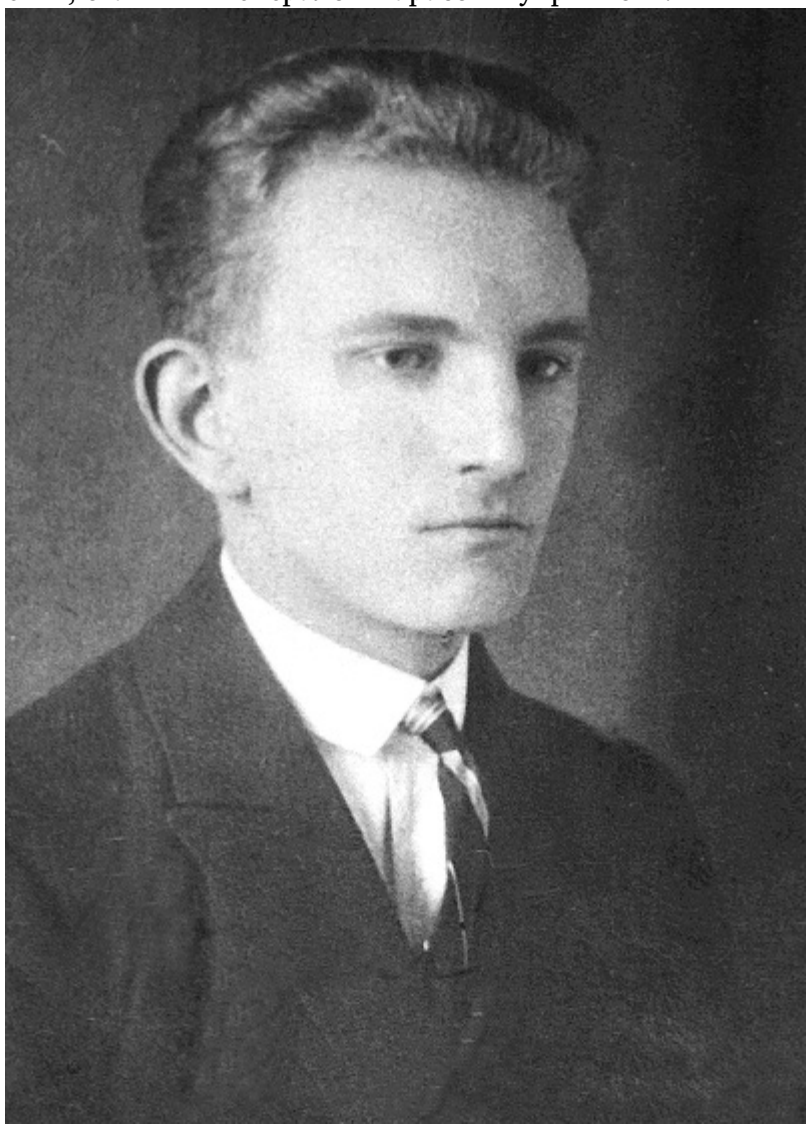
Но Проводник указывал своим активистам нечто другое: «На освобождённых от московско-большевистской оккупации территориях украинской земли ОУН провозглашает построение Украинского Государства, устанавливает власть, которая должна организовать государственную жизнь во всех сферах и руководить ею. Мандат на провозглашение украинской государственности и на установление власти даёт нам многолетняя революционно-освободительная борьба, подъём народного восстания, государственно-творческая инициатива и фактическая сила. Если бы на Украину пришли войска таких государств, которые враждебно отнеслись бы к украинской государственности, тогда наша освободительная борьба перешла бы в новое качество…»

Ослушников попытались вразумить. Вместе с Ярославом Стецько Бандеру доставили в Берлин, где вольнодумцам вновь, уже в который раз, доходчиво объяснили, что Германия пришла на Украину не как освободитель, а как завоеватель. Заодно напомнили, что в «Майн кампф» места Украине как независимой державе нет. Как, впрочем, и другим национальным славянским государствам. Единственную уступку удалось выторговать Бандере у сумрачного Берлина — почётного права для оуновцев с оружием в руках помогать немецкой армии громить Москву и большевизм. После этого «узники» 15 июля были освобождены из-под ареста, который Стецько позже назвал «почётным».

Абверовская дача в берлинском предместье, куда для восстановления сил был определён Степан Андреевич, оказалась вполне пригодной и для отдыха, и для работы. Он вёл деловые переговоры с представителями различных германских ведомств,

влиятельными армейскими чинами, занимался активной перепиской, готовил докладные на Гитлера, Риббентропа, Розенберга и других первых лиц рейха, убеждая их, что за ОУН и лично Проводником стоят огромные силы, которые можно и должно использовать в борьбе с ненавистным российским империализмом.

В конце концов Бандере удалось добиться великодушного согласия германского руководства на организацию Украинской повстанческой армии (УПА), которую возглавил испытанный в боевых условиях командир батальона «Нахтигаль» Роман Шухевич, ставший «генералом Тарасом Чупринкой».



Роман Шухевич

Датой создания УПА было избрано 14 октября — день Покрова Пресвятой Богородицы, покровительницы казаков Запорожской Сечи. В качестве «свадебного подарка» повстанцам было доставлено около 2 миллионов (бэушных, правда) чёрных эсэсовских мундиров прямо с интендантских складов вермахта.

Мельниковское крыло ОУН, вновь почувствовав себя обойдённым, обратилось с воззванием к землякам:

«Мужи и женщины Украины!

Осознайте свой долг перед Революцией. Мужественно и неустрашимо противодействуйте любым террористическим попыткам свести к авантюре Освободительную Борьбу. Организовывайте всюду боёвки Украинской Всенародной Обороны и не дайте себя грабить т. н. Повстанческой Украинской Армии, помогая ей продуктами, обувью, кожухами и лошадьми.

Давайте отпор любым попыткам проливать в бесплодной „партизанке” свою кровь и кровь своих сыновей и братьев.

Любая мобилизация в УПА — это политическое и военное сумасшествие и дурость. Отпор братоубийцам! Отпор каинам! Бандеровец, стреляющий в украинцев, — это бандит и агент Москвы, но не украинский революционер».

Москва с воздуха тоже накрыла всю Западную Украину своими листовками:

«Смерть немецким оккупантам!

Вожаки украинских националистов, объявив свою борьбу войной за „самостийную свободу Украины”, баламутят народные массы в оккупированных немецкими захватчиками районах Украины, призывают украинцев идти в их бандитские отряды. В своей лживой агитации эти вожаки… науськивают украинцев против Красной Армии, болтают, что, дескать, Красная Армия воюет не столько против немцев, сколько против так называемого „освободительного движения украинского народа”. Ложь!.. Красная Армия — армия трудящихся народов, она борется за свободу и независимость свободолюбивых народов, за очищение нашей земли от фашистских захватчиков, рабовладельцев, разбойников. Тем бессмысленнее являются наветы националистов на Красную Армию и большевиков, будто бы Красная Армия и большевики преследуют империалистические цели, то есть захват новых стран, земель, порабощение народов…

Бандера прибыл на Украину на немецкой тачанке. Украинцы хорошо помнят, как недавно Бандера и его прихвостни устраивали торжественную поездку к немцам в специальном

поезде…

25 лет тесной дружбы украинского народа с народами Советского Союза доказали всю правоту этого единения, украинец 25 лет был подлинным хозяином своей земли, своих предприятий, своих недр, своей жизни. Никто ему не навязывал своей воли, чужих интересов. В свободе, без панско-кулацкого ярма, без капиталиста, когда каждый волен прокладывать себе путь в жизни, обладать правом на труд, образование, отдых, — в этом основная суть и значение самостоятельности и независимости украинского и любого другого народа…»

Повстанческая армия с первых дней стремилась к строгой организационной структуре. Наименьшей боевой единицей был рой (отделение). Из трёх роев состоял чот (взвод). Три чота составляли сотню (100–150 бойцов). Несколько сотен объединялись в курень, то есть батальон, а последние формировали загин (отряд или полк).

Главный военный штаб УПА состоял из семи крупных отделов по различным направлениям. В соответствии с требованиями службы безопасности каждый из них находился на удалении друг от друга не менее чем пятичасового пешего марша и пребывал в постоянной готовности к перемещению в другой район, в заранее подготовленные точки.

Вооружённые отряды уповцев вслед за гитлеровцами, стремительно продвигавшимися на восток, походными группами преследовали отступающих красноармейцев. Но главной их задачей становилось участие в карательных операциях против мирных селян. Как ратный подвиг преподносился факт, что среди полутора тысяч палачей, учинивших кровавую бойню в Бабьем Яру в Киеве, было 1200 полицаев с оуновскими знаками отличия и лишь малая часть немецких солдат.

«Боевой опыт» повстанцев фашисты использовали не только на Украине. Бандеровцы принимали участие в составе эсэсовских формирований в карательных операциях «Болотная лихорадка», «Треугольник», «Котобус» против белорусских партизан. В их «послужном списке» — десятки сожжённых хуторов и деревень, в том числе печально известная Хатынь.

«Ваше святейшее экселенция, — с почтением сообщал своему духовнику, митрополиту Андрею Шептицкому находившийся в Белоруссии Роман Шухевич, — дела идут у нас хорошо, немцы нашей работой довольны…»

«Только в войне видим своё спасение…»

Это красноречивое заявление лидеров Организации содержалось в меморандуме «Положение ОУН в Карпатском крае». Вожаки ОУН при формировании Повстанческой армии первостепенное внимание уделяли внешнему виду бойцов, обмундированию и атрибутике. «Животрепещущая» проблема — создание особой униформы для войск УПА — обсуждалась даже на особом заседании Центрального провода. Референт пропаганды Степан Ленкавский (автор «Декалога») предложил вниманию высокого собрания проект формы и знаков отличия, над которым трудилась целая бригада художников и модельеров. Бесконечные дискуссии велись, как было занесено в протокол заседания, по поводу «упрощённого трезубца на воротнике… с разными цветами для различных родов войск: пехота — синий, кавалерия — жёлтый, артиллерия — красный, лётные части — белый, технические — чёрный… Роман Шухевич предложил проекты мазепинок[15] с трезубцами…».

Даже стратегический документ «Борьба и деятельность ОУН во время войны» содержал жёсткие требования к внешнему виду воинов УПА: «Единообразное обмундирование, одеть отдельные подразделения в захваченную советскую униформу или, в её отсутствие, хотя бы в одинаковую гражданскую одежду».

Следовало также носить на левом рукаве сине-жёлтую повязку шириной 10–15 сантиметров с надписью «Украинское войско». Вояки отдельных подразделений по возможности должны были иметь также одинаковое «покрытие головы» — или «другие шапки», или «перекрашенные шлемы». Для воинов «службы порядка» вводились «шапки-мазепинки с трезубцами, шапки-петлюровки, сине-жёлтые погоны и петлицы, нашивки на рукавах». Командиры обязаны были, как Отче наш, знать Положение об «обмундировании отдельного вояка».

Волынские и полесские «кутюрье» усердно трудились, творчески перерабатывая достижения немецких коллег. Закройщики предполагали ввести: «полотняную гимнастерку защитного цвета с накладными карманами со складками и пристегивающимися к рукавам манжетами из чёрной материи. Старшинскую (офицерскую) гимнастерку нужно было носить поверх штанов, а подстаршинскую (и рядовую) — непременно заправленной в штаны. При этом первая имела два нагрудных и два боковых кармана, а вторая — только нагрудные. Под

гимнастеркой позволительно носить гражданскую рубашку. Штаны „комбинезованные” предлагалось шить с двумя прорезными вертикальными боковыми и двумя задними карманами с клапанами. Снизу штанины должны удерживаться специальными завязками. Головным убором служила полевая пилотка из белого или чёрного сукна с прикреплённой кокардой из жёлтого металла спереди (!) и треугольной белой (из материи) нашивкой с непременным изображением тура — слева».

Фантазиям бандеровских модельеров не было предела. Чего хотя бы стоит строгое предписание относительно местонахождения кокарды — спереди! В общем, как положено в любой армии, «безобразно, но однообразно». Жаль, но всякая армия — плоть от плоти своего народа…

Интенданты творили удивительные распоряжения: «УПА „Котлован”. Приказ ч. 5, 12.10.43. Пункт 2/20. Запрещаю казакам и подстаршинам частей „Котлован” ношение портупеи… как нецелесообразное».

Курень «Погром». Приказ № 5 от 22 сентября 1943 года: «… Казакам сдать в канцелярию пистоли и далековиды [бинокли], чтобы можно было передать тому, кому по мере необходимости это является нужным…»

Окружным хозяйственным комендантам, политическим референтам, комендантам надрайонов и прочим руководителям округа «Заграва» осенью 1943 года вменялось незамедлительно «приступить к сбору среди населения тёплой одежды (пинжаков, чемерок[16], шинелей, кожухов, овечьих шкур, тёплых штанов, рукавиц, шарфов, свитеров, тёплого белья, валенок и т. п.). К сбору тёплого белья привлечь весь организационный актив, а также районные и сельские управы (там, где они уже есть). Перед проведением… в селе необходимо созывать общие сходы, на которых объяснять людям, что такое УПА, из кого состоят отряды УПА, за что они сражаются и об их нуждах в связи с приближением холодов; что мы ещё не имеем своих магазинов и фабрик для производства одежды, а все, кто остаётся под открытым небом, должны быть соответствующим образом одеты, обуты и накормлены. Обеспечение всем необходимым нашего войска зависит от нас самих.

…Есть семьи, которые имеют возможность дать больше… На таких следует обратить особое внимание и стараться делать ударение на патриотизме, и делать его как можно сильнее. Подобрать соответствующие силы из нашего актива… К сбору приступить сразу и завершить к 1.X. 1943 года. Собранные вещи заберут надрайонные хозяйственники, которые по акту передадут их военному интенданту Карому. 20 % собранного надрайонные

хозяйственники оставляют у себя до распоряжения краевого проводника…».

Конечно, командование УПА мечтало о своей армейской форме. Но, как говорится, не до жиру, быть бы живу.

«Воины УПА были одеты в трофейные мундиры — немецкие, венгерские, польские, — вспоминал рядовой боец Федор Глыва. — Трофейные фуражки легко перешивались в мазепинки. Советские круглые шапки переделывались в петлюровки. Их носили командиры. Были у нас и плащи трофейные, преимущественно польские, а кое у кого и английские. Обувь бойцов УПА была также трофейной, то есть добытой у Войска Польского или у солдат энкаведе. Некоторые носили туфли или домашнюю обувь. Была и обувь, изготовленная сельскими мастерами. В сотнях были также свои портные. В подпольных скорняжнях выделывали очень хорошую кожу для нашей обуви…»

Форма формой, обувка обувкой, а «цяцки», то есть сияющие на солнце ордена-медали, занимали вояков ещё больше. 2 января 1944 года главнокомандующий УПА учреждает в «лесной армии» особые воинские награды. Для выполнения этого ответственного задания был подряжен известный на Волыни художник-гравёр и, разумеется, член Краевого провода ОУН Нил Хасевич. Мастер разработал образцы креста Боевой заслуги (непосредственно для участников боевых действий) и креста Заслуги (для подпольщиков, гражданских лиц, имевших заслуги перед движением). Мало того, кресты имели классы и свою градацию — Золотые, Серебряные и Бронзовые.

Имелись и другие награды: орден «Серебряная Звезда» — за ранение в бою, «Золотая Звезда» — за пять ранений, медаль «За борьбу в особо тяжёлых условиях», юбилейная награда — «Х-летие УПА». Кавалерам этих отличий присваивалось звание «Рыцарь».

Лучшие умы ОУН месяцами бились над совершенствованием системы воинских званий. Все вояки УПА стали именоваться казаками, то есть борцами за Украинскую державу. В составе сухопутных войск повстанцев имелись следующие звания — вистун, десятник, поддесятник, булавный старшина, хорунжий и т. д., вплоть до генерального старшины. Определились даже со званиями в мифических военно-морских силах УПА: а) матрос; б) матрос-вистун… и т. д., заканчивая адмиралом флота.

Позже последовали нововведения:

«Для упорядочения старшинства в УПА вводятся функциональные отличия, которые носятся… на предплечии левого рукава.

1. Гл. к-р УПА — серебряный трезубец с дубовым листом.

2. Краевой к-р УПА — красный трезубец в римской звёздочке.
3. К-р Военного Округа (группы) — три красных звёздочки.
4. К-р отряда — две красных звёздочки.
5. Куренной — одна красная звёдочка.
6. Сотенный — три красные нашивки.
7. Чотовый — две красные нашивки.
8. Роевой — одна красная нашивка.

Шефы штабов, инспекторы, начальники отделов штаба и отдельные работники штабов носят соответствующие… отличия жёлтого окраса. Все отличия носятся на чёрном фоне. При… определении функциональной иерархии старшим является тот, кто носит знаки отличия жёлтого цвета. Форма и размеры отличий поданы в приложении ч. 1/44…

С минуты перехода в иное подразделение надлежит функциональное отличие возвратить своему начальнику».

Политико-воспитательная работа строилась в строгом соответствии с заповедями «Декалога». Каждому командиру вменялось в обязанности обеспечение высокого морального духа, дисциплины и полной боевой готовности своих подчинённых. Будущие полководцы готовились в школах младших командиров и на офицерских курсах. К началу 1944 года функционировало уже четыре старшинские школы с красноречивыми названиями «Лесные черти», «Олени-1», «Олени-2» и «Дружинники».

Арсенал Повстанческой армии пополнялся в основном за счёт трофеев. На вооружении состояли карабины, винтовки, пистолеты-пулемёты, ручные пулемёты, револьверы, гранаты советского, немецкого, венгерского, итальянского и любого другого производства. Оружие не обязательно добывалось в бою. На сало, кур и яйца мадьяры, чехи и словаки из вспомогательных частей охотно меняли свой боезапас.

Бывали случаи, когда вояки УПА позволяли себе набеги на немецкие автоколонны с вооружением. «Евангельский проповедник» Хуртовына вспоминал: «В небольшие города немцы привозили различное снабжение для своей полиции только грузовыми авто. Но такое снабжение было очень рискованным. Как-то в наш город также направлялось несколько машин, груженных оружием и продуктами, в сопровождении нескольких автоматчиков. Вдоль дороги росли старые, раскидистые липы и тополя… Повстанцы устроили там засаду. Одни засели за кустами, другие взобрались на липы у дороги. Когда немецкие машины подъехали, повстанцы открыли огонь, а те, которые находились высоко на липах, бросали гранаты. И ни один автомобиль не добрался до города, а всё, что в них было, оказалось в руках повстанцев…»

Правда, подобные нападения на обозы союзников случались редко. Обычно с лесными разбойниками немцы не церемонились: «Ахтунг! Фойер!» — и капут. Во избежание инцидентов немцам проще было оказывать добровольную помощь УПА. По неполным данным, ими было передано повстанцам сотни миномётов, около 10 тысяч станковых и ручных пулемётов, 50 тысяч автоматов и винтовок, 22 тысячи пистолетов, 100 тысяч гранат, 80 тысяч мин и снарядов, миллионы патронов, более сотни радиостанций и пр.

Особенности «партизанки» понуждали бандеровцев обустраивать свои базовые лагеря в лесах, на болотах, в Карпатских горах, на берегах рек, подальше от сёл, хуторов, основных дорог.

Определив стоянку будущего лагеря, «квартирьеры» первым делом приводили в порядок территорию: корчевали пни, кусты, деревья, рыли рвы под фундаменты, возводили невысокие — до метра-полутора — стены бараков. Поверх двухскатных крыш настилались доски, древесная кора. Корой же и мхом утеплялись стены. А гвозди здешние умельцы выковывали из медных стержней телефонных кабелей, которые беспечные немцы на первых порах оставляли без присмотра. (В 1943 году был издан особый приказ по УПА, запрещавший нарушать немецкие коммуникации, уничтожать германские склады оружия и продовольствия.)

Бараки, как правило размером примерно 6 на 12 метров, строились на одну семью. В них оборудовался очаг с дымарём, а в центре ставились лежанки. На территории базы находились также штабные помещения, «караулки», «шпитали» (санчасти) и, само собой, отхожие места, расположенные вдали от жилья (согласно инструкции, не менее чем в 100 метрах).

Посреди лагеря имелась так называемая тревожная площадка для общих собраний. Если позволяла обстановка, оборудовали даже подобие спортплощадок. Романтически настроенные «вояки» разбивали цветники, обязательно в виде трезубца, украшенные, как положено, «жовто-блакитными» цветочками.

В целом лагеря представляли собой комплекс жилых и служебных бараков, где кроме наземных имелись и скрытые склады продовольствия и оружия, землянки.

Проникнуть в лагерь посторонним было крайне затруднительно. Лишь самые доверенные лица знали периодически меняющиеся пароли. Передовые заставы образовывали тройное кольцо охранения и сплошную цепь дозоров. На дорогах и тропах, ведущих к партизанам, выставлялись особые «маячки» и «секреты»-редуты.

В этих лагерях боевики отдыхали, совершенствовали

воинские навыки. «Курс рядового повстанца» включал в себя девять обязательных дисциплин общим объемом 359 часов. Основная часть учебного времени — 86 часов — отводилась полевой выучке. Сюда включалась подготовка боевика к самостоятельным действиям, их натаскивали на выполнение специальных заданий, обучали ведению скрытного наблюдения, разведке, снайперскому мастерству. Немало времени отводилось тактике — ведению боя на пересеченной местности, ночью, в тумане, во время дождя или снегопада, охранению на марше и на постое, организации засад, налётов. На оружейное дело отводилось 36 часов. Непосредственно огневая подготовка занимала ещё 30 часов. Почти столько же — минное и сапёрное искусство. В то же время воякам не позволяли забывать о строевой подготовке, о правилах внутренней службы, об оказании первой медицинской помощи и прочих премудростях.

На политическое воспитание, которое велось по программе, утверждённой Проводом ОУН, отводилось в общей сложности трое суток.

В 1943 году стотысячная Украинская повстанческая армия полностью хозяйничала на Волыни, Галичине и в Полесье. Растущие аппетиты ОУН — УПА беспокоили командование оккупационных войск. Рейхскомиссар Кох 25 июня 1943 года с тревогой информировал рейхсминистра Альфреда Розенберга: «Южная часть генеральных округов Луцка и Житомира в основном контролируется бандитами. На Волыни мы вынуждены были покинуть территорию… Украинские национальные банды имеют своё строгое и умелое руководство и столько вооружения, что вызывает удивление… Банды нападают на важные объекты по жизнеобеспечению страны и поставкам продовольствия на фронт: на железную дорогу, дороги и мосты, государственные хозяйства, фермы, склады хлеба и сена, а также на доступные им промышленные предприятия…»

Не меньшее беспокойство немецких властей вызывала эволюция национальной политики бандеровцев, в частности рекомендации ОУН: «Невзирая на негативное отношение к евреям как к орудию московско-большевистского империализма, считаем нецелесообразным в настоящий момент… принимать участие в антиеврейской акции, чтобы не превращаться в слепое оружие в чужих руках и не отвлекать внимание масс от главных врагов».

В отрядах УПА стали появляться евреи, прежде всего полевые врачи. Целебные травы, настои и прочие снадобья раненым помогали мало. Ощущая острую нехватку медиков, особенно хирургов, повстанцы вынужденно обратились к специалистам, не

обращая внимания на «пятую графу» в их паспортах. Тем более что врачи-украинцы уже были мобилизованы немцами в свои госпитали.

«Большинство врачей УПА были евреи, которых УПА спасала от уничтожения гитлеровцами, — не отрицал руководитель СБ Мыкола Лебедь. — Врачей-евреев считали равноправными гражданами Украины и воинами украинской армии… Все они честно исполняли свои нелёгкие обязанности, помогали не только бойцам, но и всему населению, объезжали территории, организовывали полевые госпитали и больницы в населённых пунктах. Не покидали боевых рядов в непростых ситуациях даже тогда, когда имели возможность перейти к красным. Многие из них погибли смертью воинов в борьбе за те идеалы, за которые боролся весь украинский народ».

Конечно, Лебедь слегка преувеличивал нерушимость украинско-еврейского воинского братства, но тем не менее командиры советских партизанских отрядов Бегма и Тимофеев, действовавшие под Ровно, в радиошифровке в Центр 30 октября 1943 года подтверждали: «В данный момент [среди] националистов много евреев, особенно врачей… В Домбровице мобилизовали всех портных для изготовления тёплой одежды на зиму. По последнему распоряжению штаба националисты сейчас принимают к себе всех, кроме поляков…»

Лучшим лекарем в отряде имени Богуна считался Шая Давидович Варма (Скрипач). Арестованный смершевцами в конце войны, он не отрицал: был мобилизован УПА в мае 1943 года, поставил на ноги около 200 раненых бойцов… Во время его дознания в соседнем кабинете начальника особого отдела задержанная Галина Островецкая просила записать в протокол её допроса: «Варма был хорошим врачом, который в бункерных условиях делал сложные операции, он чудесно играл на скрипке, с которой никогда не расставался… Когда выпадала свободная минута и повстанцы собирались на лесной поляне, приглашали Варму, который играл для них. Его все любили и берегли»[17].

Не меньшим авторитетом среди бандеровцев пользовался и другой медик по кличке Кум. «Доктора Кума, — рассказывал сотник Владимир Федыник, — знали тысячи повстанцев. Он был в УПА от дня создания… Доктор Кум, по национальности еврей, к нам был искренне привязан, и, хотя Организация позволила ему после прихода большевиков уйти, он решил делить долю и недолю с нами дальше, а при необходимости — открыто и честно принять смерть. Кристально чистый характер!.. Доктор Кум был оптимистом, верил в нашу победу… Я спросил, почему он не согласился на легализацию, он мне ответил: „Знаете, пан

поручик, какую боль мне принесло известие, что вы хотите от меня избавиться! Я принадлежу к категории тех людей, которые добро долго помнят. Во время немецкой оккупации ОУН спасла меня от смерти, почему же я должен быть неблагодарным, не помочь повстанцам строить нашу Украину? Я верю, что не посрамлю, что я вам могу ещё не раз пригодиться…”»

Всем был хорош доктор Кум, одна беда: врачуя «порубанных казаков», любил при этом популяризировать свои медицинские воззрения:

— Знаете, чем лечили в старину? Кровопусканием. Это был тогда чуть ли не единственный радикальный метод. Считалось, что болезнь уходит через рану вместе с «дурной» кровью, а взамен организм вырабатывает новую, молодую, здоровую. Потом начали практиковать пиявки…

— Дохтур, замолчи, убью!

— Нет, не убьёте. Кто же вас потом лечить будет? — резонно возражал доктор Кум. — Так вот, пиявки — существа очень разумные и «дурную» кровь пить ни за что не станут. Присосавшись к ранке, они сначала «вплёвывают» в неё специальное вещество, которое меняет состав человеческой крови, и только потом эту кровь начинают отсасывать…

— Держите меня, хлопцы, я его сейчас застрелю! Ей-богу, застрелю! Кровопивец…

Доктор Кум смеялся вместе со всеми и принимался обрабатывать раны следующего вояки: «Держись, казак!»

Заксенхаузен, бункер «Целленбау» — «Героям слава!»

В начале 1942 года Проводнику пришлось покинуть уютную абверовскую дачу и переселиться в концлагерь Заксенхаузен, находившийся в 20 километрах от Берлина. Хозяева убеждали Бандеру: «Вы — знамя, но не пехотинец на отдыхе. Но и там вам будет вполне комфортно, не волнуйтесь».

Там, в специально подготовленных помещениях, нацисты традиционно содержали своих ВИП-узников. В особом блоке «А», например, пребывал бывший канцлер Австрии Шушнинг, его соседями были сын маршала Италии Бадольо, племянник Черчилля, сын премьер-министра Франции капитан Блюм, высокопоставленные члены правительств ряда европейских стран, известные политики, которых немцы успешно обменивали на своих пленных. Одновременно с Бандерой в лагере находился Стецько и ещё около 300 активных участников ОУН.

Как-то Степану Андреевичу шепнули, что в одной из камер находится сын Сталина Яков Джугашвили, а также некий Кокорин, выдающий себя за племянника советского наркома иностранных дел Молотова. Потом в лагерном дворе Бандере указали на темноволосого мужчину, прогуливавшегося неподалёку: сын Сталина!

Степан с интересом посмотрел на него и спросил:

— Сам сдался?

— Нет, говорят, силой взяли, когда выходил из окружения под Витебском.

— Лучше бы они самого Сталина взяли, — ухмыльнулся Бандера, но чувство злорадства всё же приятно грело душу.

Условия жизни в блоке «А» были вполне приемлемыми, как и довольствие. Узники находились под опекой Международного Красного Креста, свободно перемещались по лагерной территории, питались по эсэсовскому рациону, имели право получать от родных и близких, кроме писем, посылки с продуктами и деньги.

Правда, перебравшаяся к тому времени в Берлин Ярослава Бандера мало чем могла помочь мужу. «Наша семья жила в очень тяжёлых условиях, — рассказывала дочь Наталка, — что сильно ослабило нервы моей мамы…» Один из близких соратников Проводника Евген Стахив однажды навестил Ярославу на Дальманштрассе, 8: «Это была тайная квартира ОУН, о которой мало кто знал… Когда пришёл к ней, Ярослава сразу

запротестовала: она тут под надзором гестапо, ей запрещено с кем-либо встречаться и разговаривать — поэтому не хочет из-за меня иметь неприятности. Я не уходил. „Хочу вам рассказать, что происходит на Украине, что происходит в ОУН. А вы увидите Бандеру, перескажете". Спрашиваю её, когда у них будет встреча. „Может, завтра или послезавтра, но уходите из моей комнаты, так как сейчас должен прийти офицер гестапо…" Я дальше с ней спорю, и тут звонок. Она открывает двери — на пороге Шарф. Тот самый, который обещал мне: „Стахив, ещё раз я вас поймаю, вы никогда не выйдете из концлагеря…"»

Между собой лагерники общались много и без особых препон. Связь с оставшимися на воле соратниками у Бандеры тоже была устойчивой. Через них он пересылал свои бесконечные инструкции командованию УПА. Степан Андреевич настаивал на «продолжении сотрудничества» с оккупационными войсками. Но помня о союзниках, не забывал и о врагах, в частности о поляках, требуя неукоснительного выполнения своего приказа «о поголовном и повсеместном уничтожении польского населения, проживающего на территории западных областей Украины».

Всего в 200 метрах от Заксенхаузена в замке «Фриденталь» располагались учебные классы агентурно-диверсионных кадров ОУН(б). Проводник регулярно общался с курсантами. События, происходившие на воле, укрепляли веру Бандеры в то, что избранная им политическая линия на сегодня наиболее правильна. Во время очередного визита в замок Степана порадовали копией спецдонесения гестапо: «Не подтверждаются предположения, что арест главы Организации Украинских Националистов Степана Бандеры и руководства его организации в Рейхе и Львове приведёт к политическому спаду активности этой организации. Тон пропаганды Бандеры, достаточно умеренный вначале, становится всё более и более агрессивным. Распространяемые в последнее время листовки (уже без всяких допущений) направлены против Германии. Эта провокационная пропаганда уже подталкивает партизан Бандеры к осуществлению акций, в частности против полиции безопасности…»

Обычно сдержанный во внешнем проявлении эмоций, в душе Бандера ликовал: немцы его боятся! Добавляла оптимизма и работа агентуры, которая сумела найти надёжные источники в полиции и даже в самом гестапо. Ещё до начала полномасштабных боевых действий на Восточном фронте, вспоминал Степан Андреевич, он настоятельно советовал Лебедю планировать активное внедрение оуновской агентуры в будущие немецкие оккупационные администрации, в штабы воинских частей, армейскую разведку. И оказался прав!..

Москва, Государственный Комитет Обороны

— …Виктор Семёнович, насколько то, что сообщает Пономаренко, соответствует действительности? — Сталин карандашом подтолкнул листы последней сводки Центрального штаба партизанского движения к сидевшему напротив генералу Абакумову.

Абакумов быстро пробежал глазами короткий текст:

«5 декабря 1942 года. По сообщению Сабурова, в лесах Полесья, в районах Пинск, Шумск, Мизочь имеются большие группы украинских националистов под руководством лица, законспирированного кличкой Тарас Бульба. Мелкие группы партизан националистами разоружаются и избиваются. Против немцев националисты устраивают отдельные засады. В листовках националисты пишут: „Бей канапа-москаля, гони його відсіля, он тебе не потрибен”.

Крупный националист Бандера немцами расстрелян».

Абакумову не нужно было объяснять, что Сталина заинтересовала именно последняя строка шифровки.

— Поторопился Пантелеймон Кондратьевич, — он с лёгкой усмешкой вернул главнокомандующему бумагу, — увы, но поспешил. Нет, к сожалению, жив Бандера. И, как нам известно, даже весьма неплохо себя чувствует.

— И где же он теперь, этот Бандера?

Абакумов помедлил. Но всё же решился:

— В Заксенхаузене, товарищ Сталин. Это немецкий концлагерь под Берлином. Там…

— Не надо. — Сталин остановил доклад Абакумова. — Я знаю… — Он замолчал. Опустил глаза, долго сидел неподвижно. Потом, по-прежнему не глядя на генерала, медленно произнёс: — Вы, товарищ Абакумов, аккуратно подскажите Пантелеймону Кондратьевичу, что пользоваться надо только проверенными фактами. Тем более когда речь идёт об информации для Ставки. Нельзя выдавать желаемое за действительное.

— Так точно, товарищ Сталин, — Абакумов выпрямился, — это явное упущение. Мы его поправим.

— Не надо поправлять. Нужно подсказать и помочь.

— Есть, товарищ Сталин. Сделаем.

— Вот и хорошо. — Сталин наконец посмотрел на Абакумова. — Вы можете быть свободны. Да, а что такое «не потрибен»?

Абакумов опять на секунду замешкался. Что ещё за «непотрибень»? Потом спохватился:

— Не нужен, товарищ Сталин. Так по-украински звучит — не нужен.

Сталин усмехнулся и кивнул:

— До свиданья, товарищ Абакумов.

Идя по коридору, Абакумов перебирал в уме детали состоявшегося разговора, выделяя для себя, как зарубки на память, основные моменты. Первое: Пономаренко, судя по всему, по-прежнему остаётся фаворитом Сталина, даже несмотря на некоторые его промахи. Второе: Бандера и всё это украинское националистическое отребье должно оставаться под постоянным контролем, всю оперативную информацию тщательно готовить и фильтровать. Третье: по возможности как можно реже упоминать в разговоре лагерь Заксенхаузен. Все попытки выйти на решение проблемы «Яков Джугашвили в немецком плену» пока ни к чему не привели.

Яков по-прежнему оставался там. Сколько уже? С июля прошлого года, то есть полтора года. Агентура собрала кое-какие данные. Условия содержания по сравнению с другими заключёнными вроде бы нормальные. Не санаторий, не хоромы, но… Из разрозненных источников удалось выяснить, что «зона „А”» включает в себя три отдельно стоящих барака, которые каменной стеной отделены и от основного лагеря, и от наружной территории. На расстоянии 2 метров от стены — три линии заборов из колючей проволоки, через один из которых пропущен ток высокого напряжения. Но это скорее меры защиты самих заключённых. Так что подобраться к Якову нет никакой возможности. Зато этим бандеровцам — воля вольная…

По поводу Пономаренко и его «партизанщины» Абакумов решил посоветоваться с Лаврентием Павловичем. Хотя по службе их отношения уже не строились в строгой вертикали подчинённости, но Берия оставался Берией.

Вскоре после разговора с Абакумовым, уже в январе 1943 года, нарком внутренних дел Л.П. Берия направил докладные записки Сталину, Молотову (копия Пономаренко):

«НКВД СССР сообщает полученное от своего работника, который находится в тылу противника в районе г. Ровно, следующее донесение:

„Личный состав 12-го батальона Сабурова гуляет, пьянствует, терроризирует и грабит просоветски настроенное население, в том числе даже родственников своих бойцов. На мои претензии комбат Шитов и комиссар обещают прекратить эту антисоветскую работу, но действуют нерешительно, стараются покрывать лиц,

которые занимаются бандитизмом. Делаю новые попытки добиться перелома, прошу действовать через Сабурова. Будет лучше, если батальон перебазируется к лесу между Ковелем и Ровно…”».

Ещё через несколько дней указанным товарищам поступило новое донесение агента, с соответствующей «сопроводиловкой» Берии: «В район нашей деятельности прибыл 7-й батальон отрядов Сабурова, партизаны которого осуществляют неслыханные грабежи, занимаются бандитизмом, пьянствуют, разъезжают по сёлам в форме немецких солдат. Жителей, которые убегают в лес, расстреливают, ограбили инженера, лесничего. Население, которое ненавидит немцев и которое мы уже подготовили к восстанию, в панике».

Будни без праздников

Администрация Заксенхаузена великодушно позволяла Степану Андреевичу изредка посещать Берлин, гарантируя личную безопасность. Один из абверовцев помнил казус, когда однажды Бандеру, прогуливавшегося по улицам столицы, случайно остановил полицейский патруль.

Задержанный был вынужден предъявить гестаповское удостоверение, и недоразумение легко уладилось.

Как-то за городом Бандере организовали встречу с одним из старых соратников, также сидевшим в лагере. «Я ещё не успел толком оглядеться, — вспоминал тот, — как прямо передо мной возникла знакомая фигура. Он обратился со словами: „Слава Украине!”… Бандера сразу проявил ко мне товарищеское участие. Он интересовался моим здоровьем, спрашивал, получаю ли посылки, хватает ли мне еды и денег. Предлагал мне свою помощь и в один из дней вынес на зону и пытался сунуть мне в руку кусок масла…»

Андрею Мельнику Бандера хлеба с маслом, разумеется, не предлагал, но помогал приспособиться к здешним порядкам.

При каждом посещении замка «Фриденталь» Степан Андреевич первым делом требовал к себе с докладом инструктора диверсионной школы Лопатинского, который информировал о последних событиях, главным образом на украинских землях. Добытые сведения, разумеется, были отрывочными, разрозненными, полученными разными путями и из разных источников, но тем не менее они поддерживали в Бандере веру в контролируемость ситуации.

Его бесконечно разочаровывала высокомерная позиция Германии, которая по-прежнему не желала видеть в ОУН — УПА серьёзной самостоятельной силы, не собираясь даже обсуждать вопрос о дальнейшем тесном взаимодействии. Немцы готовы были говорить лишь об *использовании* националистов!

Посмеиваясь, Степан Андреевич листал пропагандистскую брошюрку «Поездка Альфреда Розенберга по Украине»: «На конном заводе в Мене рейхсминистр, встреченный хлебом-солью, с большим интересом выслушал доклад… Во время полёта из Ровно в Киев министр имел возможность ознакомиться с общим состоянием посевов… Во время своего пребывания в Киеве рейхсминистр посетил городскую оперу… Где бы ни появился окружённый своими ближайшими соратниками рейхсминистр Розенберг, население восторженно приветствовало его. Прекрасно владея русским языком, он мог свободно объясняться с людьми…

С какой радостью проживающие на Хортице германцы услышали, что во время поездки по Украине рейхсминистр посетит и их город! С какой любовью украсили они место торжественной встречи флагом, поднятие которого теперь уже никакие большевики не могут им запретить, — флагом со свастикой… У многих на глазах блестят слёзы, и сотни поднятых рук, как молчаливый обет верности, приветствуют…»

«Тьфу, да разве можно так грубо, в лоб, примитивно льстиво вести пропагандистскую работу», — про себя возмущался Степан Андреевич, вспоминая свои молодые годы. Но вслух, даже близким, остерегался произнести хоть одно худое слово.

Отложив в сторону очередную геббельсовскую листовку, которую подсунул ему Лопатинский, Бандера настороженно подумал, что она напоминает ему «чёрную метку»:

«Слушай, украинский народ! Москва отдаёт приказы ОУН!

Из тайных приказов и указаний, которые попали нам в руки, видно, что кремлёвские жиды состоят на связи с ОУН, которая создаёт видимость борьбы против большевизма.

В проводе ОУН сидят агенты Москвы, которые получают и исполняют приказы кровожадного Сталина и его жидовских опричников. В их тайных указаниях ОУН определена роль национально замаскированной большевистской боевой части… ОУН является орудием жидовского большевизма… Мы знаем руководителей банд, они — на содержании Москвы.

Украинский народ!

Хочешь ли ты, чтобы Тебя погубили эти большевики и национально замаскированные заговорщики? Хочешь ли ты быть пушечным мясом Твоего собственного врага? Хочешь ли Ты способствовать уничтожению Твоего народа на Волыни? Жидобольшевизм, ощущающий свою кончину, пытается ещё раз отсрочить свою гибель с Твоей помощью и Твоей кровью… Ты хочешь, чтобы Твои женщины, дети, Твоя молодёжь и старики стали жертвами озверевших людей?

Вспомни страдания и муки, которые Твой народ был вынужден терпеть более 20 лет. Вспомни замученных отцов и сыновей! Вспомни миллионы граждан и гражданок, вывезенных в сибирские степи! Вспомни униженных и замученных священников!.. Вспомни уничтоженные церкви и культурные ценности! Отрекись от своих врагов! ОУН никогда не сможет защитить национальные интересы украинского народа.

ОУН и большевизм — это одно и то же, поэтому они должны быть уничтожены!»

Мо-лод-цы, товарищи фашисты, ловко перенимают риторику москалей.

Взявший на себя оперативное руководство ОУН(б) Мыкола Лебедь в феврале 1943 года созвал в селе Терно-белье 111 конференцию Организации. Для обсуждения были предложены ближайшие и перспективные задачи: «а) оторвать от влияния Москвы те элементы украинского народа, которые ищут защиту от немецких оккупантов;

б) разоблачать московский большевизм, который свои империалистические намерения продолжать угнетение Украины прикрывает лозунгами защиты украинцев и других порабощённых народов от фашистов; в) отстаивать независимую позицию украинского народа на внешнеполитической арене».

Как водится, столкнулись различные позиции. Галичане стояли за развёртывание широкомасштабного вооружённого восстания против германцев, а Роман Шухевич предлагал основные силы направить против красных партизан и поляков. В конце концов большинство высказалось за линию Шухевича. Польскому населению был предъявлен ультиматум: в течение 48 часов покинуть украинские земли. Возможно, хронометры бандеровцев барахлили: кровавая резня началась до истечения двух суток и превратилась в настоящую национально-религиозную войну между УПА и «аковцами» (Армия крайова).

Провод ОУН(б) требовал любой ценой ликвидировать польские вооружённые силы. Мыкола Лебедь был ещё категоричнее: «Нас не интересуют цифры, речь идёт не о десяти или ста тысячах, а обо всех поляках до единого, от старика до младенца. Раз и навсегда мы должны избавиться от этого отребья на наших землях».

«Генерал» Тарас Чупринка решил к выполнению поставленной задачи подходить дифференцированно: «Поспешить с ликвидацией поляков, уничтожать их под корень, чисто польские сёла сжигать, в смешанных сёлах убивать только поляков… К жидам относиться так, как и к полякам и цыганам: уничтожать беспощадно и никого не жалеть… Беречь врачей, фармацевтов, химиков, медсестёр, содержать их под охраной в полевых шпиталях [госпиталях] и следить за их руками… После окончания работы без объяснений ликвидировать…»

Бойцы УПА рьяно взялись за дело. В польском селе Гута-Пеняцка курень «Сиромахи» согнал всех жителей в хлева и костёл, запер их и поджёг. В огне погибло 680 человек, среди которых было более 200 детей. Деревья в одном из тернопольских сёл воины Шухевича «украсили» телами замученных польских детей, назвав эту жуткую картину «путь к самостийной Украине». 13 июля 1943 года «тропа к незалэжности» в другом селе была увенчана 50 детскими трупиками, пригвождёнными к

штакетнику[18].

На околице села Гута-Степанская уповцы напали на 18 польских девушек, изнасиловали их и убили. На сложенные в ряд тела бросили ленту с надписью: «Так должны погибать ляшки»… 11 июля в селе Свойчев украинец Глембицкий убил свою жену-полячку, двоих детей и родителей жены… 12 июля в колонии Мария Воля под Владимир-Волынским было убито 200 поляков. Еще 30 человек были брошены в колодец и там забиты камнями… Украинцу Владиславу Дидуху приказали убить свою жену-полячку и детей. Когда он не подчинился, его убили…

Очевидцы трагических событий говорили: «Самое страшное, что было на этой войне, — это польское село после бандеровцев».

Летом 1944 года лидеры Организации выступили с обоснованием своей позиции:

«С поляками невозможно взаимопонимание, ибо:

а) у них нет единой независимой (суверенной) силы в крае;

б) в крае нет польских представительств;

в) большинство польских политических групп отбрасывает изначально всякую возможность взаимопонимания;

г) польское общество на западноукраинских землях враждебно относится к идее о сотрудничестве.

Поляки постоянно прислуживают оккупантам (фольксдойч, польская полиция на Волыни, большевистские сексоты) и стараются использовать их против украинцев, тем самым срывая единый фронт угнетённых народов.

Поляки вместо борьбы с оккупантами (немцами) создали боевки для борьбы с украинцами. В последнее время нанялись на службу большевикам, чтобы уничтожать украинский народ, понуждая его к самообороне.

Украинский народ не отречётся от права на свою землю и свободу, поэтому борется и будет бороться против каждого империалиста, в том числе и польского. Борьба с польскими прислужниками Гитлеру и Сталину не ослабляет, а укрепляет позицию украинского народа на международной арене. Украинский народ не выступает против Польши на её этнических землях и хочет с ней сотрудничать, но не позволит себя угнетать захватчикам».

«Зачищая» свои исконные земли, бойцы УПА действовали с особой кровожадностью. Во время очередного посещения «Фриденталя» Степан Андреевич наткнулся на какой-то странный рукописный список: «…Отрезание женских грудей и посыпание ран солью; вырезание на лбу „орла”; разрезание живота и вливание внутрь кипятка; вырывание жил от паха до стоп, повешение за внутренности, отрубание пятки…»

Дойдя до «разрезания живота беременной и вкладывания вместо плода живого кота и зашивания живота», Бандера поморщился:

— Это ещё что такое?

— Да в службе у Лебедя завёлся один идиот-летописец, — смутился Лопатинский. — Дневничок вёл с перечнем «услуг». Описал сотни полторы различных способов умерщвления жертв. Изъяли…

— Не смешно, — сплюнул Степан Андреевич.

Впрочем, подобными «фронтовыми сводками» он интересовался мало. Были дела поважнее. В соответствии с его «рекомендациями из Заксенхаузена» ОУН(б) находилась в поиске новых союзников. Пропагандисты без устали штамповали всевозможные обращения, составленные в духе Коминтерна:

«Армяне и другие народы Кавказа! Поднимайтесь на борьбу с Вашими поработителями — империалистами Берлина и Москвы! Кровожадные империалисты, ослабленные взаимным противостоянием, уже стоят у своего гроба! Для полного их уничтожения нужен ещё только один удар со стороны революционных масс! Этот удар будет им нанесён порабощёнными народами Европы и Азии. Сегодня все народы находятся перед задачей переустройства мира на национальных началах… Империализм будет уничтожен!

Народы Кавказа! В настоящий момент Вы должны поднять знамя борьбы за самостоятельные государства… Народы Кавказа! Вступайте в связь с УПА! Организовывайте свои национальные отряды для согласованных отношений с УПА… За самостоятельные государства кавказских народов! За самостоятельную Украину!»

Следующим адресатом стали представители других наций и народностей: «Узбеки, казахи, туркмены, таджики, башкиры, татары, народы Урала, Волги, Сибири, народы Азии!.. Империалистическая Москва веками отнимала у вас ваш хлеб, ваше железо, ваш уголь, ваш скот, ваш хлопок, а во время войны брала с вас дань кровью ваших сыновей и отцов на фронте. Вам же за это присылала своих чиновников, которые издевались над народом, презирали вашу культуру, насмехались над вашим языком… Входите в контакт с УПА! Переходите с оружием в руках на сторону повстанцев!..»

Очередным объектом внимания ОУН становятся «добровольцы при немецких воинских частях»:

«Немецкие поработители теряют под ногами почву… Все оккупированные народы Европы разворачивают священную борьбу за свои национальные самостоятельные государства…

Сталинские империалисты используют эту ситуацию и ценой огромных жертв продвигаются в глубь Украины. Большевистские завоеватели вопиют, что они идут „освобождать" нашу землю. Но весь украинский народ хорошо знает, что московские поработители ничем не отличаются от немецких…

Добровольцы! Вы пошли вместе с немецкими войсками на фронт. Вы стремились к уничтожению империалистической Москвы, большевистских хищников… Но ваши надежды не оправдались. Гитлеровским тиранам нужна была только ваша кровь… Теперь немцы отступают. Какова же ваша судьба?.. Пойдёте в Германию — вас бросят в концентрационные лагеря, заморят голодом… Перейдёте к большевикам — вас ждёт неизбежный расстрел… Для вас есть один выход — продолжать вооружённую борьбу против большевистских палачей… УПА уже 10 месяцев героически сражается с немецкими и большевистскими тиранами. В УПА также есть национальные отряды из восточных народов. Таким образом растёт мощный антибольшевистский фронт… Переходите с оружием в руках к украинским повстанцам… В этой борьбе победа будет за нами… Слава украинским повстанцам — мстителям и борцам за волю Украины!»

Затем ОУН(б) попыталась найти подход даже к «товарищам русским красноармейцам и командирам»:

«Мы, украинские повстанцы, признаём ваш героизм в борьбе с немецкими оккупантами. Украинская Повстанческая Армия на оккупированных территориях Украины также вела жестокие бои с немецкими бандами, защищала народ от гитлеровского террора, отстаивала право Украины на свободную жизнь… Украинский народ считает большевиков не освободителями, а обыкновенными поработителями, которые только прикрываются лживыми фразами о „дружбе", „свободе", „счастье".

Что украинскому народу дали большевики, кроме жесточайших репрессий и террора?.. Фактически Украиной управляют не украинцы, а кремлёвско-сталинские сатрапы — Хрущёвы и Ко. Всем известно, что богатства Украины поглощает всесоюзный большевизм, а украинский народ обречён на голодную смерть… Мы обращаемся к вам — поддержать нашу борьбу за независимую Украину… Не идите с оружием в руках против нас. Довольно крови! Не слушайте комиссаров, которые натравляют вас на украинских повстанцев!..»

«На протяжении почти всего 1943 года на Волыни действовало антинемецкое движение, народ восставал против немцев, — самокритично признавал командующий партизанской

дивизией Пётр Вершигора. — Националисты возглавили и направили его в русло восстания антипольского… Виноваты ли они в том, что руководили восстанием не большевики, а националисты? Считаю, что виновен в этом не народ, а мы с вами, особенно Волынские и Ровенские партизанские князья-бездельники, которые сидели под носом у народа в ожидании восстания, но и пальцем не шевельнули, чтобы возглавить его. Середняк склонился в сторону кулака-националиста, и не без помощи советских партизан…»

С ним был солидарен генерал Бегма, который руководил партизанским движением на Ровенщине: «…В начале Отечественной войны разведывательное управление оставило небольшие специальные группы по сугубо разведывательным соображениям. С развитием партизанского движения на Украине эти группы начали быстро увеличиваться за счёт местного населения, беглецов из плена и пр. Эти группы превратились в большие отряды. Так, например, отряд полковника Брынского — дяди Пети — вырос до 300 человек, капитана Каплуна — до 400, майора Медведева — до 600. Таким образом, своей работой они переросли задачи спецгрупп, стали известны в области и превратились в обычные большие партизанские отряды, с той лишь разницей, что люди этих спецгрупп охраняли штабы, заготовливали продукты, однако более чем за год не провели ни одной боевой операции. В этих отрядах отсутствует институт комиссаров, нет ни комсомольских, ни партийных организаций. Вследствие такой бездеятельности, отсутствия контроля и воспитательной работы среди личного состава люди развращаются, имеется немало случаев самовольных расстрелов ни в чём не повинного населения, массовые пьянки, хулиганство и так далее…»

Бандеровцы настойчиво искали и находили среди местного населения людей, которые, мягко говоря, недружелюбно относились к «красным партизанам». Не к самой идее народного сопротивления оккупантам, а к тем, кто, называя себя партизанами, пользовался моментом и жил в своё удовольствие. Последних ненавидели, и «благодаря» им люди переносили свою злобу на всех, кто брал в руки оружие и сражался с фашистами.

Это признавали даже сами чекисты. Опытный командир диверсионного отряда Илья Старинов в шифровке на имя заместителя начальника Украинского штаба партизанского движения Тимофея Строкача 17 марта 1944 года сообщал: «В освобождённых районах Тернопольской области население прятало часть скота, свиней, создавая тайные склады для банд националистов, которые покуда ушли в подполье, леса, на

территорию, занятую немцами… В четвёртой войне воюю, однако никогда не встречался с такой враждебной средой, как в освобождённых районах Тернопольской области…»

По мере приближения фронта к границам Германии усиливалась роль так называемого «кляйнкрига» («малой войны»), предполагавшая активизацию диверсий и подрывных мероприятий в тылу советских войск. 12 февраля 1944 года в составе Главного управления имперской безопасности было создано 8-е управление, занимавшееся координацией деятельности пятой колонны.

Весной того же года в Тернополе прошли переговоры между представителем Провода ОУН Гриньохом (Гераси-мовским) с начальником полиции безопасности и СД дивизии «Галичина» оберштурмбаннфюрером СС Витиской и криминал-комиссаром Папе, представителем СД в Галицийском крае. В обмен на взаимное прекращение огня и помощь оружием украинской стороне ОУН-УПА обещали предоставлять немцам разведданные о советских и польских вооружённых частях. Позже Гриньох подтвердил эти договоренности и выразил готовность принимать участие в диверсионно-террористических акциях, выдвинув единственное условие — освобождение из концлагерей украинских узников, в первую очередь Степана Бандеры.

Через несколько дней командующий УПА-«Север» Дмитро Клячковский (Савур) через абверкоманду группы армий «Северная Украина» передал собранные агентурные сведения в обмен на 20 полевых и 10 зенитных пушек, 500 автоматов, 250 тысяч патронов и 10 тысяч гранат. Конечно, это был выгодный «товарообмен», повесомее тех самых упомянутых «тридцати сребреников»…

Одновременно Савур отдал приказ своим частям: «Борьбы с мадьярами, словаками и другими союзными войсками Гитлера не ведём…»

Командование вермахта высоко оценивало сотрудничество с бандеровцами. На совещании во Львове 19 апреля 1944 года командиры абверкоманд группы армий «Юг» не скупились на комплименты. Материалы, полученные от УПА, говорил подполковник Линдгард, «исключительно исчерпывающи и… годятся для применения армией в военном плане», подчёркивая, что без помощи повстанческой разведки агентурная деятельность немецких разведорганов «была бы вообще невозможна». Ему вторил подполковник Зелингер, утверждая, что подрывная работа за линией фронта «может осуществляться только с помощью УПА».

Ещё в Заксенхаузене Степан Бандера инструктировал Шухевича: «Под влиянием большевистской действительности наименее стойкие элементы, безусловно, в абсолютном большинстве перейдут на сторону советов. Они вдвойне опасны для нашей дальнейшей работы, и их возможный переход… подорвёт престиж ОУН и УПА, а их борьба, на которую они активно пойдут вместе с большевиками против ОУН, исключит любую возможность нашей подпольной работы… А потому необходимо немедленно и как можно секретнее, во имя великого национального дела, ликвидировать вышеназванные элементы двумя путями…»

Первый, указывал Проводник, — это открытый бой, в котором найдут свою смерть и правые и виноватые. Второй — уничтожение предателей с помощью известных методов работы службы безопасности ОУН.

Отступая, гитлеровцы проявляли трогательную заботу о материально-техническом обеспечении будущего подполья на оставляемой ими Западной Украине и активном использовании военно-организационных и разведывательно-подрывных возможностей частей УПА. Генерал-майор Бреннер в этой связи отдал особое распоряжение:

«Начатые в районе Деражино переговоры с руководством национальной Украинской повстанческой армии были успешно проведены также в районе Верба. Достигнуты договорённости. Немецкие части не подвергаются нападению со стороны УПА. УПА засылает лазутчиков, преимущественно девушек, в занятые врагом районы и сообщает результаты разведотделу боевой группы Притцмана. Пленные красноармейцы, а также советские партизаны препровождаются в разведывательные отделы для допроса; местные вражеские элементы используются боевой группой на работах. Чтобы не мешать этому необходимому взаимодействию, приказываю:

1. Агентам УПА, которые имеют удостоверения за подписью „капитан Феликс”, или тем, кто выдает себя за членов УПА, разрешать беспрепятственный проход; оружие оставлять при них. По требованию агента предоставлять им быстрейший доступ в разведотдел.

2. Члены частей УПА при встрече с немецкими частями для опознавания поднимают левую руку с раздвинутыми пальцами к лицу; таковых не задерживать, — это означает их взаимопонимание.

3. Со стороны УПА имеются нарекания на то, что немецкие регулярные части производят самовольные реквизиции, особенно домашней птицы. В связи с этим согласно приказу от 2 февраля

1944 г. командиры частей привлекаются за эти самовольные реквизиции, чтобы таковые прекратить».

Со своей стороны, оуновцы выдвигали единственное условие — хранить в секрете факт их взаимовыгодного сотрудничества. Обращаясь к германскому командованию, Гриньох предлагал: «Доставка оружия и диверсионных средств с немецкой стороны через линию фронта для подразделений УПА должна проводиться по всем правилам конспирации, чтобы не дать большевикам в руки никаких доказательств относительно украинцев — союзников немцев, которые остались за линией фронта. Поэтому ОУН просит, чтобы переговоры… шли от центра и чтобы партнёрами с немецкой стороны была, по возможности, полиция безопасности, так как она знакома с правилами конспирации».

Но всё же с отступлением немецких частей на запад бандеровцев всё чаще посещают пораженческие настроения. Даже беззаветно преданный идее Роман Шухевич, предчувствуя грядущие «чёрные дни», признавал: «Об украинских массах говорить поздно. Мы их плохо воспитали, мало убивали, вешали. Теперь следует думать о том, как сохранить Организацию…»

По призванию и врождённым качествам бойцы УПА были превосходными конспираторами. Подпольные территориальные структуры действовали в большинстве населённых пунктов Галичины. В каждом селе, хуторе сооружались уникальные тайные схроны, так называемые крыивки (укрытия), в которых находили убежище боевики. При выборе и способах обустройства лежбищ проявлялись чудеса изобретательности и находчивости, нередко ставившие в тупик бывалых смершевцев.

Крыивки, как правило, сооружались на сельском или городском подворье при согласии и активной помощи хозяев. Схроны рыли ночами, вёдрами или мешками выносили грунт подальше от дворов и там рассеивали по земле или ссыпали в речку или пруд. На Ивано-Франковщине крыивки часто копали параллельно с шурфом действующего колодца, сверху перекрывали и плотно утрамбовывали слоем земли. Вход-люк вырезали в деревянной стенке колодца-криницы на двухметровой глубине от верхнего сруба, и сверху заметить его было невозможно. Стоило в селе грянуть облаве, как подпольщики мгновенно ныряли в колодец, спускались по цепи, к которой крепилось ведро, открывали лаз и закрывались изнутри.

В схронах боевики могли находиться по нескольку дней, пока не минует угроза ареста. Но и там они не сидели сложа руки — сочиняли листовки и обращения, врачевали раны, приводили в порядок оружие. Еду им готовила и тайком передавала хозяйка: обычно в пустое ведро она ставила горшок с варёной картошкой и

мясом, какими-то овощами, а потом тихонько, даже не сторонясь соседей, направлялась с ним к колодцу — как бы за водой. Там опускала ведро до уровня тайного люка и подавала условный сигнал. Сидельцы забирали провиант, а ведро опускали ниже. Зачерпнув воды, женщина возвращалась в хату. При такой конспирации крыивку не могли обнаружить чужаки, хоть сутками сидевшие в засаде в кустах за соседским забором.

Тяжелее приходилось зимой — в стужу крыивка могла обернуться для боевиков могильным склепом. Не случайно первыми, кого брали на заметку чекисты, были люди, страдающие радикулитом или ревматизмом, — верная примета того, что человек долгое время провёл в подземном бункере.

Спасаясь от холодов и сырости, тоже пускались на хитрости. Неким умельцам удалось соорудить схрон с входом прямо под кухонной печью, накрыв его толстым листом металла. При малейшей опасности боевики спускались в убежище и закрывали за собой лаз. А хозяйка при этом поджигала заранее приготовленные дрова и ставила на огонь бак с водой…

Кроме малогабаритных крыивок, предназначенных для временного пребывания, подальше от населённых пунктов и дорог, в гористой местности устраивали целые подземные поселения с автономной системой жизнеобеспечения, которая позволяла прятаться в них неделями, а то и месяцами. Чаще здесь применяли уже не шахтный, а открытый способ. Труднодоступные, они надёжно функционировали аж до середины 1950-х годов. Скажем, в Городенсковском районе на Ивано-Франковщине, возле села Копачинцы, до осени 1956 года функционировала «трёхкомнатная» крыивка, где «с удобствами» проживало семь боевиков, в том числе и три женщины. Место для схрона — в лесу над рекой — боевики выбрали так, что к нему незаметно подкрасться было невозможно. В подземелье по тайному ходу, прикрытому досками, на которых рос куст лесного ореха, «домочадцы» проникали, спускаясь по лесенке. Интересным в инженерном плане был дымоход: над печкой архитекторы-любители приладили широкую трубу с тонкими трубочками, по которым дым струился на поверхность, сразу равеиваясь. Маскировал дымоход густой кустарник. Для удаления мусора и нечистот сидельцы даже проложили некое подобие канализации.

С провиантом тоже проблем почти не было. Овощи и фрукты они добывали на колхозных полях и в садах. В лесах собирали грибы, ягоды, орехи, травы. Мёдом, молоком и салом их снабжали местные жители.

Именно для прижимистых селян оуновские финансисты в

послевоенные годы придумали так называемые облигации боевого фонда (бофоны) УПА. Бофоны являлись как бы денежными обязательствами бандеровцев за предоставляемые им услуги и товары. Кстати, выпускали бандеровцы свои бофоны по эскизам проверенного живописца Нила Хаевича. Поначалу бофоны пошли нарасхват.

— Ты мне сегодня хрюшку, а я тебе — облигацию.

— Сколько?

— Да хоть на тыщу карбованцев… Скоро миллионером станешь!..

Одна беда — в крыивках боевиков одолевали хвори: кроме неизбежных радикулита и ревматизма подстерегали ещё и туберкулез, цинга, потеря зрения.

Порой схроны красным поисковикам всё же удавалось найти. Чаще зимой, когда заметнее были струйки тёплого воздуха, выходившие из примитивного «вентиляционного» люка. Когда чекисты стали применять в своих поисках собак, совсем стало туго. Обнаруженные боевики, прекрасно понимая, что их ждёт на земле, как правило, подрывали себя, стрелялись…

5 апреля 1944 года заместитель наркома внутренних дел СССР, комиссар госбезопасности 3-го ранга Серов утвердил инструкцию о порядке ссылки членов семей оуновцев и активных повстанцев в отдалённые районы Союза ССР:

«Раздел 1

Ссылке подлежат все совершеннолетние члены семей оуновцев и активных повстанцев, как арестованных, так и убитых при столкновении, а их имущество — конфискации в соответствии с приказом НКВД СССР № 001552 от 10 декабря 1940 года.

Кроме этой категории, подлежат также ссылке семьи актива и руководящего состава ОУН — УПА, скрывающихся и находящихся в данное время на нелегальном положении, как то: коменданты, помощники комендантов и сотрудники СБ; районные и надрайонные проводники ОУН; сотенные; станичные; коменданты ОУН; куренные; господарчие; шефы и референты связи; активные участники банд.

Несовершеннолетние члены семей следуют вместе со своими родными. Имущество ссыльных подлежит конфискации.

Ссылку производить в отдалённые районы Красноярского края, Омской, Новосибирской и Иркутской областей.

Раздел 2

Установить следующий порядок оформления документов (материалов) о выселении…

а) начальники городских и районных отделов НКВД— НКГБ на основании имеющихся документальных данных о практической бандитской деятельности оуновцев и повстанцев составляют списки семей, подлежащих ссылке по каждому району в отдельности по прилагаемой форме, и мотивированные заключения о выселении на каждую семью отдельно…

Направление в ссылку… производить после утверждения наркомом внутренних дел УССР, не дожидаясь решений ОСО.

Раздел 3

Для выселения… в каждый район выделяется группа оперативных работников, которая совместно с представителями местных органов власти (исполкома) является в дом (квартиру) ссылаемых, объявляет членам семьи решение о ссылке и предлагает собрать вещи, которые им разрешается брать с собой; производит опись имущества, подлежащего конфискации, и передаёт это имущество по акту представителю местных органов власти и под конвоем направляет всех членов семьи, подлежащих ссылке, вместе с вещами на намеченную железнодорожную станцию для погрузки в вагоны…

Раздел 4

Ссыльным разрешается брать с собой:

а) одежду, бельё, обувь, постельные принадлежности;

б) посуду столовую, чайную, кухонную (ложки, ножи, вилки, вёдра и т. д.);

в) мелкий хозяйственный инвентарь, бытовой инструмент и орудия мелкого кустарного или ремесленного производства (топор, пила, лопата, коса, грабли, вилы, молоток, швейная машинка и т. д.);

г) продовольствие из расчёта не менее месячного запаса на семью (разрешать брать продукты неограниченно);

д) сундук или ящик для упаковки вещей.

Общий вес указанных вещей не должен превышать 500 кг на каждую семью.

Обратить особое внимание, чтобы выселяемые семьи брали с собой как можно больше одежды, обуви и продуктов питания, деньги без ограничения суммы и бытовые ценности (кольца, часы, серьги, браслеты, портсигары и т. д.).

Раздел 5

Конфискации подлежат все принадлежащие ссыльным постройки, сельскохозяйственный инвентарь (за исключением разрешённого к вывозу мелкого инвентаря) и домашний скот…

Раздел 6

Порядок конвоирования ссылаемых в пути следования до железнодорожной станции назначения определяется уставом

конвойной службы…»

* * *

Уловив панические настроения галичан, ушлые пропагандисты из ведомства Геббельса тут же сочинили свой, вполне правдоподобный «приказ Жукова о выселении украинцев в Сибирь»:

«Совершенно секретно
Приказ № 0078/42
22 июня 1944 года г. Москва
ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
И НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Содержание:
О ликвидации саботажа на Украине и о контроле над командирами и красноармейцами, мобилизованными из освобождённых областей Украины.

Агентурной разведкой установлено: за последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях, наблюдается явно враждебное настроение украинского населения к Красной Армии и органам Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население сопротивляется выполнению мероприятий партии и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии. Для того чтобы сорвать колхозное строительство, хищнически забивают скот. Чтобы сорвать снабжение продовольствием Красной Армии, хлеб закапывают в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы, преимущественно из лиц, уклоняющихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах зелёные банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представителей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобождённых областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами

освобождённых областей Украины приказываю:

1. Выслать в отдалённые края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью оккупантов.

2. Выселение производить: а) в первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев; б) во вторую очередь выселять всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации; в) выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии; г) выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не позволить скрыться и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль: а) завести в особых отделах специальные дела на каждого;

б) все письма проверять не через цензуру, а через особый отдел; в) прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и красноармейцев.

4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12-ю и 25-ю карательные дивизии НКВД.

Приказ объявить до командира полка включительно.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

БЕРИЯ.

Зам. народного комиссара обороны Союза ССР

ЖУКОВ.

Верно: начальник 4-го отделения полковник

ФЁДОРОВ»[19].

Ну и что с того, что подобного рода «документ» по элементарным канонам бюрократической канцелярии никак не могли подписать Берия вместе с Жуковым? Главное — посеять страх, а истину утопим. Тем более что депортация «членов семей оуновцев — украинских националистов, бандитов и бандпособников» чекистами проводилась практически по этой схеме ускоренными темпами.

«В нашей работе имеется одна ошибка, — излагал свои соображения командир 88-го пограничного отряда НКВД. — Мы убиваем повстанцев, мы видим мёртвого повстанца, но за каждым повстанцем остаётся жена, брат, сестра и так далее», то есть члены семьи, чьё общее чувство преследуемых порождает будущее сопротивление. Когда же начнём наказывать семьи?..

Призыв был поддержан. На совместном совещании партактива и руководства МГБ 14 февраля 1946 года секретарь Дрогобычского обкома Олексенко обратился непосредственно к первому секретарю Хрущёву: «Я прошу Вас, Никита Сергеевич.

Дайте нам эшелоны, чтобы мы могли выслать семейства повстанцев. Это имеет большое значение и поможет нам достичь [нашей цели]. Мы готовы провести массовые высылки…»

Спустя год на подобном же совещании во Львове с участием товарищей Кагановича и Хрущёва секретарь Станиславского обкома Слонь требовал: «Мы должны репрессировать членов семей как предателей нации. Мы должны выслать семейства мятежников как опасную угрозу безопасности государства…»

Под особым присмотром находились молодые галичане, призванные в ряды Красной армии. 23 марта 1944 года вышла директива ГлавПУРа (Главного политуправления) «О работе с призванными из освобождённых районов западных областей Украинской ССР». В соответствии с ней первоначальная проверка должна была проходить уже во время мобилизации, в которой принимали участие офицеры местных или фронтовых органов НКВД. Подозреваемых в сотрудничестве с немцами отправляли в тыл для дальнейшей проверки или в штрафные батальоны, где им предстояло «искупить кровью свою вину перед Родиной за то, что активно не выступали против немцев». Всех прочих — в маршевые роты или запасные полки. Там уже плотное «шефство» над ними брали смершевцы.

У руководства ОУН — УПА были свои счёты с теми, кто не воспротивился возвращению советской власти на Западную Украину: «Действовать так, чтобы все, кто её поддерживает, уничтожались… Не запугивать, а физически уничтожать… Пусть из украинского населения останется половина — ничего страшного нет. Мы должны уничтожать всех, кого заподозрили в связях с Советской властью. А семьи их будут вырезаться до третьего колена…»

«Приговор.

19 октября 1944 г. суд военного трибунала, рассмотрев дело против Мирончук Татьяны, признал её виновной в сотрудничестве с НКВД. На основании её признания суд приговаривает Мирончук Татьяну к смерти.

Приговор приведён в исполнение 19.X. 1944 г. в 5 часов утра. Слава Украине! Героям слава!

Ком. пол. *БЕРЕЖНЮК*».

Таков был стандартный текст универсального смертного приговора, разработанного службой безопасности УПА. Менялись лишь даты, имена подсудимых и псевдонимы исполнителей.

Особую ненависть подпольной службы безопасности

вызывали «москальки» — молодые украинки, уличённые в связях с «советскими оккупантами», попросту говоря «красноармейские шлюхи».

В июне 1948 года уборщица Львовского университета, наводя порядок в конюшне, в земляном полу случайно наткнулась на останки человеческих тел. В ходе расследования и раскопок были найдены 18 обнажённых и изуродованных трупов — 17 женщин и 1 подростка.

«С ноября 1947 г. мы систематически убивали лояльно настроенных к советскому режиму жителей близ расположенных к городу Львову районов, — показывал на следствии один из убийц. — С этой целью встречали намеченных к ликвидации на вокзале или городском базаре, заманивали их под разными предлогами в конюшню университета. Там мы убивали их ударами тупого предмета по голове, после чего закапывали в землю».

Составлялись проскрипционные списки «греховодниц». В конце 1944 года такой список был обнаружен в селе Розваж Золочивского района. В нём значились фамилии восьми местных жительниц, которых соседи подозревали в измене:

«…Морцам Юлия, украинка, в 1941 году была членом Коммунистического союза молодёжи и информатором НКВД. Когда в 1944 г. вернулись Советы, она начала работать ещё более активно… Она информировала обо всём НКВД и руководителя района… Каждый день она гуляет с НКВД и кричит „Долой бандеровцев!”…

…Михайлюк Юлия, по национальности русская, была связана с поляками и советскими партизанами, а теперь стала главным информатором НКВД… Она доносит НКВД и местному партийному секретарю обо всём, что случилось в селе. Она (было подслушано) говорит: „Долой бандеровцев! Теперь пришло время, чтобы начать жить жизнью, которую мы все ждали. К чёрту вас и ваших бандеровцев!”

…Литарчук Фима, по национальности украинка… Доносит о тех, кто скрывается… Имеет очень тесную связь с председателем сельсовета и секретарём местной партячейки. Много раз её заставали с НКВД и представителем райкома партии… Она (было подслушано) кричит: „Долой бандеровцев! Мы достаточно долго ждали свободу. Теперь время, чтобы жить!”

…Подписано: *Заверуха.* Слава Украине! Героям слава!»

Каратели СБ ОУН наказывали «грешниц» за малейшую провинность: семнадцатилетнюю Марину Мойсин — за то, что два её двоюродных брата служили в Красной армии, а сама она

систематически носила для продажи молоко в дом, где жили сотрудники МВД — МГБ. Пятнадцатилетнюю Машу Буяновскую за то, что её брат служил в Красной армии, а сама она, будучи угнанной в Германию, четыре года работала на жирного бюргера… В смертном приговоре СБ относительно двадцатитрехлетней Марии Мирон значилось: «Лояльно расположена к советскому режиму. Аккуратно выполняла все обязательства перед государством».

В вину молодым людям вменялось даже место рождения. В сводке МГБ от 4 августа 1948 года значилось: «Были захвачены и зверски замучены работавшие на территории Станиславской области геологи Балашова Наталья, 1921 года рождения, уроженка и жительница города Москвы, член ВКП(б), и Рыбкин Леонид, 1925 года рождения, уроженец и житель города Москвы, член ВЛКСМ…»

Уповец Ленив по кличке Резунчик откровенничал: «С моим участием было уничтожено до 200 человек, которые были заподозрены в связях с органами МГБ, либо членов ОУН и в измене… В августе — сентябре 1946 года, когда наша бандбоёвка СБ дислоцировалась в селе Топильск Станиславской области, руководителем её Омелько была заподозрена в связях с органами МГБ курьер Пергинского районного провода ОУН — девушка по кличке Чаривна. После допросов, сопровождавшихся различными изуверствами, Чаривна не дала показаний о своей связи с органами МГБ, однако комендант бандбоёвки Омелько приказал повесить её…»

По данным канадского историка Виктора Полищука, в 1943–1944 годах жертвами бандеровского террора стало по меньшей мере 120 тысяч невинных поляков и около 80 тысяч украинцев. Его киевский коллега профессор Анатолий Чайковский считает, что общее число жертв, погибших от рук ОУН-УПА, превысило 300 тысяч человек. По оценкам других исследователей — француза А. Герена, американца К. Симпсона, итальянца Д. Боофа и других по своей жестокости и цинизму преступления бандеровцев против человечества не уступают нацистским, а в ряде случаев превосходят их.

«Епископ Феофан, служивший в старинном Мукачевском монастыре, в своих проповедях осуждал кровавые выходки бандеровцев, — сообщал руководитель местного управления МГБ. — Однажды он получил письмо с изображением трезубца: это было последним предупреждением бандитского подполья. Но Феофан продолжал своё святое дело. Вскоре его нашли мёртвым, причём не где-нибудь, а в келье… Епископа не просто убили, а умерщвили средневековым зверским способом: обмотали его

голову проволокой, подоткнули под неё палку и начали её медленно вращать до тех пор, пока не треснул череп…»

Впрочем, «методы работы» МВД и МГБ мало чем отличались от профессиональных навыков палачей-оуновцев. В обзоре 1946 года контрольной комиссии ВКП(б) значилось: «Начальник Глинянского райотдела МВД Львовской области Матюхин П. Е., допрашивая Михальскую Е. Г., изнасиловал и жестоко избил её. Просидев под арестом с 27 января по 18 февраля с. г., Михальская из-под стражи была освобождена… Матюхиным также было изнасиловано по крайней мере четыре других девушки незаконно арестованных: Пастернак, Костив, Покира и Степанова… Они были освобождены после учинённого над ними насилия и издевательства…»; «Начальник Богородчанского райотдела МВД Станиславской области Беспалов М. Д. и его заместитель Борисов И. З. в феврале незаконно арестовали гражданок Снытько Марию и Фанегу Прасковью. Во время допроса их избивали, а затем посадили в холодную камеру. После освобождения из-под ареста от перенесённых побоев Снытько умерла…».

В силу определённых обстоятельств партизанская война со временем всё больше начинала напоминать разбой и бандитизм, направленный против своих же односельчан или жителей ближайшего хутора. Мёрзнувшие в лесных схронах мужики не только желали крови ненавистных «коммуняк» и славы Украине, но и каждый день хотели жрать. Рано или поздно (чаще как раз поздно — в ночную пору) они совершали набеги на соседние сёла. Борцов с Советами сердобольные крестьяне, конечно, кормили чем бог послал. Гости приходили снова, в следующую ночь, особенно к тем, кто не выказывал гостеприимства, а значит, втихаря подгавкивал красным. При этом уже не просили — требовали хоть последнюю овцу или корову и шарили по амбарам, выгребая всё, что попадалось на глаза. Стоит ли так поступать с земляками? Очередной ночью хозяева встречали «гостей» уже увесистой дубиной. Кого-то избивали до крови или даже до смерти. Карпатские хлопцы умеют грудью постоять за своё добро — с вилами против автоматов пойдут, один чёрт, против каких — москальских ППШ или немецких «шмайссеров».

Из «Донесения секретаря Березовского РК КП(б)У Коржа секретарю Каменец-Подольского обкома КП(б)У тов. Петрову № 51 6 апреля 1944 г. о случаях нападения бандеровских отрядов и вооружённой банды»[20]: «4.IV.44 г. Вооружённый бандеровский отряд около 40 человек в 2 часа ночи сделал налёт на с. Киликиев нашего района… Отряд в смешанной форме… арестовал истребка охраняющий с/совет, затем под угрозой оружия заставил стучать в окно к председателю с/совета тов. Рогань. При открытии

квартиры в дом вошло половину отряда, отобрав у последнего автомат, а затем также под силой оружия заставили стучаться в квартиру по всему активу села и военнослужащих, расквартированных в селе. Таким образом отряд обезоружил: председателя с/совета, истребка, счетовода колхоза, председателя колхоза, одного лётчика, двух часовых, охранявших аварийный самолёт, шофёра и лейтенанта. Затем отряд снял с аварийного самолета „ИЛ-2” два крупнокалиберных пулемёта, побив приборы на самолёте, и ушёл. Все арестованы и обезоружены были невредимы отпущены с предупреждением: „говорять энкеведисты, что мы убиваем людей… неверно. Мы убиваем именно энкеведистов, а вы идите спать. Придёт время вы сами к нам прийдете”…»

В свободном поиске

Во второй половине 1944 года в Заксенхаузен пожаловал сам шеф СС Генрих Гиммлер. Навестив Степана Андреевича, высокий гость сообщил многолетнему сидельцу: «Необходимость вашего вынужденного пребывания под мнимым арестом, вызванная обстоятельствами, временем и интересами дела, отпала. Отныне начинается новый этап сотрудничества, наша победа обеспечит и ваше будущее».

После отступления немцев с Украины держать Бандеру в лагере стало бессмысленно. 25 сентября 1944 года Бандера и другие видные оуновцы, в том числе Андрей Мельник, были освобождены.

Однако возвращаться на Украину Степан Андреевич не спешил. За просто так подставлять свою голову под «карающий меч революции» он не собирался. Какой смысл? Он же не самоубийца. Близкий к руководству Организации Иво Полулач отмечал, что Бандеру «нельзя было переспорить, он не слушал никакие доводы. Всегда оставался при своём мнении. И одним из его минусов было то, что он фактичеки не знал, что творится на Украине, где он не был со времён первого ареста, с 1934 года. Он мыслил революционными фразами…»

Конечно, его впереди ждали большие дела. Необходимо было не мешкая заниматься внутренними проблемами Организации, руководство которой стройными колоннами перебиралось в Германию.

Сам Степан Андреевич, воспользовавшись гостеприимным «приглашением» оберштурмбаннфюрера Вольфа, нашёл приют под Берлином, на даче отдела 4Д гестапо. После непродолжительного отдыха и акклиматизации Проводника в январе 1945 года его командировали в Краков в расположение абверкоманды-202. Ему предстояло провести инструктаж и напутствовать готовившегося к заброске в тыл Красной армии старого знакомого Юрия Лопатинского с группой. По случаю приезда Бандеры командир абверкоманды капитан Кирн устроил маленький банкет на вилле на Гратенштрассе.

Праздники быстро сменились буднями. Подзадержавшемуся в Кракове Бандере нужно было спешно уносить ноги, иначе он рисковал угодить в лапы Смерша, чьи лазутчики уже рыскали по городу. Спасение Проводника было поручено главному диверсанту рейха, любимцу самого Гитлера Отто Скорцени, имевшему немалый опыт в проведении подобных операций.

«Это был трудный рейс, — скупо вспоминал те дни верный

«солдат фюрера», избегая лишних подробностей. — Я вёл Бандеру по радиомаякам, оставленным в Чехословакии и Австрии, в тылу советских войск. Бандера был нам нужен. Мы ему верили. Гитлер приказал мне спасти его, доставив в рейх для продолжения работы. Я выполнил это задание».

После благополучного возвращения в Германию Бандера был привлечён к созданию Украинского национального комитета (УНК), о котором гитлеровцы, правда, вспомнили только тогда, когда сам рейх уже находился на грани катастрофы. Накануне решительного штурма Берлина частями маршала Жукова немцы приказали подвернувшемуся под горячую руку Бандере наскоро сколотить боевые отряды из уцелевших оуновцев и бросить их под гусеницы советских танков. Степан Андреевич приказ выполнил, а сам от греха подальше покинул пылающий Берлин и укрылся в Веймаре.

Уже после мая 1945 года Бандера, говоря о причинах, которые побудили немцев освободить его из концлагеря, туманно намекал, что они, дескать, старались расположить его к себе, но от сотрудничества он решительно отказался и бежал из-под полицейского надзора в самом начале 1945 года. Как всегда, Степан Андреевич искренне верил в каждое произнесённое им слово.

Оказавшиеся в американской и английской зонах оккупации бандеровцы, вопреки всем опасениям и ожиданиям, преследованиям не подвергались. Только в Баварии насчитывалось более трёх десятков лагерей, в которых на какое-то время укрылись вчерашние каратели и кадровые вояки УПА. 31 октября 1945 года в Ашаффенбурге с согласия Главного штаба американской армии было создано Центральное представительство украинской эмиграции в Германии, которое успешно контактировало с украинскими националистическими организациями в США и Канаде.

Первое время после войны Бандера был вынужден скитаться, перебираясь с места на место — Веймар сменяли трущобы берлинских предместий, разрушенных артиллерией союзников, затем следовали уютные тирольские курорты — Инсбрук, Зеенфельд, потом Хильдесхайме в Нижней Саксонии… Для охраны вождя главнокомандующий УПА Роман Шухевич отправил в Германию старшин службы безопасности, которые, кроме выполнения своих непосредственных обязанностей, занимались решением чисто житейских проблем Бандеры. Его личный охранник Василий Шушко вспоминал, что, перемещаясь по Австрии и Германии, они со Степаном Андреевичем лишь однажды позволили себе остановиться в какой-то захудалой

гостинице. В основном же довольствовались ночлегом в палатке, которая постоянно находилась в багажнике автомобиля. И конспиративно, и экономно.

Над семьёй Бандеры тем временем сгущались тучи. С чужими документами они сначала ютились в лагере для беженцев вблизи Миттенвальда. Потом им подыскали уединённый лесной домик под Штарнбергом, правда без тепла, света и элементарных бытовых удобств. Малолетней Наталке приходилось ежедневно проходить по 6 километров, чтобы добраться до школы.

«Семья недоедала, дети росли болезненными, — повзрослев, рассказывала она. — Мы жили без нашего отца. Отец лишь несколько раз навещал нас. Я вспоминаю, как однажды, тяжело болея воспалением среднего уха, я спрашивала маму, кто этот чужой пан, который склонился ко мне и гладит. Я совершенно забыла своего отца… Потом мы жили в маленьком селе Брайтбрун над Аммерзее, и мой отец посещал нас уже чаще, а потом бывал дома почти каждый день. Но моя мама постоянно боялась за жизнь отца, на которого охотились большевики: её преследовала мысль, что он может погибнуть при несчастном случае во время поездки домой. И всё-таки эти годы были для нас самыми спокойными и самыми счастливыми в жизни моей матери, которая хорошо себя чувствовала среди жителей села и сдружилась с ними… Все эти годы мы были полностью оторваны от украинцев, а это угрожало нам, детям, полным отчуждением от украинства. Но мой отец, несмотря на свою ответственную и изнурительную работу, находил ещё время для того, чтобы учить меня украинской истории, географии и литературе, заставлял меня читать украинские книжки… В то время я не знала, кем был мой отец. И я не могла себе объяснить, почему мы сменили нашу фамилию…»

Но более всего в послевоенный период Степана Андреевича, безусловно, тревожила неопределённость своего положения в родной Организации. Во время «почётной ссылки» в Заксенхаузене обязанности «правящего Проводника» исполнял Мыкола Лебедь. Затем участники III чрезвычайного Большого собрания ОУН в 1943 году решили вообще отказаться от института Проводника. Вместо этого было создано бюро Провода в составе Романа Шухевича, Ростислава Волошина и Дмитра Маевского.

Но самые стойкие последователи Бандеры считали, что его ещё в 1940 году в Кракове избрали пожизненным Проводником. Выйдя из лагеря, Степан Андреевич потребовал подтверждения своих властных полномочий.

А как иначе, если некоторые командиры УПА, к примеру

Тарас Бульба-Боровец, уже поднимали головы и высказывали откровенное недовольство методами «борьбы за независимость», которые применяли бойцы, прикрывавшиеся именем Проводника:

«Пошли в ход топоры и верёвки. Вырубаются и вешаются целые семьи. Топорники вырубают и вешают… беззащитных женщин и детей… Может ли революционер-государственник подчиняться проводу партии, которая начинает построение своего государства с вырезания национальных меньшинств? При ваших методах отстрела украинцев в Красной Армии, бывших украинских коммунистов, комсомольцев и уничтожения украинского актива, как это было на Житомирщине, удушения лучших людей, вы не сумеете мобилизовать вашей армии… За что вы боретесь? За Украину или за вашу ОУН? За Украинское государство или за диктатуру в этом государстве? За украинский народ или только за свою партию?.. Существовала ли когда-то на Украине такая революционная организация, которой украинский народ боялся больше, чем самого лютого врага, а её членов называл не иначе как вешателями и топорниками?..

Что общего имеют с освобождением Украины бандеровские попытки теперь подчинить украинские народные массы своей партийной диктатуре и фашистской идеологии, которая отвратительна украинскому народу… А сколько жертв террора, запугиваний или позорно замученных председателей сельских советов, бульбовцев, мельниковцев, радикалов, старых петлюровцев, комсомольцев, беспартийных честных и сознательных украинцев, которые погибли только потому, что у них были другие убеждения, что они осуждали преступную бандеровскую деятельность!.. Кровь павших и раненных от вашей руки революционеров и слёзы уже сегодня угнетённого вашей „властью” населения станут вечным позором ОУН Бандеры…»

В феврале 1945 года конференция ОУН избрала новое бюро в составе Бандера — Шухевич — Стецько. Степан Андреевич был определён Проводником всей ОУН, а Роман Шухевич его заместителем и руководителем Провода на украинских землях. Однако проблемы оставались.

Зимой 1946 года создаётся Зарубежная часть (34) ОУН, что позволило раскольникам утверждать, дескать, в послевоенные годы Бандера утратил полномочия Проводника всей Организации, подчиняя себе лишь эмигрантские силы.

История повторялась. С той лишь разницей, что если в 1940 году Степан Андреевич обвинял Мельника, что тот, находясь за рубежом, оторвался от реальной жизни на Украине, то теперь уже ретивые супруги Ребет, Зенон Матла и некоторые другие влиятельные члены ОУН выдвигали аналогичные претензии к

«пожизненному вождю».

В ближайшем окружении Бандеры полагали, что смутьяны играли на руку врагу, словно умышленно выжидая подходящий политический момент. Именно в эти дни на первой сессии Организации Объединённых Наций Москва устами «письмэнника» Мыколы Бажана потребовала от мировой общественности привлечь к ответственности украинских националистов во главе со Степаном Бандерой как военных преступников.

Отвечая своим оппонентам, Проводник (под псевдонимом С. А. Серый) предпринял ловкий ход. В своей программной статье «К основам нашей освободительной политики» он, излагая идеи и ценности, «определяющие содержание и форму жизни и развития народа и личности на всех участках, их созидательную роль…», в очередной раз подтвердил свою приверженность идеям свободы, самобытности и свободного развития народов, социальной справедливости, равенства и братства всех людей и народов. И тут же впервые заговорил о «толерантности в отношении к иным, различным культурным и социальным ценностям», о свободе религии, сознания, мысли и слова.

При этом позволил себе неожиданный пассаж:

«По политико-мировоззренческой сущности ОУН — монопартийная система в государственной жизни и не может отвечать потребностям полного и здорового национального развития. В государственной организации народа должно быть место для политической дифференциации, кристаллизации и свободного развития политических групп, и для здорового творческого состязания между ними. Государственные же органы в исполнении своих функций должны стоять на позициях внепартийности: прежде всего, заботиться о единстве, защищать интересы всех позитивных составных частей… Мы отбрасываем тоталитарно-механистические методы…

Словом, панове, ОУН — открытая трибуна, я принимаю любую критику, мы уважаем любое мнение, лишь бы оно служило достижению великой цели — построению Украинской Независимой Соборной Державы».

И тут же Проводник обращает «Слово к украинским националистам-революционерам за границей», своим соратникам:

«Главнейшим принципом всей украинской политики является и должно быть восстановление Украинского Самостоятельного Соборного Государства путём ликвидации большевистской оккупации и расчленения Российской империи на самостоятельные национальные государства. Только тогда может иметь место объединение этих самостоятельных национальных

государств в блоки или союзы по принципу геополитических, хозяйственных, оборонных и культурных интересов… Концепции эволюционной перестройки (!) или превращения СССР в союз свободных государств (!), но так же объединённых, в том же составе, с преимущественным или центральным положением России — такие концепции противоречат идее освобождения Украины, их надо до конца изъять из украинской политики (!).

Самостоятельного государства украинский народ сумеет добиться только путём борьбы и труда. Благоприятное развитие международной ситуации может значительно способствовать расширению и успеху нашей освободительной борьбы, но оно может сыграть только вспомогательную, хотя и очень полезную роль. Без активного сопротивления борьбы украинского народа даже самая благоприятная ситуация никогда не предоставит нам государственной независимости, а только заменит одно рабство другим. Россия со своим глубоко укоренившимся, а ныне ещё более усилившимся захватническим империализмом, всеми силами, ожесточённо будет бороться за Украину, чтобы удержать её в составе своей империи или заново поработить. Как освобождение, так и защита самостоятельности Украины может опираться только на собственные украинские силы, на собственную борьбу и постоянную готовность к самозащите».

Политическая стратегия Бандеры не блистала новизной. Дмитрий Донцов ещё в начале XX века твердил о том, что нет и быть не может никаких реальных предпосылок для общего пути украинского и российского народов и что россияне всегда будут стремиться держать Украину на коротком поводке, Донцов был уверен, что «светлое будущее Украины и украинского народа будет решаться **не в сотрудничестве с Россией, а в борьбе с ней».**

Вслед за учителем Бандера повторял: «Борьба за государственную независимость Украины — это борьба против России, не только против большевизма, но против захватнического российского империализма, который присущ российскому народу, как в прошлом, так и ныне. Если завтра на смену большевизму придёт другая форма российского империализма, то это тоже обернётся, прежде всего, против самостоятельности Украины… В них живёт крайняя враждебность к идее государственной самостоятельности, суверенности Украины. Стало быть, борьба Украины за свою свободу, за государственную независимость — это, прежде всего, борьба против наступления империалистической Москвы».

Этим он оправдывал свою приязнь к гитлеровскому рейху: «Когда Германия пошла войной на Россию, нашего врага, то

Украина не могла этого не одобрить… Поэтому наша линия поведения была чёткой: готовность к дружескому сотрудничеству и общей войне против большевистской России».

Однако падение Третьего рейха вынудило Степана Бандеру радикально изменить свои ориентиры во внешней политике.

«Всюду расширяется братство между украинцами и союзниками. Это имеет серьёзное политическое значение и приносит хорошие плоды, — подсказывал он Роману Шухевичу. — Поляки выдвигали свою концепцию общего союза государств между Балтикой, Чёрным и Адриатическим морями (без народов Кавказа и далее на Востоке)… Теперь выступили с предложениями договориться с нами… Мы будем отстаивать те же позиции, что и в предыдущих переговорах. Всё-таки необходимо договариваться с ними. Трудности будут те же самые, что и раньше, — по поводу спорных территорий. Возможно, было бы целесообразно вместо этнографического принципа согласиться на свободное самоопределение с проведением частичного переселения народов, которое обязаны будут провести оккупационные державы. У некоторых наших людей есть опасения, что это вызовет негативную реакцию. Но по-моему, такая формула, по сути, ничего не меняет, поскольку наша территория самоопределяется на Украине. Полякам трудно будет возражать…

Одно ясно, что сегодня налицо политико-диплома-тический конфликт между СССР, с одной стороны, и союзниками — с другой. Союзники представляют себе дело так, что время работает на большевиков, требуют сделать всё, чтобы заставить их отступить на границы 1939 года.

Непоколебимая позиция большевиков может привести к войне».

Осознавая, что в одиночку вести борьбу против Советского Союза бессмысленно и даже гибельно для всего движения, Бандера в том же 1946 году прилагает все силы для создания Антибольшевистского блока народов. При этом бразды правления АБН он вручает своему верному оруженосцу Ярославу Стецько, несостоявшемуся премьеру Украины.

Причины самоустранения были очевидны. Некоторые ветераны движения высказывали недовольство возможным присоединением инородцев к ОУН и последующим «разжижением» великой национальной идеи. При этом в адрес Проводника выдвигались совершенно несуразные обвинения, будто бы Бандера стремится превратить ОУН в некую неокоммунистическую организацию по образцу и подобию Коммунистического интернационала.

Увы, но путь к свободе пролегал через Польшу. Низовые отряды УПА получили приказ: «Среди польского населения проводить организованные рейды, распространять литературу, вести мощную пропаганду на предмет общего освобождения всех порабощённых и угнетаемых большевистско-московским империализмом народов».

Заместитель проводника ОУН Василь Галаса по поручению Бандеры уточнил некоторые нюансы пропагандистской работы: «Поднять на максимальный уровень антибольшевистские настроения в польской среде и подтолкнуть к активизации бескомпромиссной революционной борьбы против Москвы и её варшавской агентуры в самых масштабных размерах. Проводить идеи польско-украинского взаимопонимания на антибольшевистской платформе и общего отстаивания суверенитета народов, с одновременной пропагандой идей Антибольшевистского Блока Народов».

Каждый боец должен был уяснить прежде всего сам, а затем уже внушить полякам следующее: «Мы, Украинские Повстанцы, приходим к Вам как друзья и союзники. Целью нашего прибытия является широкое ознакомление польского населения с фактами угнетения Москвой подневольных народов, поделиться с ними опытом борьбы с большевизмом… Обращаемся ко всем полякам, чтобы помогли нам информацией и всем, что будет необходимым для нас. Ибо мы воюем против Вашего врага — Москвы и являемся воинами антибольшевистского фронта, который решает также и судьбу Вашего отечества».

Всё было понятно. Разве что тезис «Помогли всем, что будет необходимым для нас…» вызывал некоторые опасения и вопросы у местного населения.

Каждому поляку уповцы вручали обращение «Наш ответ»: «Польская пресса, подчиняясь инструкциям и приказам большевистской пропаганды, часто публикует статьи и информации, переполненные наветами на УПА и в целом на украинское освободительное движение… Будто бы украинское освободительное движение является „фашистивским”, будто бы оно было сориентировано на гитлеровскую Германию и на сотрудничество с ней, будто бы нынешними военными операциями УПА руководят немецкие старшины, будто бы украинцы помогали душить варшавское восстание, будто бы украинские повстанцы убивают поляков, сжигают польские деревни, угнетают польское гражданское население…»

Это не так, возражали авторы «Ответа» и проводили «ликбез»:

«1. Украинское освободительное движение не является и

никогда не было движением фашистивского типа. Оно по своей идеологии, политической и социальной структуре, в своей деятельности есть национально-освободительное, социально-прогрессивное, антиимпериалистическое, антидиктаторское, и потому — антибольшевистское.

2. Украинское освободительное движение никогда не ориентировалось на гитлеровскую Германию. С самого начала немецкой оккупации Украины оно боролось против гитлеризма. Уже 30 июня 1941 г. украинское освободительное движение продекларировало возрождение Украинского Независимого Государства и создало правительство с г. Я. Стецько во главе. Это был явный анти-немецкий акт, который положил начало трёхлетней героической борьбы украинского народа против немецкой оккупации… Немецкие оккупанты, в свою очередь, преследовали украинское освободительное движение. Самого выдающегося его руководителя С. Бандеру заключили немцы в концлагерь, а двух его братьев замучили в немецком концлагере Освенцим, они расстреляли десятки тысяч украинских патриотов…

<…>

4. Не соответствуют действительности и сообщения большевистской пропаганды, что якобы немецкие старшины руководят ныне частями УПА. Ни один немецкий офицер не был и не является командиром какого-либо подразделения УПА. Большевистским, как и некоторым польским, руководителям стыдно, что в боях против УПА они терпят бесславные поражения; потому и пытаются оправдать свои неудачи надуманным присутствием хорошо обученных немецких офицеров в рядах УПА.

5. Версия о фиктивном участии украинских подразделений в удушении варшавского восстания не отвечает реальным фактам и не опирается на конкретные доказательства… Никому из украинских политических деятелей не известно о каком-либо участии украинцев в этой позорной акции… В августе и сентябре 1944 г., когда Варшава была залита кровью участников восстания (целью которого было нанесение политического удара советской оккупации), УПА почти целиком уже боролась против своего нового, теперь уже красного оккупанта. Место подлинных патриотов было там, на своей земле, среди борцов за свободу родного края. А не в Варшаве или где-то на немецкой службе.

6. Самая распространённая большевистская ложь есть сообщения советской пропаганды, будто бы украинские повстанцы жгут польские деревни, убивают гражданское население, даже женщин и детей… В этом нет ни крохи правды.

УПА, хотя и является формацией повстанческого характера, стремится соблюдать все правила цивилизованного ведения войны как с вражескими вооружёнными силами, так и в отношении гражданского населения. Поэтому УПА освобождает всех пленных воинов Красной Армии и Войска Польского, которых не обвиняет в совершении актов насилия или убийств. УПА прежде всего борется с большевистской партией и её террористическими полицейскими формированиями… Что же до гражданского населения, то УПА придерживается принципов максимальной толерантности и гуманизма, если даже в некоторых случаях оно относится враждебно к УПА.

Таким образом, все обвинения большевистской пропаганды являются безосновательными и фальшивыми.

Нет сомнений, что во время боёв с большевиками, красной милицией иногда и гражданское население, как польское, так и украинское, несёт потери. Это неумышленные, но неизбежные последствия борьбы, которые невозможно избежать. Бывали случаи, когда наши подразделения наказывают некоторых лиц за бандитизм, грабежи или убийства украинского населения. В некоторых посёлках польское население помогало красным разорять и убивать украинцев. В таких случаях применялись защитные меры, и после предупреждений и исчерпывающих способов избежания противоукрайнского террора виновных наказывали. Однако это были единичные случаи…

Между украинским и польским народами были в прошлом многочисленные недоразумения, шла нелёгкая борьба с захватнической политикой Польши против Украины. Сегодня перед лицом общего врага, московского империализма в его крайней большевистской форме, польско-украинский конфликт должен отойти на второй план, а после и вовсе исчезнуть…

С группами власовцев украинское освободительное движение не имело и не имеет ничего общего. Власовцы являются российским освободительным движением, которое сотрудничало с немцами и до сих пор не проявило своего положительного отношения к вопросу о самостоятельности Украины и других порабощённых Москвой народов.

Никогда и нигде украинские повстанцы не принимали участия в антижидовских акциях. В украинской подпольной прессе… нет ни слова, направленного против жидов. Народ, который ведёт освободительную борьбу, не может включать в свою идеологию безумные гитлеровские расистские теории. Общеизвестен факт, что во время немецкой оккупации в рядах УПА боролись рядом украинцы и жиды, в большинстве врачи.

Враг, против которого мы боремся сегодня, — это

террористическая большевистская клика… Мы боремся за прогрессивные идеалы гуманности, за свободу для всех народов и каждого человека».

Только напрасно оуновцы пытались установить добрососедские отношения с поляками. Население встречало «рейдовиков» недоверчиво и с опаской. Штабисты Войска польского немало потрудились, разрабатывая «Тактику борьбы с бандами» для особых партизанских отрядов.

Отряды состояли в основном из партийных активистов, рабочих, солдат и офицеров, но непременно переодетых в цивильные одежды. На бандеровский террор они должны были немедленно реагировать по специальной методике:

а) материальное наказание (конфискация имущества);

б) массовые аресты; в) переселение жителей сёл в западные территории; г) немедленный расстрел на месте пойманных с оружием; <…> е) в крайних случаях при коллективном сопротивлении деревень — сожжение их.

«Распоряжение № 001 штаба оперативной группы войскового округа № 5 по вопросу создания разведывательных подразделений польской армии, действующих под видом солдат УПА. Жешув. 1 августа 1947 года.

Совершенно секретно.

…Остатки боевых подразделений УПА блуждают до сих пор в районе Жешувского воеводства в небольших количествах, избегая столкновений с армией и действуя мелкими группами от 2 до 4 человек в основном с целью добычи продуктов питания… Для полной ликвидации остатков банд и районной управы УПА командир оперативной группы 5-го военного округа приказывает командирам дивизий и бригад сформировать:

1. В каждой дивизии по 5 и в каждой бригаде по 3 разведывательных подразделения в составе от 20 до 30 человек. Вооружение и организационные указания в прилагаемой инструкции.

2. Среди личного состава разведывательных подразделений выбрать в каждой дивизии по 2 и в каждой бригаде по 1 разведподразделению, которые следует переодеть в бандеровскую форму, внешне уподобив их членам банд. Действовать они будут партизанским методом, стараясь вступить в самый близкий контакт с бандой, выдавая себя за бандеровские подразделения с целью максимально быстрой и наиболее успешной ликвидации бандитских групп.

3. Каждому из разведподразделений выделить особый, чётко очерченный район деятельности, по которому имеются точные данные, что в нём действуют банды.

4. На период деятельности подразделений освободить районы от присутствия других военных подразделений, отрядов гражданской милиции, добровольного резерва гражданской милиции, а также обратить особое внимание на организацию связи, которая бы исключала всякую возможность взаимных недоразумений и огневого контакта между разведподразделениями и другими войсковыми частями и милицией.

5. Руководство подразделениями централизовать.

6. Разведподразделения должны всегда находиться на своей строго очерченной территории.

7. Связь с вышестоящим руководством разведподразделения должны поддерживать исключительно при помощи шифровки.

Начальник разведотдела опергруппы
5-го военного округа подполковник
ЕВЧЕНКО».

Позже тот же подполковник разработал особую инструкцию по организации и методам деятельности разведывательных подразделений оперативной группы:

«Разведывательные подразделения сформировать из наилучших представителей частей дивизии. Обеспечить самыми лучшими унтер-офицерскими и офицерскими кадрами с целью интенсивного обучения. В кратчайший срок подразделения должны начать разведдеятельность на территории.

Вооружить каждое подразделение двумя-тремя ручными пулемётами, 70 % автоматами, 30 % карабинами, гранатами. По возможности обеспечить подразделение радиостанциями короткого радиуса действия. Промежуточные пункты снабжения содержать в строгом секрете. Подразделения обеспечить сухим пайком.

Методы деятельности в разведывательной акции: всеми имеющимися и возможными средствами организовать сотрудничество с органами безопасности и милицией, а также со своими „соседями”. По мере возможности использовать собак, которых с этой целью необходимо получить в гражданской милиции.

Любое встреченное подозрительное или вооружённое лицо должно считаться бандитом. Необходимо в первую очередь попытаться взять его живым, а при отсутствии такой возможности — уничтожить».

Напряжённость в Польше усилилась после убийства боевиками-повстанцами легендарного генерала Кароля

Сверчевского 28 марта 1947 года. «Сверчевский погиб от руки „украинского фашиста”, — тут же откликнулась на смерть героя газета „Жиче Варашва”. — Мы знаем эту руку. Это рука дивизии СС „Галичина” и первой бригады Каминского. Это рука, которая уничтожила 200 тысяч поляков на Волыни, которая убила детей и женщин во время Варшавского восстания…»

Гибель Сверчевского стала катализатором вспышки ненависти к УПА и окончательного разрешения «украинского вопроса». В конце апреля 1947 года была начата операция под кодовым названием «Висла», которая стала финалом трагической широкомасштабной депортации украинцев из Лемковщины, Холмщины и других этнических украинских земель, которые после войны отошли к Польше. Перекрыв границы на востоке и юге Польши, украинские сёла там заблокировались, жителям давалось два часа на сборы, а затем всех строем гнали к железке, откуда переправляли в Освенцим на «фильтрацию».

Потом основную часть подлежащих переселению отправляли на «историческую родину» — в Галичину и на Волынь, а подозреваемых в симпатиях к УПА, священников-униатов, представителей интеллигенции — в лагерь Явошно под Краковом, который при немцах являлся филиалом Освенцима.

— А выселяли нас так, — вспоминал своё детство «польский украинец» Чеслав Поленик. — Село окружили 500–600 жолнёров[21]. Но нас о выселении успели предупредить… Поэтому те, кто не хотел переселяться, убежали в лес… Расскажу анекдот… Как-то советские солдаты пришли к одному деду и говорят: «Езжай на Украину, ты ведь украинец». А дед: «Пойду старуху спрошу». Возвращается из хаты: «Я остаюсь в Польше». — «Почему?» — «В Польше теплее». — «Почему теплее, на Украине климат точно такой же». А дед отвечает: «Нет, с Украины к Сибири ближе»… Мы не хотели ехать на Украину, так как боялись колхозов, Сибири и советского режима… В общем, окружили наше село жолнёры и прежде всего принялись бить…

Всего за три месяца операции «Висла» из западных и северных воеводств Польши совместными усилиями было выселено около 150 тысяч этнических украинцев.

Говоря о «соседях», начальник разведотдела подполковник Евченко имел в виду конкретных «старших товарищей», коллег из Смерша. Вот уж у кого польским контрразведчикам было чему поучиться!

По подсчётам исследователей, зачисткой освобождённых от фашистов западноукраинских районов занималось около 585 тысяч военнослужащих, преимущественно приписанных к НКВД.

Чрезвычайными полномочиями были наделены особые истребительные отряды — «ястребки», группы содействия им и так называемые отряды самообороны, которые формировались из бывших партизан, молодёжи призывного возраста, смышлёных селян, обиженных прежними бандитскими разбоями, и, собственно, самих экс-бандеровцев. Задумка чекистов — уничтожать бандеровцев силами «ястребков», прекрасно ориентировавшихся на местности, знающих повадки боевиков УПА, — оказалась весьма плодотворной.

Нарком внутренних дел НКВД УССР Рясный в спец-донесении на имя Л. П. Берии от 26 июля 1945 года под № 8/156451 «Об организации и результатах работы специальных групп для борьбы с оуновским бандитизмом в западных областях Украины» докладывал о первых успехах:

«Часть бандитов УПА, которые явились с повинной, используют сначала как отдельных агентов-боевиков, а позже в боевых группах особого назначения, названных нами специальными группами. В тех случаях, когда агент-боевик, который влился в банду или в подполье ОУН, не имел возможности физического уничтожения или захвата руководителя-вожака, его задачей становилась дискредитация вожака банды или местного подполья для усиления и активизации разложения банды или местной организации ОУН…

Комплектование спецгрупп при оперативных группах НКВД УССР проводилось по принципу подбора агентов-боевиков, которые были проверены на выполнении заданий по ликвидации оуновского бандитизма (в том числе убийства населения, которое сочувствовало ОУН — УПА). В Ровенской и Волынской областях в состав специальных групп вливались также бывшие партизаны-ковпаковцы, хорошо знающие местные условия, имеющие большой опыт борьбы с оуновским бандитизмом. По своему внешнему виду и вооружению, знанию местных бытовых особенностей и языка и конспиративным способам действий личный состав специальных групп ничем не отличался от бандитов УПА, что вводило в заблуждение аппарат живой связи и вожаков УПА и оуновского подполья.

При угрозе дешифровки или невозможности осуществления захвата определённых по плану вожаков ОУН — УПА участники спецгрупп уничтожают последних, к тому же во многих случаях создавая впечатление, что уничтожение руководителей ОУН — УПА осуществлено бандитами СБ. В состав каждой спецгруппы входит от 3 до 50 и более лиц, в зависимости от легенды и задания… По состоянию на 20 июня 1945 г. всего в западных областях Украины действует 156 спецгрупп с общей численностью

участников в них 1783 человек».

На созванном в Москве экстренном совещании с участием руководства Украинского НКВД союзный министр госбезопасности Виктор Абакумов объявил о начале операции «Берлога», цель которой было полное искоренение бандеровского подполья на западе Украины. Кроме регулярных армейских частей ключевую роль в её проведении должны были сыграть небольшие мобильные группы, каждой из которых придавалось подразделение внутренних войск по 50–70 бойцов. С помощью агентуры эти опергруппы предварительно отслеживали конкретного главаря подпольного отряда, находили его схрон и превращали личную крыивку в могилу.

— У нас нет ни времени, ни желания, ни сил на всякие судебные проволочки, — инструктировал командиров министр. — Живыми врагов не брать. Ну и самим бойцам в плен бандеровцам лучше не попадаться. Ясно?

— Так точно.

Так начался планомерный и безжалостный отстрел главарей бандеровского подполья.

12 февраля 1945 года оперативно-разыскная группа Клеванского райотдела МГБ и 233-й бригады внутренних войск возле хутора Оржив обнаружила на снегу свежие следы и пепелище недавнего костра. Через 5 километров преследователи наткнулись на трёх бандеровцев. Один из них (как оказалось впоследствии — Клячковский (Клим Савур), один из основателей УПА) сразу кинулся бежать, а его «подельники» залегли и прикрыли его огнём. Но в завязавшейся перестрелке они были уничтожены, а командиру группы — молоденькому сержанту удалось снайперским выстрелом из карабина завалить самого Савура.

В декабре того же года советские и чехословацкие спецслужбы выследили и пленили на территории Чехии заместителя Шухевича — Дмитра Грицая (Перебейниса). После короткого допроса его профессионально удавили в пражской тюрьме. Другой заместитель командующего УПА Олекса Гасин (Лыцарь) в январе 1949 года во Львове, недалеко от здания почтамта напоролся на засаду чекистов и был наповал сражён автоматной очередью.

В Подмосковье было организовано несколько баз подготовки кадров для борьбы с западноукраинскими «лесными братьями». По линии территориальных органов МГБ создавалась разветвлённая агентурная сеть. Выдавая себя за дезертиров, мирных жителей, «пострадавших от чекистов и сочувствующих идеям национализма», в редеющие отряды ОУН успешно

внедрялись вчерашние курсанты. Они же под видом боевиков-бандеровцев, совершающих рейды и уходящих от преследований пограничников, вступали в контакт с формированиями УПА и становились «настоящими казаками». Затем, в зависимости от оперативной обстановки, пытались склонить боевиков к прекращению сопротивления, выходу из леса и явкам с повинной. Если это не удавалось, отряд полностью уничтожался.

Мало было физически истребить бандеровцев, не менее важной представлялась задача по дискредитации националистического движения в целом. Мудрецы из агитпропа ЦК ВКП(б) придумали универсальное клеймо для всех членов ОУН — «украинско-немецкие националисты». Первым применил это определение член политбюро ЦК компартии Украины Дмитрий Мануильский. Выступая в начале 1945 года перед учителями освобождённых областей, он перечислил кровных врагов Советской Украины: «наглые тевтонцы, алчные мадьяры, чванливая польская шляхта, татарские орды и турецкие янычары, украинско-немецкие националисты».

Успешно обезглавив подполье, эмгэбэшники почувствовали себя абсолютными хозяевами положения, в полной мере подтвердив наблюдение классика, что любая власть развращает, а абсолютная развращает абсолютно.

В своей докладной записке 15 февраля 1949 года на имя первого секретаря ЦК ВКБ(б)У товарища Н. С. Хрущёва военный прокурор войск МВД Украинского округа полковник Кошарский вынужден был указать на «факты грубого нарушения советской законности в деятельности т. н. спецгрупп МГБ»:

«Министерством госбезопасности Украинской ССР и его управлениями в западных областях Украины в целях выявления вражеского, украинско-националистического подполья широко применяются т. н. спецгруппы, действующие под видом бандитов УПА. Этот весьма острый метод оперативной работы, если бы он применялся умело, по-настоящему конспиративно и чекистски подготовленными людьми, несомненно, способствовал бы скорейшему выкорчёвыванию остатков бандитского подполья. Однако, как показывают факты, грубо-провокационная и неумная работа ряда спецгрупп и допускамые их участниками произвол и насилие над местным населением не только не облегчают борьбу, но, наоборот, усложняют её, подрывают авторитет советской законности и, бесспорно, наносят вред делу социалистического строительства в западных областях Украины.

Например:

— В марте 1948 г. спецгруппа, возглавляемая агентом МГБ Крылатым, дважды посещала дом жителя с. Грицки Дубровицкого

р-на Ровенской обл. Паламарчука Гордея Сергеевича, 62 лет, и, выдавая себя за бандитов УПА, жестоко истязали Паламарчука Г. С. и его дочерей Паламарчук А. Г. и Паламарчук З. Г., обвиняя их в том, что якобы они „выдавали органам МГБ украинских людей”… Подвешивали, вливали им воду в нос и тяжко избивали… На основании полученных таким провокационным путём „материалов” 18 июля 1948 г. Дубровицким РО МГБ Паламарчук З. Г. и Паламарчук А. Г. были арестованы, причём, как заявили арестованные, сотрудники отдела МГБ во время допросов их также избивали и требовали, чтобы они дали показания о связи с бандитами…

— В ночь на 22 июля 1948 г. спецгруппой МГБ из с. Подвысоцкое Козинского р-на Ровенской области был уведён в лес местный житель Котловский Фёдор Леонтьевич, которого участники спецгруппы подвергали пыткам, обвиняя его в том, что у него в доме часто останавливаются работники из числа совпартактива и что он якобы выдавал органам Советской власти бандитов. В результате истязаний Котловский находился на излечении в больнице…

— В ночь на 23 июля 1948 г. этой же спецгруппой из с. Подвысоцкое была уведена в лес гр-ка Репницкая Нина Яковлевна, рожд. 1931 г. В лесу Репницкая была подвергнута пыткам. Допрашивая Репницкую, участники спецгруппы тяжко её избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а потом поочередно изнасиловали. В беспомощном состоянии Репницкая была брошена в лесу, где её нашёл муж и доставил в больницу…

— 10 октября 1948 года Здолбуновским райотделом МГБ Ровенской области был арестован за пособничество бандитам житель хутора Загребля Здолбуновского района Дембицкий Пётр Устинович. Дембицкий обвинялся в том, что по заданию ОУН собирал для них зерно. Расследованием установлено, что в сентябре 1948 года к нему в дом явились вооружённые бандиты и потребовали, чтобы он среди жителей хутора собрал для них 30 центнеров зерна. Боясь репрессий за невыполнение этих требований, Дембицкий обратился к некоторым жителям хутора с просьбой собрать зерно, но в этом ему граждане отказали.

Спустя несколько дней к Дембицкому вновь явилось несколько вооружённых человек и, дав ему время один час, приказали собрать зерно и доставить его в указанное место. Боясь неизвестных, Дембицкий запряг свою лошадь, погрузил на повозку 3 мешка лично ему принадлежащего зерна и повёз их в указанное неизвестными место. Однако неизвестные, как оказалось, участники спецгруппы МГБ, доставили Дембицкого в

райотдел МГБ… После ареста Дембицкого в Военную Прокуратуру явилась его жена, которая среди посетителей вела разговоры о том, что под видом бандитов действовали сотрудники МГБ, запугавшие и спровоцировавшие её мужа…

Не располагая достаточными материалами, т. н. спецгруппы МГБ действуют вслепую, в результате чего жертвой их произвола часто являются лица, непричастные к украинскому бандитскому националистическому подполью… Этот метод работы органов МГБ хорошо известен оуновскому подполью… Не являются также секретом подобные „операционные комбинации" и для тех лиц, над которыми участники спецгрупп чинили насилие… Подобные факты из деятельности спецгрупп МГБ, к сожалению, далеко не единичны… Выступая в роли бандитов УПА, участники спецбоёвок МГБ занимаются антисоветской пропагандой и агитацией, идут по линии искусственного провокационного создания антисоветского националистического подполья… Грабежи, как и другие нарушения советской законности, оправдываются также оперативными соображениями и не только рядовыми работниками МГБ и самим министром тов. Савченко, который в беседе со мной заявил: „Нельзя боёвки посылать в лес с консервами. Их сразу же расшифруют". Таким образом, грабежи местного населения спецбоевиками рассматривают как неизбежное зло, и политические последствия подобных эксцессов явно недооцениваются. Насилия и грабежи, даже сам факт появления в населённом пункте спецбоёвок, действующих под видом банды, как и любое бандитское проявление, действуют на жителей устрашающе и, несомненно, мешают делу социалистического строительства в Западных областях УССР, создают у некоторой части населения ложное мнение о том, что бандитское подполье ещё сильно, что его следует бояться и т. п.

…Примеры из деятельности спецгрупп, повлёкших преступные результаты, можно бы было продолжить, но материалы, которыми располагает Военная прокуратура, конечно, не исчерпывают всех случаев нарушения советской законности, допускаемых спецгруппами… Не каждый случай нарушения советской законности находит своё отражение в следственных делах и расследуется. Мне кажется, что большинство фактов именно не расследуется. Больше того, если Военная прокуратура и ставит перед МГБ УССР вопросы о наказании преступников… то со стороны МГБ… выискиваются не столько доказательства преступной деятельности лиц, грубо нарушивших закон, сколько различные поводы для того, чтобы „опровергнуть" факты… и заволокитить следствие…

Органы МГБ под руководством партии проводят огромную

работу по искоренению остатков украинско-националистического бандитского подполья, в борьбе с которым хороши все средства и нужны хитрость и изворотливость. Но нарушения партийных и советских законов недопустимо, на что Вы, Никита Сергеевич, неоднократно указывали. Поэтому, как коммунист, для которого партийные решения являются незыблемым законом жизни, я считаю своим долгом о приведённых выше фактах доложить Вам».

Впрочем, уже через год после обращения окружного военного прокурора к Хрущёву, в марте 1950 года, союзный министр внутренних дел Круглов браво рапортовал заместителю председателя Совета министров СССР Л. П. Берии о достигнутых успехах, а также излагал свои соображения на перспективу:

«…По решению правительства СССР с 1944 года органами МВД и МГБ проводится выселение из западных областей Украины в отдалённые районы страны… Направление на спецпереселение оуновцев проводилось в 1944–1946 гг. по решению Особого Совещания при НКВД СССР сроком на 5 лет, а в 1947–1949 гг. — по решению Особого Совещания при МГБ СССР сроком на 8—10 лет и на бессрочное поселение. По состоянию на 1.01.1949 г. всего на спецпоселении находится 112 633 чел. членов семей активных оуновцев, из них выселенных в 1944–1946 гг. сроком на 5 лет 24 730 чел., выселенных в 1947–1949 гг. сроком на 8—10 лет и на бессрочное поселение 87 903 чел. Некоторым из указанных лиц, выселенным в 1944–1945 гг., срок поселения окончится в конце 1949 г. или истекает в 1950 г.

Министерство внутренних дел СССР, исходя из нецелесообразности возвращения их к месту прежнего жительства и в целях укрепления режима в местах поселения членов семей оуновцев, считает необходимым: отменить сроки выселения членов семей украинских националистов, бандитов и бандпособников и установить, что они переселены в отдалённые районы СССР навечно и возвращению в места прежнего жительства не подлежат; распространить на этих лиц действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 ноября 1948 г. „Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны”. За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения виновных привлекать к уголовной ответственности и определить меру наказания за это преступление 20 лет каторжных работ.

Проект постановления СМ прилагаю».

«Победоносное шествие советской власти» в этих краях всё же шло со скрипом. 23 мая 1953 года Президиум ЦК КПСС (уже

возглавляемый Н. С. Хрущёвым) в своём постановлении «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР» признавал перегибы и недоработки:

«Из 311 руководящих работников областных, городских и районных партийных органов западных областей Украины только 18 человек из западноукраинского населения.

Особенно болезненно воспринимается населением Западной Украины огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции. Например: из 1718 профессоров и преподавателей 12 высших учебных заведений города Львова к числу западноукраинской интеллигенции принадлежат только 320 человек, в числе директоров этих высших учебных заведений нет ни одного уроженца Западной Украины, а в числе 25 заместителей директоров только один является западным украинцем.

Нужно признать ненормальным явлением преподавание подавляющего большинства дисциплин в высших учебных заведениях Западной Украины на русском языке. Например, во Львовском торгово-экономическом институте все 56 дисциплин преподаются на русском языке, а в лесотехническом институте из 41 дисциплины на украинском языке преподаются только 4. Аналогичное положение имеет место в сельскохозяйственном, педагогическом и полиграфическом институтах г. Львова. Это говорит о том, что ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей не понимают всей важности сохранения и использования кадров западноукраинской интеллигенции. Фактически перевод преподавания в западноукраинских вузах на русский язык широко используют враждебные элементы, называя это мероприятие политикой русификации…»

С весны 1947 года УПА — «армия без державы» — начинает совершать регулярные рейды на Чехословакию. Вчерашние повстанцы стремились напомнить о себе, продемонстрировать Западной Европе, что в Советском Союзе по-прежнему жива и действует вооружённая, хорошо организованная оппозиция. С помощью вооружённых стычек, мирных массовых акций, лавины листовок «вояки» заставили писать об «украинском вопросе» мировую прессу.

Для участников таких походов была разработана особая тактика, благодаря которой рейдовые бригады умело обводили вокруг пальца армии трёх государств. По бандеровским подразделениям рассылались «Краткие указания идущим в рейд на Словакию».

В них уточнялись мельчайшие детали, начиная от

обмундирования и кончая снаряжением, которые должны быть «по возможности как можно более презентабельными». Оптимальная численность бойцов подобных «бригад» не должна была превышать сорока человек. Им легче будет перемещаться по территории, занятой противником, избегая кровопролитных боёв, а при необходимости — раствориться и «лечь на дно». Ежедневные переходы не должны были превышать 15 километров, но порой обстоятельства вынуждали увеличивать эти расстояния и до полусотни километров в день.

Рекомендовались к применению различные военные хитрости и уловки.

— Группа сотника Владимира Щигельского намеренно оставляла такие следы, как будто бы шло всего три человека, — рассказывал чешский контрразведчик Вацлав Славик. — Ночью, босые, они проскальзывали сквозь наше расположение группой длинной змеёй, держась за руки и при необходимости поворачиваясь вправо или влево или двигаясь назад, извиваясь, как гадюка. Если боя всё же не удавалось избежать, подразделение УПА внезапно нападало на противника, не позволяя ему занять более выгодную позицию. При этом схватка длилась всего несколько минут… Затем повстанцы собирали трофеи и быстро отходили. Сталкиваясь с противником, превосходящим их по численности, боевики занимали круговую оборону, усиливая фланги пулемётами, что обеспечивало условия постепенного отхода. Стреляли мощными залпами, сопровождая пальбу дикими криками, что нередко превращалось в психическую атаку.

Врываясь в словацкие сёла, уповцы мгновенно выставляли на околицах боевое охранение. Главу местного народного собрания вежливо заставляли созвать народ на площадь выслушать повстанческих ораторов. Согласно «Кратким указаниям», «массовая разъяснительная акция (листовки, корреспонденция, митинги, индивидуальные беседы и т. д.)… должна проводиться в соответствии с жёсткой директивой: приходим к Вам не как враги, а как гости и приятели для таких и таких-то целей…»

Рейдовики «работали» в сёлах, как правило, с пяти вечера до часу ночи. Успевали многое — и митинг провести, и харчи собрать, и отправить «разъяснительные» письма влиятельным зарубежным государственным чиновникам и частным лицам.

Одно из них, например, было адресовано президенту Чехословакии Эдварду Бенешу:

«Сообщаем Вам, Пан Президент, что мы, украинские повстанцы, пришли на Ваши земли. Пришли не как враги, но как

гости. Несём Вашему народу и населению Вашего государства слова правды.

Вас, Пан Президент, уже наверняка информировали о нашем приходе, но те сообщения, вероятно, не были правдивыми. Знайте, что нас изображают в самых тёмных красках. Мы с нашим народом боремся только за нашу свободу. При этом не претендуем на чужие земли. Общечеловеческие моральные принципы гласят: каждый народ, который борется за своё освобождение из-под чужого ярма, поступает честно, благородно и в соответствии с правом. История не осуждает и не проклинает народы, которые боролись за своё освобождение, а, наоборот, воздаёт им должное за эти благородные деяния… УПА является сегодня не только самой большой партизанской армией в Европе, но, прежде всего, революционно-освободительной армией антибольшевистского фронта, который борется и за волю украинского народа, и за свободу всех народов и всего человечества, угнетаемого и заражённого большевизмом.

УПА — это армия, которая становится знаменем освободительной борьбы всех угнетённых большевиками народов. Нас — украинских повстанцев и весь наш народ не останавливает то, что война в мировых масштабах окончилась и враг все свои силы бросил против нас. За свои святые права и правду будем бороться до последнего вздоха. Не откажемся от борьбы даже в том случае, если против нас восстанет целый мир. С сочувствием относимся к народам, одурманенным большевизмом. Эта действительность укрепляет веру в нас, что наши идеалы святы и наш путь и методы нашей борьбы единственно верны и являются залогом нашей победы.

Верим, что Вы, Пан Президент, принадлежите к тем политическим деятелям, которые правильно оценивают политическую ситуацию. Надеемся, что Вы, Пан Президент, и Ваш народ должным образом отнесётесь к нашему освободительному фронту.

Позвольте, Пан Президент, передать Вам наши приветствия.

С глубоким уважением — *Украинские повстанцы».*

Предлагать жителям пригласить рейдовиков подзаправиться чем Бог послал было излишним, а вот следовать «указаниям» о необходимости «петь наши революционные песни» пропагандисты считали обязательным напомнить. После хоровых песнопений рейдовые бригады могли следовать по своему маршруту. Им рекомендовалось «появляться, как метеор, выполнять задачу и исчезать».

Надо признать, что в Словакии участники рейдов

пользовались симпатией. Доходило до курьёзов: сотник Громенко даже вынужден был отказывать местным жителям, которые пожелали присоединиться к его отряду. Но в Чехии его отряд напоролся на открытый отпор. От преследователей бойцам Громенко всё же удалось оторваться и через австрийскую границу проникнуть на германскую территорию, которая контролировалась американцами.

11 сентября в 8.30 сотня торжественно сложила оружие в расположении 8-го констабулярного корпуса оккупационных войск США, став первым повстанческим отрядом, которому удалось пробиться за железный занавес.

В ожидании «чумы»

В 1947 году командующий УПА Шухевич передал западной прессе заявление, в котором он обрушился с резкой критикой на несознательную часть украинской эмиграции:

«Эмигрантские круги, используя внепартийность УПА, пытаются отрицать ту огромную организующую роль ОУН, руководимую Степаном Бандерой…

В связи с этим главное командование УПА заявляет:

Украинская Повстанческая Армия возникла из боевых групп ОУН (руководимых С. Бандерой) в условиях ожесточённой борьбы украинского народа против гитлеровских захватчиков… УПА стала показательной общенациональной вооружённой силой… УПА внепартийна. В ней сражаются все, кому дорого дело Независимой Украинской Державы… Но одновременно с этим УПА целиком признаёт огромный вклад, который внесла ОУН, руководимая Степаном Бандерой, в создание, укрепление и развитие УПА. ОУН заложила основы УПА, она укрепила её своими высокоидейными кадрами (члены ОУН составляют 50 % всего состава УПА), она отстояла её политически от нападок как со стороны оппортунистического лагеря, так и со стороны национальных врагов Украины, она приложила наибольшие усилия для успешного развития УПА и прилагает сегодня в рамках Украинской Главной Освободительной Рады…»

На руинах поверженной Германии лидерам ОУН пришлось слёзно каяться в своей политической слепоте, признавать, что совершили роковую ошибку, связавшись с гитлеровцами как политическими банкротами, вместо того чтобы ориентироваться на более серьёзные силы.

Ещё в 1945 году Мыкола Лебедь, находясь в Италии, вошёл в контакт с представителями американской разведки. Параллельно велись переговоры с американцами в швейцарском Цюрихе. В июле 1945 года представители ОУН дважды побывали на приёме у командующего оккупационными войсками в Западной Германии Дуайта Эйзенхауэра.

Лебедь рассказывал о некоторых нюансах «тайной дипломатии»: «Уповцам обещали поддержку, намекали на грядущую войну американцев и англичан против СССР, предлагали продолжать партизанскую войну на Украине, которую англо-американский альянс поддержит. Так и произошло. Забрасывались десанты подготовленной молодёжи для участия в диверсионных акциях и действиях против советской армии… Но, к сожалению, эти диверсионные группы в основном приземлялись

прямо в ловушки энкаведистов, потому что известный советский агент в английской разведке Ким Филби точно информировал их о намерениях националистических украинских групп. Англия и США хотели ослабить Сталина и поэтому поддерживали украинских партизан, но на войну не отважились, хотя вроде бы и собирались…»

Сам Филби в своих мемуарах «Моя тихая война» осторожно вспоминал:

«Разногласия относительно Украины были… давними и такими же непримиримыми. Ещё до войны СИС поддерживала контакт со Степаном Бандерой… После войны это сотрудничество получило дальнейшее развитие. Но беда заключалась в том, что, хотя Бандера и был заметной фигурой в эмиграции, его утверждения о наличии множества сторонников в Советском Союзе никогда серьёзно не проверялись, разве что в негативном смысле, поскольку от них ничего не поступало. Первая группа агентов, которую англичане снабдили радиопередатчиком и другими тайными средствами связи, была направлена на Украину в 1949 году и… исчезла. В следующем году послали ещё две группы, но о них также не было ни слуху ни духу. Тем временем американцы начали серьёзно сомневаться относительно полезности Бандеры Западу, а провал засланных англичанами групп, естественно, не рассеивал их сомнений… Правда, ЦРУ заявляло, что зимой 1949/50 года оно приняло несколько курьеров с Украины… В 1951 году ЦРУ всё ещё надеялось послать на Украину своего „политического” представителя с тремя помощниками для установления контакта с „движением сопротивления”…

Стремясь к преодолению англо-американских разногласий по поводу Украины, ЦРУ настаивало на проведении широкой конференции с СИС в апреле 1951 года. К моему удивлению, английская сторона заняла твёрдую позицию и наотрез отказалась выбрасывать Бандеру за борт… В течение месяца англичане забросили 3 группы по 6 человек. Самолёты отправлялись с аэродрома на Кипре. Одна группа была сброшена на полпути между Львовом и Тернополем, другая — неподалеку от верховий Прута, вблизи Коломыи, и третья — в пределах Польши, около истоков Сяна. Чтобы избежать дублирования и перекрытия районов, англичане и американцы обменивались точной информацией относительно времени и географических координат своих операций. Не знаю, что случилось с этими группами…»

Англичане же помогали Бандере в техническом обеспечении пропагандистской работы. Труды Проводника, размножаемые

прежде на примитивном ротапринте в Праге, с конца 1940-х годов стали печататься на современном полиграфическом оборудовании в одной из лондонских типографий.

В ожидании «чумы» (так именовалась в документах ОУН неминуемая война Соединённых Штатов против СССР) стратеги Организации дни и ночи проводили, разрабатывая грандиозные планы грядущих сражений. При этом даже их нередко ставили в тупик и изумляли некоторые фантастические предложения Бандеры. Кадровый офицер Пётр Николаенко (Байда) вспоминал, как Степан Андреевич на полном серьёзе поручил ему заняться рекогносцировкой и оснащением украинского партизанского отряда в баварских лесах на случай столкновений армии США с частями советской армии. «Как могло случиться, что человек, имя которого стало знаменем освободительной борьбы последнего времени, — недоумевал и возмущался Николаенко, — не понимал того, что „партизанка" возможна только среди родного народа, который помогает и сотрудничает в вооруженной борьбе?!»

* * *

Без интриг Степану Андреевичу было трудно. В апреле 1948 года, изображая безмерную усталость от пустопорожних дискуссий, свар и нападок в свой адрес, Бандера объявил о том, что подаёт в отставку и собирается вернуться на Украину, чтобы лично возглавить подпольную освободительную борьбу. Бразды правления ОУН он предложил передать своему верному оруженосцу Мыколе Лебедю. Последний, посовещавшись, сказал решительное «нет», на чём и строился расчёт Бандеры. Уже летом того же года в Миттенвальде участники чрезвычайной конференции 34 ОУН единогласно голосуют против того, чтобы Проводник оставлял свой пост и уж тем более отправлялся на Украину. Степан Андреевич дисциплинированно подчинился решению большинства.

Одновременно по его предложению вносят коррективы в тактику сопротивления на Украине. Отныне боевики, уходя от прямых столкновений с крупными частями внутренних войск и пограничниками, в основном должны были сосредоточиться на диверсионно-террористических акциях:

«1…а) сельскую администрацию из русских (с востока) — председателей сельсоветов, секретарей и т. д., председателей колхозов — расстреливать; б) сельскую администрацию из украинцев (с востока) — после предупреждения с требованием

убраться за двое суток, в случае непослушания — расстреливать.

2. В ответ на высылку семей в Сибирь организовать следующие акции: а) расстреливать русских из районной администрации, партийцев, комсомольцев — невзирая на национальность; б) выгонять из сёл учителей, врачей (с востока). Украинцев изгонять после предупреждения, чтобы в течение 48 часов выбрались. Не исполнят — расстреливать; в) не допустить, чтобы на места вывезенных в Сибирь семей селились москали, если всё-таки осядут — сжигать хаты, а москалей — расстреливать; г) подрывать курьерские поезда.

Эти акции (п. 1 и 2) начать 5 августа, а закончить как можно быстрее».

Прилежный ученик Бандеры Петро Полтава тогда же разработал «Заповеди подпольной газеты»:

«Я, Твой доверенный друг, который в условиях сталинско-большевистской действительности приходит к Тебе сказать слово правды, рассказать об Украине, посоветовать, что тебе необходимо делать и как лучше бороться за лучшую долю. Не бойся меня, потому что я о Тебе никому не скажу, но помни:

за издание и распространение меня Твои друзья кладут свои головы, и поэтому береги меня как зеницу ока;

читай меня осторожно — в поле или в помещении при закрытых дверях и окнах, тихо, шёпотом, чтобы враг не видел и дурак не слышал;

читай быстро и передавай другому, потому что меня ждут тысячи таких, как Ты…;

из дома — в дом, из рук — в руки; передавай меня только тем, кому доверяешь и кто, как и Ты, после прочтения передаст меня другим;

уничтожить меня можно лишь тогда, когда враг наступает и спрятать меня нет времени, иначе береги меня, потому что я иду будить народ на великое революционное дело — строить Украинскую Самостоятельную Соборную Державу».

Покаявшимся боевикам обещали амнистию. Кое-кто верил обещанию, только напрасно: дорога к Богу шла через ГУЛАГ.

В лагерях осуждённые бандеровцы держались особняком, поддерживая друг друга. Некоторые историки ОУН утверждают, что именно благодаря этой сплочённости удалось сломать царившее в лагерях всевластие криминальных авторитетов, безнаказанно измывавшихся над «политическими». При этом ссылаются на Александра Солженицына, который не скрывал своих симпатий к «западенцам»: «Для всего этого движения они всюду сделали очень много и сдвинули воз… Молодые, сильные

ребята, взятые просто с партизанской тропы, они… рассмотрели, ужаснулись этой спячкой рабства — и потянулись к ножу…»

Впрочем, он видел и другое. Когда в солженицынском лагере случилась забастовка, как раз именно бандеровцы стали штрейкбрехерами, боясь за свою судьбу: «За китайской стеной 2-й лагпункт, украинский, не поддержал нас. И вчера, и сегодня украинцы выходили на работу как ни в чём не бывало… Они нас не поддержали… (Как мы узнали потом, молодые парни, их вожаки, ещё не искушённые в политике, рассудили, что у Украины — судьба своя, от москалей отдельная…)»

Казалось бы, какое дело неистовому русофилу Александру Солженицыну до украинского национализма? Но в своём «Архипелаге ГУЛАГ» он немало страниц отдаёт именно национальному вопросу и вечным распрям между украинцами и россиянами:

«Мы давно не говорим „украинские националисты”, мы говорим только „бандеровцы”, и это слово стало у нас настолько ругательным, что никто и не думает разбираться в сути. (Ещё говорим „бандиты” по тому усвоенному нами правилу, что все в мире, кто убивает за нас, — „партизаны”, а все, кто убивает нас, — „бандиты”…)

А суть та, что хотя когда-то, в Киевский период, мы составляли единый народ, но с тех пор его разорвало, и веками мы шли врозь, и шли врозь наши жизни, привычки, языки. Так называемое „воссоединение” было очень трудной, хотя, может быть, и искренней чьей-то попыткой вернуться к прежнему братству. Но плохо мы потратили три века с тех пор…»

Особую вину в этом писатель возлагает, само собой, на большевиков, которые после революции «15–20 лет потом усиленно и даже с нажимом играли на украинской мове и внушали братьям, что они совершенно независимы и могут от нас отделиться, когда угодно. Но как только они захотели это сделать в конце войны, их объявили „бандеровцами”, стали ловить, пытать, казнить и отправлять в лагеря. (А бандеровцы, как и петлюровцы, — это всё те же украинцы, которые не хотят чужой власти. Узнав, что Гитлер не несёт им обещанной свободы, они и против Гитлера воевали всю войну, но мы об этом молчим, это так же невыгодно нам, как и Варшавское восстание 1944 года.)»

По неофициальной переписи «населения ГУЛАГа», чуть ли не каждый второй его житель «в послевоенные годы был украинцем. Или, по крайней мере, каждый четвёртый. Скажем, среди политзаключённых особого лагеря № 1 (Минерального) Инта-Абезь в 1948–1955 годах национальный состав был таков: зэки-русские составляли 12,5 % списочного состава, 11,1 % —

литовцы, 4,7 % — эстонцы, 4,4 % — белорусы, 4,2 % — латыши… Но 28,5 % (!) заключённых являлись бандеровцами». Во всяком случае, таковыми они считались в лагере.

Но всё казалось мало. На заседании политбюро ЦК уже известный нам товарищ Мануильский требовал направить максимум работников МГБ во все колхозы западных областей, а повинившихся участников подполья переселять подальше, в восточные регионы страны. Секретарь ЦК Алексей Кириченко был настроен куда решительнее:

— Следует издать новый приказ МГБ и ещё раз предупредить тех, кто не вышел из подполья. Установить срок. Было бы необходимым провести ряд открытых процессов во всех областях. Побольше приговорить к расстрелу.

Ему вторил глава украинского правительства Демьян Коротченко, отдавая прямую команду судьям: «Проводить открытые процессы, выносить суровые приговоры. Часть бандитов расстреливать!..»

Охотясь за Романом Шухевичем, МГБ обошлось и без открытых процессов, и без суровых приговоров. После сообщения о его гибели в Белогорще под Львовом мартовским вечером 1950 года Степан Андреевич долго сидел за письменным столом, правя текст некролога.

«Со светлой памятью о Нём, всматриваясь в Его героический облик борца и руководителя освободительного движения, вдохновлённые Его отвагой, до конца преданного идее освобождения украинского народа, — мы будем дальше мужественно вести нашу священную освободительную борьбу до полной победы. Не сложим наше оружие и не прекратим нашей борьбы до тех пор, пока Украина не станет свободной. Вечная память Герою Украинской Национальной Революции!»

Раздосадованный резким снижением интереса к ОУН в Европе, Степан Андреевич решил напомнить о себе, инициировав встречу с представителями западной прессы. Кроме того, ему хотелось поставить все точки над і и публично продемонстрировать соратникам, кто в доме хозяин. Вспомнив былые навыки, он взял на себя режиссуру будущей пресс-конференции.

Правда, гонцы, навещавшие редакции крупнейших изданий, возвращались на базу с виноватым видом и, пряча глаза, не осмеливались слово в слово цитировать ленивых обуржуазившихся журналистов, которые, принимая приглашение на мероприятие, вопрошали: «А кто такой Бандера?»

— Вы что, — негодовал обескураженный Степан Андреевич, — не знаете, что эти писаки могут клюнуть только на информацию «с перчиком»? Недоумки! Побольше интриги, доверительности, мол, только для вас… Встреча совершенно конфиденциальна, секретна, состоится в одном из пригородов Мюнхена, точный адрес и время проведения в данный момент сообщать пока не имеем права — это небезопасно для Проводника, за которым охотится весь Комитет госбезопасности СССР. Он живёт под чужим именем, с постоянной охраной вооружённых старшин УПА… О конкретной дате вас проинформируют дополнительно, на место доставят… Ну и так далее… Всему приходится учить!

В итоге несколько западных журналистов таки клюнули. Представителей эмигрантских изданий, разумеется, уговаривать не пришлось.

В условленный день — 30 марта 1950 года — по пути следования авто с газетчиками несколько раз останавливали сурового вида мужчины, проверяя документы и указывая дальнейший маршрут движения.

Затем собранных в небольшом помещении какое-то время заставили потомиться в ожидании, пока из боковой двери не появился Бандера с охраной за спиной. Поприветствовав журналистов, Проводник сказал, что, идя навстречу многочисленным пожеланиям представителей зарубежной прессы, он собирается дать им полную информацию и обрисовать всю картину современного освободительного движения на Украине.

Очерёдность вопросов Бандера заблаговременно определил сам, не полагаясь на подручных.

— Каково ваше официальное положение?

— Председатель Провода Организации украинских националистов.

— Каковы цели ОУН?

— Освобождение Украины, свержение порабощённого положения Украины большевистской Россией, построение самостоятельного Украинского государства на украинской этнографической территории, уничтожение российского империализма, раздел СССР на самостоятельные национальные государства всех угнетенных Москвой народов.

— Каким образом вы стремитесь достичь своих целей?

— Революционной, вооружённо-политической борьбой всего украинского народа в общем антибольшевистском фронте с другими угнетёнными народами.

— Когда, по вашему мнению, СССР развяжет войну с

Америкой?

Зная нравы журналистской братии, сразу после пресс-конференции Степан Андреевич пригласил всех на фуршет в соседний зал. Стол был более чем скромен. Бандера даже принёс извинения гостям:

— Не обессудьте, господа. Наши возможности весьма ограниченны. Тем не менее прошу…

А про себя думал: «Ещё нажрутся как свиньи, позабудут, о чём шла речь».

К сожалению, немецкие газеты обошлись скупыми заметками о состоявшемся мероприятии, совершенно проигнорировав пространный пресс-релиз, на составление которого Степан Андреевич убил столько времени! В основном внимание немецких журналистов привлекала атмосфера таинственности, в которой происходила встреча, усиленная охрана, строгий контроль, но более всего — амбициозность «лидера украинской эмиграции Степана Бандеры». Спасибо, хоть фамилию не переврали. Хорошо ещё, что украинские эмигрантские газеты дали более или менее полный отчёт о конференции, некоторые даже процитировали заключительные слова Проводника: «Современная политика и тактика западных держав против СССР имеют немало недостатков, которые вредят борьбе против большевистского нашествия на весь мир. Отмежевание большевизма от российского империализма неправильно… Сегодня все самостоятельные революционные силы объединяются в антибольшевистском блоке народов, создают общий фронт освободительной борьбы. В АБН входят освободительные движения таких народов: азербайджанцы, белорусы, болгары, грузины, эстонцы, идель-уральцы[22], казаки, литовцы, латыши, мадьяры, румыны, сербы, словаки, туркестанцы, украинцы, чехи, хорваты. Почему нет поляков? Потому что польские политические силы за границей выражают своё несогласие с принципом самостоятельности национальных государств в этнографических границах, которые приняли все народы АБН. Они хотят присоединить к Польше части украинских, белорусских, литовских земель и др.»

Бог с ними. И то ладно.

Сентябрь 1962

…В среду — в традиционный день оперативных свиданий — «капитан Ситниковский» огорошил Богдана необычным заданием:

— Ты, разумеется, слышал об убийстве Галана?[23]

— Ну а как же?! Конечно! Кто об этом не слыхал? Вся Украина шумела, газеты писали. У нас в институте только об этом и говорили…

— Так вот, у нас появились сведения, что одного из предполагаемых организаторов убийства знает приятель твоей сестры.

— Так ведь это когда было, ещё в 49-м, по-моему.

— Ну и что? Не все виновные ещё найдены. А убийство, чтоб ты знал, срока давности не имеет… Короче, тебе надо будет поближе сойтись с этим парнем, выдать себя за своего, войти в доверие. Понял?

— Понял.

— Ни черта ты не понял. В общем, делаем так. Хахаль твоей сестры входит в «лесную группу»…

«Ситниковский знал связных и все подробности. Он знал, что эта группа действует, — показывал на суде Карлсруэ Богдан. — В общем, я должен был к ней присоединиться… Ситниковский сказал мне, что если я это сделаю, то очищусь от всех своих прежних грехов и помогу спасти своих родителей…

По плану я должен был создать видимость, будто мне угрожает арест и мне ничего не остается, кроме как уйти в подполье… Я выехал из Львова домой и сказал, что меня ищут. Моя сестра… была связана с этой группой, она написала руководителю группы записку, и он решил, что мы должны поговорить. Тем же вечером мы с ним встретились. Он принёс с собой оружие…

Потом он рассказал мне об этом деле (убийстве Галана), сообщил подробности… Фамилия боевика была Стахур… Один приятель Стахура, львовский студент, занимался литературной работой и часто общался с писателем Галаном в его квартире… Стахур получил приказ убить Галана… Во время разговора Галана попросили закрыть окно, и, когда он встал и повернулся к ним спиной, Стахур достал топор и ударил Галана. В кухне придушили хозяйку… Об этом я узнал уже в мае… При первом удобном случае я покинул подпольную группу и уехал во Львов. Я встретился с Ситниковским и рассказал ему обо всём, что узнал…

Весной 1951 года я бросил учёбу, поссорился со своей роднёй и не мог уже вернуться в село… После я был принят на работу в

Службу госбезопасности, меня считали уже постоянным сотрудником, и я получал зарплату… Около 800 или 900 рублей…»

С пединститутом, конечно, пришлось распрощаться. В течение целого года в составе особой группы Богдан ежемесячно отправлялся в так называемые «служебные поездки» на проведение операций под названием «вертушки».

«Это такая спецоперация, чтобы дать подозреваемому проявить себя, — рассказывал бывалый оперативник, полковник Перекрест. — Везут задержанных, по дороге под видом бандеровцев на конвой „нападают” наши же сотрудники, знающие украинский язык. Разыгрывали натурально — внезапно, жёстко. Для достоверности могли конвоиру и прикладом врезать. А подозреваемых везут не в наручниках и не связанными. Нападающие делают вид, что всех воспринимают как одну компанию: „Ага, попались, москалики!” Наши молчат, готовясь достойно встретить „последний час”, а те бьют себя в грудь: „Так мы ж свои, хлопцы!” А хлопцы не верят: „А у кого работал? А какой он из себя? В каких операциях с ним участвовал? А кто про тебя сказать может? Ну ладно, живи пока”. Или водили по лесу: ну-ка, если ты наш, должен знать схроны. Не знаешь — значит, опер, а ну „до гилляки”! Это значит: „на ветку”, повесить. Те ещё выпаливают фамилии, адреса, о делах своих рассказывают. Потом имитировали расстрел „краснопогонников”, так они называли военнослужащих НКВД, и… в лес. А через какое-то время нарываются на наш патруль. Стрельба, погоня, и пленный снова попадает к „москалям”. Только знают о нём уже гораздо больше. Очень тонкая игра. Там у нас был свой „момент истины”…»

Именно тогда Сташинский твёрдо и навсегда осознал, что ему, сильному, уверенному в себе и своей правоте чекисту, позволено гораздо больше, чем слабому и бестолковому.

Потом настало время учёбы в Киевской спецшколе МГБ. Подготовка велась качественная, гоняли курсантов по 16 часов кряду, с краткими перерывами на перекур и приём пищи. По особой методике шло усиленное изучение немецкого языка. Польским Сташинский, слава богу, прекрасно владел ещё с детства.

Много времени и сил уходило на физическую подготовку. Утомительные, выматывающие до дрожи в коленях кроссы, борьба, гимнастика, плавание, приёмы рукопашного боя, работа на снарядах, с гантелями, штангой. Курсантов обучали вождению мотоцикла и автомашин разных марок, фотоделу, картографии, организации крыивок и тайников. Много времени проводили в

тире, упражняясь с различными видами стрелкового оружия, овладели даже стрельбой из лука и арбалета. Отдельные занятия посвящались приёмам обращения с холодным оружием.

— Держи рукоять твёрже, — требовал инструктор, — чувствуй траекторию движения ножа… Бей коротко, без замаха. Дави вниз, проворачивай лезвие в теле круговым движением. Тогда внутренняя рана будет в несколько раз больше наружной. Ну, давай! Бей в муляж!

И он бил. Раз, другой, сотый. Пока не вырабатывался автоматизм движений. Чтобы не думать, как проворачивать нож, не искать место, куда воткнуть клинок. Куда-куда?! В сердце!

Лишь много позже Сташинский наконец понял, *кого* из них на самом деле готовили — убийц, профессиональных убийц.

Внешне он как будто не менялся. Походка, мимика, поведение оставались прежними. Но всё-таки незаметно для себя он становился другим. Более осмотрительным в общении, внимательным к мелочам, подозрительным, осторожным, в нестандартных ситуациях доверявшим интуиции, внутреннему чутью. Он хорошо усвоил истину, что глаза видят больше, чем мы осознаем, что уши слышат больше, чем нам кажется. Это называется шестым чувством. Если ты ощутил напряжённость, неясное беспокойство, соберись, приготовься к атаке. Интуиция — не мистика.

Ты должен стать своим в любой компании, в любой среде, среди работяг и среди этой вшивой интеллигенции, уметь обхаживать женщин, нравиться им.

Ты — не «мясо». Ты предназначен для выполнения строго конфиденциальных, государственной важности заданий. Но говорить о них пока рано. «Я сам о них ничего не знаю, — признавался инструктор, — и не узнаю, да мне это и без надобности. Придёт время — сам всё узнаешь. А пока учись и лишних, ненужных вопросов никому не задавай — всё равно на них никто отвечать не будет».

Особо увлекательными оказались лекции о терроризме. Преподаватели начинали с истории вопроса. Оказывается, ещё в I веке нашей эры в Иудее действовала секта сикариев (сикой был кинжал или короткий меч), которая занималась целенаправленным уничтожением представителей еврейской знати, сотрудничавшей с римлянами. Фома Аквинский и отцы христианской церкви допускали идею убийства правителя, враждебного, по их мнению, народу.

В 1848 году немецкий радикал Карл Гейнцен доказывал, что запрет убийства недопустим в политической борьбе и что физическая ликвидация людей может быть оправданна исходя из

«высших интересов» человечества. Гейнцен считал, что силе и дисциплине реакционных войск нужно противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей может создать максимальный хаос. Он, по сути, был отцом так называемой «философии бомбы».

За эту идею цепко ухватился и развил в «теорию разрушения» россиянин Михаил Бакунин. В своих работах он отстаивал мысль о признании лишь одного — разрушения и в качестве средств борьбы предлагал яд, нож и верёвку. Революционеры, считал Бакунин, должны быть глухи к стенаниям обречённых и не идти ни на какие компромиссы. Доктрина «пропаганды действием» была выдвинута анархистами в 70-х годах XIX века. Не слова, а только теракты могут побудить массы к оказанию давления на правительство. Эта же мысль позднее будет проходить красной нитью и в работах Кропоткина, где он определял анархизм как «постоянное возбуждение с помощью слова устного и письменного, ножа, винтовки и динамита». К концу XIX века особая роль в пропаганде террора в Европе и Америке перешла к Иоганну Мосту, который проповедовал «варварские средства борьбы с варварской системой».

До Первой мировой войны терроризм считался уделом левых. В XX веке террор был возвышен на государственный уровень. Вне зависимости от провозглашённого строя. При этом вовсе не обязательно использовать огнестрельное или холодное оружие. Во все времена люди успешно травили своих врагов и соперников. В некоторых случаях это средство было куда более эффективным, не оставляющим явных следов.

Преподаватели школы, разумеется, не вдавались в историю применения боевых отравляющих веществ (БОВ) органами НКВД. Лишь вскользь упоминали, что первая токсикологическая лаборатория была создана ещё в 1921 году по личному заданию Ленина. В основном речь шла о свойствах различных ядов, тех самых БОВ.

«Главное, — вдалбливали Богдану премудрые учителя, — пойми, что терроризм — это не выстрелы, не взрывы, не яды. Но и они, конечно, тоже. Это — инструмент. Инструмент войны в политической игре. Такой же, как и все прочие инструменты. Как плоскогубцы или молоток. Как лопата. Или ледоруб (хотя нет, про ледоруб — не надо, забудь, это случайно на язык попало). Усвой: инструмент никогда не виновен. Разве можно таить обиду на молоток, которым неумелый хозяин шандарахнул кого-то по пальцу? Виновен тот, кто держал в руках этот инструмент…»

Интересно проходили занятия по изучению архитектурных, ландшафтных, исторических, географических, климатических и

прочих особенностей крупных немецких городов. Карты, местные газеты, фотоснимки, кинохроника, книги, увлекательные рассказы лекторов. Всё это пригодилось во время зачёта, когда Богдану попалось довольно сложное задание по ориентации в Мюнхене и Кёльне…

Получив «диплом» высококвалифицированного специалиста, Сташинский оказался в жестокой западне. Что возможно было предпринять в этих тисках? Подобно лисе, угодившей в капкан, отгрызть себе лапу и бежать без оглядки в никуда? Или смириться с пожизненным свирепым пленом? Третий вариант был прозрачно ясен и неотвратим, как гильотина: твоя собственная смерть.

Существовали особые принципы, по которым в эту команду подбирались исполнители. Прежде всего люди, напрочь лишённые биографии. Без родных и близких.

Без веры в вечные ценности и в существование таких понятий, как любовь, сострадание, жалость, надежда или просто счастье. Люди, потерявшие чувство боли. Трусоват? Ну что ж. Тут знали: самыми жестокими исполнителями, как правило, бывают именно самые отъявленные трусы.

Им внушали: человек боится смерти. Странно, конечно, потому что она неизбежна. Каждый прожитый день приближает тебя к могиле. Медленно, но верно. Каждый день рождения, который ты радостно празднуешь, — это ступенька чёрной лестницы, которая ведет «туда». Смерть — самое простое решение всех проблем. Самое лучшее решение. И самое распространённое.

Через два года, к июлю 1954 года, он уже знал, кем станет завтра, — Йозефом Леманом, круглым сиротой, тем, кто на самом деле уже покоился в сырой немецкой земле.

Я постепенно убеждался в правильности советского режима и всё больше проникался мнением, что я всё это делаю на благо советского народа… Я был убеждённым коммунистом, я всё делал по политическим убеждениям…

Из протокола допроса Б. Сташинского в ходе дознания.
Сентябрь 1962 г.

«Святая троица» и «двойкари»

После гибели верного друга и соратника Романа Шухевича Степан Андреевич чувствовал себя неуверенно и одиноко. «Молодая поросль» сумела протащить на вакантное место представителя Провода на украинских землях своего человека Васыля Кука, который стал в определённом смысле противовесом главному Проводнику. Бандера ощущал, что его постепенно оставляли старые товарищи, с которыми связывали годы борьбы, подполья, судебные процессы, тюрьмы. Отошёл от политической деятельности и занялся исключительно литературным трудом и издательским бизнесом первый Проводник Краевой экзекутивы Богдан Кравцив. Наукой увлёкся видный оуновец Владимир Янив. И даже один из ближайших друзей Степана Андреевича, бывший его заместитель Мыкола Лебедь перебрался в Америку и основал в Нью-Йорке «Исследовательско-издательское бюро „Пролог”», которое занималось сбором и анализом всевозможной информации об Украине. Главное — они безнадежно пали духом, разочаровались, осознавая бесперспективность бесконечной войны. Их даже перестали интересовать теоретические воззрения вождя!

А ведь Степан Андреевич в своей очередной работе «Перспективы украинской революции» ставил вполне конкретные цели и задачи на годы вперёд: «Украинский национализм категорически отбрасывает и борется как с московским большевизмом, коммунизмом, так и с любым устремлением возвратить состояние национально-политического и общественно-экономического угнетения белой или какой угодно другой Россией или другими оккупантами. Те социальные отношения, которые были навязаны Украине прежними оккупантами, как и любая попытка их возобновить, находят в украинском национализме непримиримого врага. Наша цель есть построение в Украинском Государстве своего собственного общественного строя, в соответствии с потребностями и желаниями всего украинского народа, что обеспечит украинской нации наилучшее развитие, всем гражданам Украины — полную свободу, справедливость и благополучие. Тут украинский национализм идёт собственным путём, беря за основу решающие критерии: украинский народ, украинская семья, природные данные, жизненные условия и потребности Украины. Из чужих примеров и достижений украинский национализм берёт лишь то, что отвечает интересам украинского народа. Из прошлого берёт он те ценности, которые создавал сам украинский народ в свободном

своём развитии и которые отвечают современной жизни и её уровню. А всё то, что навязано ему чужим господством против его воли и устремлений на протяжении целого исторического развития, как ранее, так и в последнюю четверть века, отбрасывается…»

В зреющем конфликте оппозиционеры, прежде всего, не соглашались с вождём в двух вопросах. Это — идеология освободительной борьбы, а также будущее социальное устройство украинской державы. Перспективы «несогласные» видели в воплощении… Марксовой идеи о создании бесклассового общества, в котором будет ликвидирована всякая частная собственность, почти как при коммунизме. Дескать, ныне на Украине всё нормально, хорошо, беда только в том, что верховодят москали, а не украинцы. Достаточно только сбросить диктат Кремля, московского Хрущёва заменить на украинского Хруща, и жизнь станет прекрасной и удивительной.

Подобные «марксистско-ленинские» постулаты предлагалось внедрить и в идеологической сфере. Оппозиция требовала отбросить идеалистическое мировоззрение и признать материализм высшим достижением философской мысли, полностью отлучить политическое движение и всю общественную жизнь от религии и добиться равного распространения атеизма наряду с обучением религиозным догмам.

На деле своё наступление раскольники повели по-оппортунистически. Украинцам на чужбине твердили, что провозглашаемые ими идеи — это современные политико-программные позиции украинского революционно-освободительного движения на родных землях, а потому эмиграция непременно должна принять их как свои, если желает сохранить духовное единение с родиной. Оставшимся на порабощённой Украине единоверцам внушали, что именно их взгляды на сегодня являются самыми передовыми во всём западном мире и большинство эмигрантских кругов ОУН принимает их.

Бандера понимал, что подобные «телодвижения» грозят полным разложением всего движения, поэтому жёстко пресекал любые попытки «идейного перерождения и инакомыслия». Он напоминал, что «ОУН стремится к благополучию целого украинского народа и всех граждан Украины, а не какой-то одной части, общественного слоя и так далее… Внутриукраинская политика ОУН есть и всегда должна быть освободительной, а не партийной…».

В конце концов конфликт между Проводником и оппозицией был вынесен на рассмотрение конференции Заграничных частей

ОУН, которая состоялась всё в том же Миттенвальде. Более искушёный в оргвопросах Степан Бандера блестяще подготовился к этому мероприятию, и большинством голосов деятельность оппозиционеров была гневно осуждена. Им предложили возвратиться на верный путь и «проявлять дисциплинированность в рамках Организации».

Однако сразу же после конференции «еретики» отозвали своё гарантийное письмо, в котором заверяли, что они подчинятся решениям конференции, какими бы они ни были.

Степан Андреевич отчётливо понимал, что идейные противники стремятся подточить годами возводимый им самому себе бронзовый постамент. Он публично заявил о том, что оппозиционеры «перешли с националистических позиций на социалистические. Они не только от своего имени предлагают социалистические тезисы, но, что ещё хуже, упорно распространяют среди украинской эмиграции и перед иным миром фальшивые сведения, будто бы украинское революционно-освободительное движение, и в частности ОУН, на украинских землях также выдвигает чисто социалистическую программу, и именно в её духе ведёт освободительную борьбу». Лев Ребет в своем журнале «Современная Украина» без устали твердил, что ОУН на украинских землях имеет чисто социалистическую ориентацию, «в конце концов так же, как все украинские группировки, за исключением гетманцев, а потому, дескать, и Заграничные Части ОУН… должны изменить свои программные позиции, сориентировать их в направлении программы т. н. „идейного коммунизма”».

Пусть будет так, решает Бандера и прибегает к своему испытанному, плутовскому приёму: вновь объявляет об уходе с поста Проводника Организации, понуждая Провод 34 ОУН выступить с туманным заявлением: «22 августа 1952 г. Степан Бандера ушёл с должности председателя Провода Организации Украинских Националистов и передал эти функции председателю Провода ОУН на Украинских Землях — до времени избрания нового председателя Провода ОУН… Председатель Провода Зарубежных Частей ОУН, избранный на последней конференции, Ярослав Стецько… предложил избрать на его место Степана Бандеру. Степан Бандера на это не согласился, но вошёл в состав Провода 34 ОУН, который и далее возглавляет нынешний председатель».

Закручивая интригу, Степан Андреевич тут же обращается с открытым письмом ко всем членам ОУН:

«Я ушёл с высшего поста в Организации, но этим не приостанавливается моя многогранная работа в ОУН и участие в

её борьбе, которой я отдаю все мои силы, как и прежде. Отставка с поста председателя не является ни отходом от активной работы в Организации, ни отказом от ответственности за её дальнейшее развитие и её политику и освободительную борьбу. Она лишь меняет характер моей ответственности и работы, но не само содержание и состояние, что, невзирая на положение, всегда определяется одним принципом: отдавать всего себя, все свои силы и способности на службу нации, её освободительной борьбе, и повседневно в любом положении и в любой ситуации делать всё, что в твоих силах, чтобы дело обстояло наилучшим образом.

Своей отставкой я старался доказать Организации необходимость возвратить всему революционно-освободительному движению идейную и политическую сплочённость… Надеюсь, что в связи с моей отставкой и выборами нового руководителя Провода ОУН Организация рассмотрит основательно… сущность „оппозиции", содержание и последствия её работы…»

Как и следовало ожидать, ближайшая конференция ОУН единогласно переизбрала Степана Андреевича своим лидером. Бандера «вынужден» был подчиниться.

Однако так и не угомонившийся Лев Ребет тут же примчался к Проводнику и сообщил, что получил радиоуказание от председателя Провода ОУН на украинских землях с требованием переизбрания руководства 34 ОУН специальной коллегией уполномоченных в составе его самого, Зенона Матлы и вас, Степан Андреевич.

Бандера, с трудом сдерживаясь, заявил Ребету, что примет это ультимативное требование, но лишь при условии предоставления ему письменного оригинала мифического «радиоуказания», которое пока для него не более чем филькина грамота…

Выждав какое-то время, Ребет положил на стол Проводнику новую бумагу. Это был проект заявления, с которым Бандера должен был обратиться к членам Организации с признанием своей вины, ошибок и расхождений с нынешней идейно-политической платформой ОУН.

Прочтя бумагу, Бандера, уже не выбирая выражений, заорал на Ребета:

— Провокатор! Катись отсюда к чёрту, недоумок!

Редактору только того и надо было. Он удалился с гордо поднятой головой и в тот же день разослал во все эмигрантские газеты и персонально некоторым авторитетным деятелям Организации резолюцию об окончательном «разводе» С. А. Бандеры с Проводом ОУН. Но просчитался — ветераны движения

Ребета не поддержали.

Тогда Лев Ребет вместе со своим единомышленником Зеноном Матлой объявили о создании новой организации украинских националистов — «двойкарей» (по числу лидеров), в очередной раз обвинив Бандеру и Стецько в «склонности к тоталитаризму и авторитаризму». На свою сторону «двойкарям» удалось перетащить руководителя Провода ОУН на украинских землях Василя Кука, который подтвердил, что «Бейбеда (Степан Бандера) отошёл от постановлений III Чрезвычайного большого Собрания ОУН и он ни формально, ни фактически не является Проводником ОУН. Провод надеется, что Бейбеда во имя сохранения целостности ОУН прекратит свои раскольнические действия…». В качестве выхода из патовой ситуации Кук предложил всё-таки создать коллегию уполномоченных в составе Льва Ребета, Зенона Матлы и Степана Бандеры.

«Вождь», естественно, отказался от сотрудничества с «двойкарями»: «Обвинения меня и 34 ОУН… являются неправдивыми и безосновательными… Эти двое действовали бы однозначно против третьего. На таких условиях… не может быть согласия на моё участие в Тройке…»

Открестившись от участия в «святой троице», Бандера затеял генеральную чистку рядов. Первыми «из вычищенных, — рассказывал историк Роман Кричевский, — были: д-р Богдан Кордюк, инженер Богдан Пидгайный и издатель „Украинского Самостийныка”, сотник УПА д-р Модест Рипецкий… Было очевидно, что Бандера готовит весь верный себе аппарат 34 для генеральной расправы со сторонниками решений провода ОУН на украинских землях…»

Уже летом 1955 года все оппозиционеры были с позором изгнаны из ОУН и «пошли своим путём». Одновременно соратники единодушно переизбрали Степана Андреевича Проводником на новый срок, практически пожизненный.

В середине 1950-х семья Бандеры наконец-то перебралась в мюнхенский дом герра Стефана (или Степана) По-пеля, документами которого отныне пользовался Степан Андреевич. Старшая дочь Наталья вспоминала, что именно тогда в украинских газетах ей постоянно попадалось на глаза имя Степана Бандеры. У неё возникали кое-какие догадки относительно реального значения своего загадочного отца, но подтверждения они пока не находили.

Да и в целом отношения в семье складывались не лучшим образом. Близкий к Бандере Мирон Матвиейко прозрачно намекал, что причиной многочисленных семейных раздоров была дама сердца Степана Андреевича, являвшаяся женой одного из

его охранников. И когда эта связь стала явной, произошёл принеприятнейший скандал. Мирон вообще частенько распускал язык, договорившись даже до того, что «добрый семьянин» Бандера избивает свою беременную жену Славу, нанося ей удары в живот…

«Проводника я встречал почти ежедневно в бюро 34 ОУН на Цеппелинштрассе, 67 (конечно, когда он был в Мюнхене), — рассказывал один из референтов по связям с Краем. — Бандера старался всегда быть важным, напускал деловитость. Я не раз слушал его выступления перед членами Организации. Говорил он всегда одно и то же. О необходимости усиления диверсионной работы на Украине, о „Деле”, „Поступке”, о неизбежности жертв. Не скрывал, что финансовые расходы на заброску шпионов оплачивает БНД[24], более того, хвастал этим… Работа на западногерманскую разведку не запятнает украинских националистов, подчёркивал Бандера и приказывал агентам, которые направлялись на Украину, вербовать там надёжных людей и переправлять наиболее ценных за границу. Эти „парни с Украины” проходили в БНД специальное шпионское обучение и снова возвращались домой. „О, это были бы настоящие, ценные агенты!” — восклицал проводник, довольный своим „гениальным” планом. Рекомендовал им больше заниматься саботажем, убивать авторитетных советских граждан. Группе Ганяка советовал пускать пыль в глаза БНД, придумывая фальшивые информации о заварухах, бунтах населения, сопротивлении и борьбе против советской власти в западных областях Украины…»

Москва, ЦК КПСС. Июнь 1956

— Никита Сергеевич, в приёмной Серов Иван Александрович.

Из селектора раздалось какое-то невнятное бормотание, понятное лишь секретарю.

— Проходите, Иван Александрович. — Привставший из-за стола секретарь прямо-таки излучал волны благожелательности.

Председатель Комитета госбезопасности обладал «высшим кодом доступа» к Хрущёву.

После своего пространного доклада о критической ситуации в Венгрии, о мероприятиях, связанных с подготовкой к проведению в Москве фестиваля молодёжи и студентов, о текущей ситуации в стране и за рубежом Серов протянул Никите Сергеевичу гербовую папку с золотым тиснением «КГБ СССР».

— Что тут? — не открывая папку, поморщившись, спросил Хрущев.

— Да старому нашему знакомцу всё никак неймётся, — вздохнул Серов.

— Кого ты имеешь в виду?

— Бандеру. В Мюнхене на днях опубликован его очередной опус. Только-только спецпочтой доставили.

Хрущёв открыл папку, в которой обнаружил сдвоенный выпуск еженедельника ОУН «Шлях Перемоги» («Путь Победы»), издающийся в Западной Германии. Статья Бандеры «Сталинизм Хрущёва во внутренней политике» теснила все прочие материалы.

— Читал? — Хрущёв поднял глаза на Серова.

— Конечно, Никита Сергеевич. Как положено. — Заметив, что Хрущёв брезгливо отодвинул от себя папку, Серов тут же добавил: — Правильно, Никита Сергеевич. Не тратьте времени на эту галиматью…

— Хали-мотню, — скривился Хрущёв.

— Именно. Основные места там подчёркнуты. Хотя кто эту муть будет читать? Разве что я по долгу службы, — Серов усмехнулся, — да десяток-другой дышащих на ладан бандеровцев в этом Мюнхене.

— Ладно, Иван Александрович, оставь. У тебя всё?

Серов кивнул.

После ухода генерала Хрущёв, хмыкнув, всё же развернул поганую газету.

«…Почему промышленная продукция различных отраслей на плохо освоенных сибирских просторах должна стоить значительно меньше? Хрущёв не собирается отвечать на эти вопросы, поскольку все участники съезда КПСС знают очень

хорошо, в чём дело. Но это известно и всем, кто осведомлён о большевистской системе подневольного труда… Это ставка на подневольный труд узников и ссыльных, которые советской державе и коммунистическому режиму обходятся очень дёшево…

Хрущёв и товарищи тем временем не тревожатся, уверены, что кости угробленных каторжан не поднимутся из-под гигантских ГЭС и других их строек. Именно так московские цари не боялись костей запорожцев, на которых построен Петроград. Но всё-таки наследники запорожцев из волынского полка начали своим выступлением в том же Петрограде революцию, которая похоронила царизм…

Если присмотреться к сути хрущёвских „реформ”, то сразу видно, что все они ограничиваются сохранением позиций коммунистической партии, её внутренней консолидацией, укреплением… В них нет и следа какой-либо либерализации, которая бы касалась „простого” народа, его жизненных условий и прав…»

Хрущёв аж сплюнул в сердцах: «Ну, скотина! Что же он себе позволяет?!. Эта шавка вонючая будет анализировать исторические итоги XX съезда?! Дожили!..» Он нажал клавишу громкой связи с секретарём:

— Серов уже ушёл?.. Ладно, найдите его, пусть приедет ко мне к пятнадцати часам. Или нет, лучше к семнадцати. Всё…

Весна 1957

…Отец Лемана погиб в результате несчастного случая, мама — во время бомбёжки. Бедный Йозеф долго мыкался по чужим углам, потом подался в Ренёвичи, где устроился на сахарозавод. Оттуда отправился в Люблин, работал механиком в местном таксопарке. А в 1954 году нелегально перебрался в Германию…

Богдан без устали зубрил легенду, как бы реконструируя свою мифическую память. Только мало всё выучить наизусть, нужно ещё уметь всплепую опознавать и точно описывать те места, где рос Леман. Вместе со своим куратором Богдан часами гулял по улицам, осматривал дома, которые фигурировали в легенде. Ему даже пришлось познакомиться со всей технологической цепочкой сахарного завода, где когда-то подростком трудился его «прототип». Осмотревшись в Люблине, будущий «Леман» был вынужден также побывать в Лейпциге, где некогда жила его тётушка.

По прибытии в Восточный Берлин ему довелось поработать сперва листорезом, потом диспетчером в гараже, обслуживающем советское представительство при правительстве ГДР. Потом он практиковался в качестве переводчика в ДИА — представительстве советского Министерства внутренней и внешней торговли. Работа была непыльной и оставляла достаточно времени для занятий другими вещами. Во время краткосрочных поездок во Франкфурт или Мюнхен Леман-Сташинский обслуживал «мёртвые пункты» — тайники, сам работал «почтовым ящиком»: передавал инструкции Центра, деньги законспирированным агентам, принимал от них шифровки. Однажды по поручению куратора целый день провёл неподалеку от одной военной базы западных немцев, тупо фиксируя номера всех проезжающих армейских машин.

Языковая среда активно пополняла словарный запас, плохо давались лишь некоторые диалекты, особенно саксонский, зато местные нравы, обычаи, традиции Сташинский впитывал с лёгкостью. Он оказался способным, восприимчивым учеником, понимая, что осуществляется болезненная имплантация в чужую и опасную среду. Но инструкторы не напрасно учили: ты должен быть убедительным во всём, особенно в мелочах, чтобы не попасть впросак.

Он наизусть знал цены на бензин, на продукты, сигареты, шнапс, пиво, газеты, спички, соль и сахар, где подешевле можно купить костюм, каков обычный размер чаевых. Помнил элементарные премудрости хорошего тона: на столе в ресторане

нож лежит справа, вилка слева, перекладывать приборы без необходимости не следует, не чавкать, пользоваться салфетками. В ватерклозетах не газетой пользоваться, а исключительно туалетной бумагой. Сидя за рулём, уступать дорогу пешеходам.

Порой практические уроки оперативной работы напоминали ему забавные детские игры: тайники, явки, пароли. Наставники подсказывали, как обнаружить слежку, как самому уходить от наблюдения. Делали замечания, отмечая промахи: так никуда не годится, всё слишком явно, лишний раз не оборачивайся, лишний раз не ускоряй походку, не показывай, что заметил наружку, думай, как аргументированно остановиться перед витриной или киноафишей…

Сташинский без проблем сходился с людьми, легко завязывал знакомства с девушками. И в общем-то не жалел о сделанном когда-то и кем-то для него профессиональном выборе. При этом понимал, что освободиться от данных прежде обязательств невозможно.

К очередной поездке в Германию весной 1957 года сотрудника 13-го секретного отдела 1-го Главного разведуправления КГБ СССР Лемана-Мороза-Сташинского готовили с особой тщательностью. Предупредили, что новые документы он получит уже на месте.

В Дюссельдорфе его встретил резидент, назвавший себя Сергеем.

— Блестящая работа, — оценил он мастерство лубянских умельцев, передавая Богдану новенький паспорт на имя Зигфрида Дрегера. И даже позволил себе шутку: — Даже лучше подлинника… Недостаёт последнего штриха: подписи владельца. Давай-ка сперва потренируйся на бумажке, а потом уже поставишь свой автограф в паспорте. — Когда подпись «Дрегера» украсила документ, Сергей изложил план дальнейших действий: — Отсюда едешь в Эссен, где в районе Гаарцопф проживал настоящий Дрегер. Оглядись, погуляй по городу, позаглядывай в ближайшие магазинчики, присмотрись к его дому на Ромбах. На всё про всё — пара-тройка дней, время нынче дорого. Вот билеты и командировочные, «герр Леман». Не шикуй. Оттуда переберёшься в Мюнхен. Там по документам Дрегера остановишься в отеле «Грюнвальд», это недалеко от железнодорожного вокзала. И сразу же начнёшь работу по «объекту». Лев Ребет. Слыхал о таком деятеле? Нет? Ну, не беда, со временем узнаешь о нём всё, больше, чем даже его жена Дар ка. Вот его установочные данные: «Ребет Лев Михайлович, родился 3 марта 1912 года в Стрые на Львовщине в семье

почтового урядника. Учился в еврейской начальной школе. — Сергей многозначительно хмыкнул. — Потом в украинской польской общеобразовательной школе. Окончил факультет права Львовского университета. В 22 года стал районным руководителем ОУН в Стрые. Целых три дня, — Сергей опять ухмыльнулся, — был даже заместителем премьер-министра в правительстве Стецько. Во время войны — Освенцим. С 1944 года живёт в Мюнхене, был главным судьёй в ОУН у Бандеры. Сегодня с ним враждует. Защитил докторскую диссертацию, профессор права в Украинском свободном университете в Мюнхене, редактирует журнал «Украинский самостийнык». Теоретик, автор ряда книг, многочисленных статей… Ну, с национальностью — всё понятно, а вот по вероисповеданию — грекокатолик… Так-то. Впрочем, это особой роли не играет. Что ещё? Обрати внимание на особые приметы: крепыш среднего роста, энергичная походка, бритоголов, носит очки. Как правило, прикрывал лысину легкомысленным беретом… Да, вот ещё выписки из его научных трудов. Полистаешь на досуге. Хотя это тебе вроде бы и ни к чему… Так, для общего развития, как говорится. Усвой главное: Ребет — наш злейший враг, антикоммунист, негодяй и мерзавец. Твоя основная задача на сегодня — взять этого профессора «под колпак», вести с утра до ночи, досконально изучить его образ жизни, манеры, привычки, круг общения, маршруты передвижения, даже кулинарные вкусы…

Вечером, оставшись один в номере, Богдан ради любопытства по диагонали пробежал выписки из статей Ребета: «…Украинский народ, будучи в Восточной Европе народом с самой древней земледельческой культурой, имеет основания стать образцом политической культуры для всего сообщества и вместо тирании, которую столетиями на Востоке насаждала российская — белая и красная — империя, показать пример современного демократического государства, где свобода и достоинство человека не пустой звук…»; «…В 1941 году С. Бандера по непонятным причинам не принял активного участия в построении украинской самостоятельной жизни и в революционной жизни на Украине, а послал туда из эмиграции, так сказать, только своё имя… Сам С. Бандера не пошёл с походными группами на Украину, оставаясь в эмигрантском подполье в самый ответственный момент, когда решался вопрос отношения ОУН к гитлеровской политике… пошёл на переговоры с представителями нацистской власти… Фактически добровольно отдался в руки гестапо…».

«Да ну их к чёрту! — Богдан скомкал листочки, оставленные Сергеем. — Пусть они между собой хоть до смерти перегрызутся.

Мне-то что с того…»

Ровно в 7.30 «герр Дрегер» вышел из мюнхенской гостиницы на утреннюю прогулку. Одет он был подчёркнуто аккуратно, неприметный костюм, серая рубашка, галстук — одним словом, глаз не задержится. Побродил на улице Франца-Иосифа, миновал Дахауэр и Шютцен-штрассе, вышел на площадь Карла, сделал круг у знаменитой пивной «Штахус» (Святого Евстафия), заглянул в ближайшие лавки, задержался на трамвайной остановке. Потом не спеша прошёлся мимо затесавшегося в нише между двумя магазинчиками скромного подъезда дома номер 8. Именно через него можно было попасть в редакцию ребетовского журнала «Самостийнык».

Собственно говоря, за всей этой площадью и редакционным подъездом «герр Дрегер» мог легко наблюдать из окна своего гостиничного номера. Но уличные впечатления давали несравнимо больше информации. Тем более ему необходимо было абсолютно точно отследить весь маршрут передвижений Ребета, время, во сколько этот деятель появляется в своём журнале, когда покидает редакцию, где, в конце концов, изволит проживать.

В первое утро господин редактор на Карлсплац так и не появился. Дневная и вечерняя прогулки тоже не дали «Дрегеру» никакого результата. На следующий день Богдан решил не менять свой график — утренняя прогулка с 7.30 до 10 утра, потом — наблюдение в обеденное время и в промежутке между 3 и 5 часами дня.

Повезло ему лишь на третий день — издалека заметил выходившего из подъезда Ребета и проводил его до самой остановки. Когда доктор поднялся в трамвайный вагон, «Дрегер» подсуетился и тут же оказался рядом. Пристроившись прямо за спиной «объекта», Сташинский неожиданно разнервничался: то надевал солнцезащитные очки, то резко сдёргивал их, думая, что они-то как раз его и демаскируют и выдают с головой. Потом, при появлении кондуктора, замешкался, не сообразив, сколько следует платить за билет — то ли 25, то ли 30 пфеннигов. Обнаруживать своё незнание — значит, привлекать лишнее внимание, а это уж и вовсе ни к чему… В общем, напереживался. Успокоился, только когда Ребет покинул вагон и направился куда-то в сторону жилого квартала у Швабинга. Дальнейшая нехитрая проверка подтвердила, что именно там доктор и живёт.

Одобрив его отчёт, Сергей чертыхнулся по поводу эмигрантов:

— Нет, ты только посмотри, даже в Мюнхене эти паразиты живут припеваючи, чувствуют себя как дома… Правильно

говорят: горбатого могила исправит. Я, Олег (Сергей знал его под этим именем), уверен: этих нелюдей уже не переделаешь, учить их уму-разуму, в чём-то переубеждать — напрасный труд. Никто же из них никогда не признает свою вину. Все чистенькие. А главные закопёрщики — их ватажки, атаманы хреновы, только сбивают людей с толку. С такими вообще разговор должен быть короткий — устранить, ликвидировать к чёртовой бабушке! Не станет их — всё нормализуется, вот увидишь! Большинство хохлов домой запросится, на коленях приползут, умолять станут. Мамой клянусь…

…Пять лет спустя, давая показания в суде по убийствам Ребета и Бандеры, Богдан Сташинский утверждал, что, ведя наблюдение за первым из «объектов», он ничего не знал о конечной цели этой операции, считая себя обычным «топтуном», которому поручен сбор дополнительных сведений к имеющейся «установочной информации».

Пока же можно было с лёгким сердцем покидать треклятый Мюнхен и возвращаться в Восточный Берлин. Перед отъездом «герр Дрегер» не преминул заглянуть-таки в легендарный биргартен[25] «Штахус». Разве можно было себе отказать в удовольствии отведать знаменитого баварского пивка в заведении, которое привечало всех алчущих уже в течение двух веков?! Кто знает, когда ещё выпадет такой случай? И выпадет ли вообще?..

Мюнхен, январь 1957

В прихожей Степан Андреевич тщательно отряхнул тающие снежинки с пальто, повесил его в шкаф и, перешагнув через небольшие лужицы, образовавшиеся на полу от мокрых ботинок, прошёл в свою комнату. Слава тебе господи, хоть тут никого не было! Он подошёл к окну, просматривая на свету журнал, ради которого ему только что пришлось топать по морозцу на почту. «Из неисчерпаемого родника»… А что, действительно, хороший заголовок, ясный, благоустный, по духу соответствующий святым рождественским дням.

Прежде чем перечесть статью и убедиться, что эти вертихвостки корректорши ничего не намудрили, не пропустили ошибок, которые бы исказили смысл его слов, Степан Андреевич решил всё же выпить чайку. Тем более в доме было довольно прохладно. Он сходил на кухню, вскипятил воду, скуповато, на глазок, отмерил ложечкой заварку и вернулся в комнату с кружкой дымящегося чая. Ну вот…

«Борьба с большевизмом — это настоящая война не на жизнь, а на смерть не только для активных борцов, но и для целого народа, который находится под большевистским игом. Поголовное истребление всех непокорных, вольнолюбивых элементов, которые не хотят служить большевизму, систематическое народоубийство — это основные принципы большевистской политики порабощения народов. Она заключается в том, чтобы каждый угнетённый народ, все его слои, каждого человека держать под постоянным давлением неизбежного выбора: или — или — покориться и принять коммунистическую доктрину за истину и без сопротивления служить осуществлению целей Кремля, или быть уничтоженным…»

Неплохо, неплохо, похвалил сам себя Степан Андреевич и отхлебнул чайку.

«…Большевистская концепция фальшива и невыполнима. Основой её является материалистический взгляд на человека и на человеческое сообщество, уверенность, что духовность человека является продуктом жизненных обстоятельств и условий развития.

Большевики сами убедились, что осуществление этого их фундаментального плана не дало позитивных результатов. Напротив, итоги этих последствий перечёркивают все надежды на будущее. Понимая это, руководители Кремля сделали свои выводы. Эти выводы своеобразны, соответствуют низменным

целям коммунистической партии: удержать, закрепить и распространить своё господство любыми средствами… Господство Москвы над порабощёнными народами и тоталитарная диктатура компартии всегда удерживается принуждением и террором, а все непокорные должны уничтожаться…»

Вот — главное. А эти — он от досады даже махнул рукой как бы в сторону своих былых соратников — не хотят ничего понимать. Живут себе припеваючи, кто в Англии, кто в Штатах, кто в Канаде, обуржуазились, зажрались, спились, погрязли в мерзком быту, даже газет не читают, оглохли. А он, наивный, хочет докричаться до их душ в этот рождественский день. Эх!..

«Последний аргумент большевистской системы в „переделке” людей есть смерть, угроза уничтожения, а далее и безоглядное уничтожение всех непокорных и неугодных. Но и этот аргумент не всесилен.

Испытание смертью не выдерживает то, что есть творение самой жизни. А вот миллионы людей, целые народы перед лицом смерти защищают правду и ценности, которые им дороже самой жизни! Потому что человеческая душа происходит от Того, Кто испокон веков был над жизнью и будет после жизни, вечно, а защита великой правды ближе приближает человеческую душу к Богу, чем жизнь…

В рождественское время наши мысли, полные заботы о судьбе народа, всех наших родных и близких на Украине, в тюрьмах, концлагерях и в ссылках прежде всего сосредоточены над тайной воплощения Бога. Осознание того, почему Бог пришёл в мир в первую очередь к самым слабым, больным, самым бедным, как беспомощный, преследуемый младенец, исполняет душу верой и любовью… Из этого родника веры мы должны почерпнуть наибольшие силы, чтобы выдержать испытания на праведном пути. Уверенность в том, что с нами Бог, — это самая сильная и наибольшая помощь для всех нас, особенно для всех борцов и страдальцев украинского освободительного движения».

Но ведь хорошо же сказано! Он захлопнул журнал, посмотрел в окно, обернулся к иконе и троекратно истово перекрестился.

Москва, Кремль. Июль 1957

— Ты что, Иван, совсем сдурел? Что ты мне предлагаешь?! — Хрущёв выскочил из-за стола и принялся кружить по кабинету. — Как тебе такое в голову могло только прийти?

Зная Хрущёва ещё с довоенных времён, председатель КГБ СССР Иван Александрович Серов предвидел подобную реакцию и поэтому всё воспринимал спокойно.

— Нет, ты объясни мне, — всё не мог угомониться Никита Сергеевич, — как это взять и устранить этого… как его там… Ребета? И где? В ФРГ! Ты хоть представляешь, какой там шум поднимется? Тут же напишут: «Публично заявив о своей непричастности к международному терроризму, на самом деле Советы продолжают убивать своих врагов на Западе!» И Троцкого нам припомнят, и Коновальца, и всех прочих, слово тебе даю… Кто он, вообще, такой, этот Ребет, чем прославился? За какие заслуги ему такое внимание? Ну что ты молчишь?

— Ребет сегодня один из лидеров украинского буржуазного национализма, — негромко напомнил Серов. — Профессор права, преподаёт в Мюнхенском университете. Редактирует эмигрантский антисоветский журнал…

— Ну и что с того? — Хрущёв наконец уселся за стол. — Призывает к свержению советской власти, клеймит позором КПСС? Видали мы таких крикунов-критиканов, подумаешь… Ну кокнем мы ещё одного бандеровца, что толку? Вредным насекомым станет меньше, а вони будет столько…

— Разрешите, Никита Сергеевич? — Серов решил, что пора изложить первому секретарю ЦК систему контраргументов, над которыми уже успел потрудиться Сахаровский[26].

— Ну давай, — согласился Хрущёв.

— Первое. Ребет — вовсе не бандеровец, а как раз наоборот.

— Это как?

— Он если не противник, то конкурент Бандере. Там у них, в ОУН, целое кубло змеиное, течений всяких — чёрт ногу сломит. Ну вы же знаете, Никита Сергеевич, где два хохла — там три гетмана, мне ли вам рассказывать?

— Так ты хочешь помочь Бандере всей жопой на трон сесть?

— Да нет. Не станет Ребета — подозрения падут на Бандеру, люди отшатнутся.

— Да какие там люди? — махнул рукой Хрущёв.

— Не важно. Но к дальнейшему углублению раскола в ОУН эта смерть, безусловно, подтолкнёт. Теперь — второе: никакого убийства не будет…

— Что ты имеешь в виду?

— Врачи зафискируют обычный сердечный приступ, паралич, внезапный спазм сосудов. Труп обнаружат без признаков насильственной смерти. Жил человек — и умер. С кем не бывает? Даже вскрытие ничего не покажет… Вспомните Шумского, Никита Сергеевич, — негромко сказал Серов. — Или того же Ромжу.

Напоминая о десятилетней давности истории, генерал, конечно, рисковал, зная, как болезненно реагирует «первый» на любые намёки на прошлые дела на Украине. Тогда, в 1946 году, именно Хрущёв предложил ЦК раз и навсегда избавиться от бывшего наркома просвещения УССР, старого большевика Шумского, который за симпатии к националистам был репрессирован, но всё не унимался и, даже будучи смертельно больным, вёл тайные переговоры о своём участии во временном украинском правительстве «в экзиле». С предложением Никиты Сергеевича Москва тогда согласилась, и главный токсиколог МГБ Майрановский, навестивший Шумского в ссылке, ловко подтолкнул этого престарелого буяна к могиле, угостив своими снадобьями. Аналогичная судьба постигла и униатского архиепископа Ромжу. И в первом, и во втором случаях судебные медики зафиксировали острую сердечную недостаточность.

— А что там с Майрановским, кстати? — с показным безразличием спросил Хрущёв. — Сидит?

— Конечно, Никита Сергеевич, сидит. Ему же в 53-м полную «десятку» дали… Да, так вот, никакого явного убийства Ребета не будет. — Серов всё гнул свою линию. — Следов не останется, возможны лишь подозрения, но без доказательств. Только те, кому надо, намёк поймут. Вы согласны? — Не дождавшись ответа Хрущёва, генерал продолжил: — Кроме того, нам уже давно пора испытать в деле наше новое секретное оружие — газовый пистолет. Шприцы, укольчики разные — это уже вчерашний день. Не на одном же Майрановском мир держится…

— Ты меня от своих шпионских премудростей избавь, ради бога, Иван Александрович, — отмахнулся Хрущёв. — У меня и без тебя, знаешь ли, хлопот хватает.

— Виноват, — Серов приложил руку к груди, — конечно, Никита Сергеевич. Ещё позвольте буквально пару слов о возможном международном резонансе.

Генерал в своих предположениях не ошибся. Хрущёв, несомненно, доверял ему. К тому же должен по гроб жизни быть обязанным Серову за то, что тот месяц назад буквально спас его от расправы, затеянной этими старыми козлами Маленковым, Молотовым и Кагановичем. За сутки — хотя какие там сутки! —

за полдня ему удалось стащить в Москву практически всех членов ЦК на экстренный пленум и отстоять Никиту.

Тот сразу почувствовал себя полновластным хозяином страны. Даже мог позволить себе «монаршую» милость, проявить снисхождение к вчерашним врагам, граничащее, впрочем, с унижением. Сковырнув недругов со всех постов, не стал добивать их физически, как сделал бы Сталин, а просто опрокинул в небытие — Маленкова отправил в Усть-Каменогорск, Кагановича — на Урал, кажется, командовать трестом «Союзасбест», а Молотова — к братьям-монголам. Поступив благородно, Никита Сергеевич почувствовал себя на самом деле всемогущим.

— Так вот, — Серов едва удержался от назидательного тона и деликатно смягчил тон, — мне кажется, что наши товарищи и в Венгрии, и в ГДР, и в Польше правильно поймут, что СССР по-прежнему безжалостен к врагам советской власти. Этот Ребет будет как бы первой ласточкой…

Хрущёв искоса взглянул на невозмутимое лицо собеседника. Потом легонько шлёпнул ладонью по столу:

— Ну, чёрт с ним! Будь по-твоему, Иван Александрович. Иди…

Берлин — Мюнхен — Берлин. Июль — октябрь 1957

— Да, захвати, пожалуйста, с собой свежий номер «Ньюс датчланд».

Кодовая фраза, произнесённая Сергеем по телефону, означала: «Встречаемся на прежней явке. У нас гости».

Когда Богдан прибыл по известному адресу, в конспиративной квартире, кроме Сергея, находился ещё незнакомый мужчина, который представился «гостем из Москвы». От него-то «герру Дрегеру» и довелось услышать многозначительную, даже несколько театральную фразу:

— Ну что, вот и пробил час.

Приказы не обсуждаются. Откажешься — сам покойником станешь. Богдан должен был стать палачом. Он недолго мучился пониманием своей новой роли. Палачи добросовестны и бессловесны. Они ликвидируют людей, которые им лично, по сути, не сделали ничего плохого. Исполнитель не должен знать жалости, сострадания. Приговорённого нужно лишить жизни молниеносно и неожиданно, не оставляя следов. Человек — существо смертное, легко уничтожаемое, и убить его много проще, чем родить ребёнка.

— Ты — не Раскольников. Достоевского читал? Нет? Ну и хорошо, молодец, может, и правильно, что не читал. Ты — профессионал. Значит, ни от настроений, ни от угрызений совести зависеть не можешь. Получил задание — выполняй и не терзайся. Вот ты врача, хирурга, зубного техника можешь обвинить в жестокости, садистских наклонностях? Нет? А ведь они причиняют человеку боль, удаляют умирающие ткани, гниющие зубы, спасая безнадёжно больного от гангрены… Есть такое понятие «производственная необходимость». Если самый рациональный способ решения проблемы требует лишить жизни какого-то паразита, ты обязан это сделать. И палец на спусковом крючке в последний момент не должен дрогнуть. Это убийство — не преступление, а защита. Просто защита человека от изверга. Помнишь, как после революции расстрелы называли? «Высшая мера социальной защиты». Каждая сволочь должна помнить, что за содеянное зло полагается пуля… Вот это и есть гуманизм.

«В каждом из нас дремлет потенциальный убийца, — думал Богдан. — Только не все мы это осознаём, подавляем в себе желание уничтожить тех, кто мешает жить. В конце концов, те, кто портит нам существование, могут оказаться сильнее,

изворотливее, хитрее, умнее, могут опередить, первыми нанести удар. Это война. Солдат получает приказ. Даже если его отдают не в окопе, не на плацу перед строем, а в кабинете или в гостиничном номере, чуть ли не шёпотом, на ухо, всё равно исполнять его следует без малейших колебаний. Это в армии тебя могут разжаловать, отправить служить в какой-нибудь богом забытый гарнизон. Там, где сейчас служишь ты, „методы воспитания" иные…»

Втроем они потом долго занимались изучением орудия убийства. С подобным «инструментом» Богдану сталкиваться ещё не приходилось. Москвич давал детальные пояснения:

— Вот здесь, в передней части «аппарата», находится ампулка с отравляющей жидкостью. Под воздействием спускового механизма ампула лопается, и содержимое молниеносно выплёскивается прозрачной, почти невидимой струёй метра на полтора. В «мишень» стреляешь почти в упор, лучше в лицо или, в крайнем случае, в грудь. Стоит человеку вдохнуть отравляющие пары, он тотчас потеряет сознание. Артерии, снабжающие кровью мозг, закупориваются, в них образуется нечто вроде тромбов.

— Ощущения практически такие же, когда тебя хватают за горло и изо всех сил душат, — компетентно прокомментировал Сергей.

— Через две-три минуты человек умирает от паралича сердца. Когда жидкость испаряется, следов не остаётся. Спустя минуту после смерти кровеносные сосуды покойника возвращаются в первоначальное состояние, каких-либо признаков насильственного умерщвления нет.

— Оружие совершенно на все сто процентов, — вновь не удержался Сергей.

— А теперь — наглядный урок. Смотрите. — Москвич соорудил из газеты «мишень», прикнопил её к стене поверх несвежего вафельного полотенца, отступил на шаг и поднял «пистолет». — Не бойтесь, не отравитесь — сейчас в ампуле простая вода.

Он нажал на спусковой крючок. Раздался лёгкий хлопок, и на газете тотчас образовалось тёмное мокрое пятно, диаметром около 20 сантиметров. Перезарядил и вручил «аппарат» Богдану. Потом в снайперском «искусстве» поупражнялся Сергей. Разлетевшиеся по полу мельчайшие стеклянные осколки «снайперы» потом тщательно смели веником в совок и выбросили в унитаз.

Пистолет-шприц с синильной кислотой

С особой строгостью инструктор предупредил Сташинского о мерах собственной безопасности. При использовании «аппарата» стрелок сам может непроизвольно вдохнуть отраву. Предусмотрены два способа защиты: специальные таблетки, которые нужно принять за час-полтора до выстрела. Противоядие нейтрализует отравляющие пары и препятствует сужению сосудов. Действие таблеток рассчитано на четыре-пять часов.

Второе средство — особые ампулы, которые следует раздавить в руке и глубоко вдохнуть уже после того, как сделаешь выстрел. Это также своеобразный нейтрализатор. Они расширят твои кровеносные сосуды и обеспечат дополнительный приток крови.

— Но всё это, так сказать, игры на пальцах, — заметил «москвич». — Надо испытать оружие в деле. Какие есть предложения?

— Академик Павлов всегда ставил опыты на собаках, — ухмыльнулся подкованный Сергей.

— И?..

— Купим на рынке собачку, прогуляемся за город и проверим.

На следующий день «объект» для эксперимента был подобран, и втроем (не считая собаки) они отправились на озеро Мюггель. При подъезде к пригородам Берлина «москвич» протянул Богдану таблетку и проследил, чтобы тот её проглотил.

— Что-нибудь ощущаешь?

— Нет, ничего. Всё нормально.

— Водичкой запей.

Густой безлюдный лес примыкал прямо к берегу озера. Там и решили сделать привал. Вывели беспородного пса, позволили ему пару минут порезвиться на травке, потом подманили сосиской и привязали к дереву. Пёс смешно ластился к своим новым хозяевам, видимо, пытался произвести хорошее впечатление.

«Москвич» протянул Богдану оружие, а сам вместе с Сергеем отошёл подальше. Сташинский присел на корточки перед несчастным кобелем, прицелился ему прямо в нос и, отвернувшись, спустил курок. Раздался хлопок, пёс упал как подкошенный, несколько раз конвульсивно дёрнул лапами, тихонько взвизгнул и затих. Осколки ампулы они потом старательно втоптали в землю. Всё, испытания прошли на ура.

— Жди сигнала, — на прощание похлопал Богдана по плечу так и не назвавший своего имени «гость из Москвы». — И выспись хорошенько.

Вечером того же дня Богдан отправился на танцы в один из берлинских молодёжных клубов. В последнее время он бывал там довольно часто. Знакомясь с девушками, представлялся Йозефом Леманом, лёгкий акцент объяснял тем, что волею судьбы он, немец, родился в Польше и долгое время жил там. А сейчас наконец оказался на родине предков. В те годы подобными биографиями трудно было кого-либо удивить.

После сегодняшних приключений настроение у него было какое-то необычно приподнятое. «Леман» улыбался девушкам, много шутил, а хлебнув пивка, и вовсе почувствовал себя

раскованно. Его очередную партнёршу по вальсу звали Инге. Держа её за талию, он чувствовал под рукой податливое тёплое тело, случайные касания бедра и груди воспринимались как тайные знаки. От девушки приятно пахло. Когда он похвалил её духи, она засмеялась и сказала, что это — «профессиональные издержки».

— То есть? — не понял «Леман».

— Я работаю в парикмахерской, — просто объяснила она. — У нас очень хороший салон. Сам понимаешь…

Инге не отличалась броской красотой, скорее наоборот — внешность девушки была весьма заурядной, она даже казалась простушкой. Но в танце, при соприкосновении тел, он не видел, а чувствовал её, нежную, чутко отзывающуюся на каждое его движение, мгновенно пробуждающее желание…

В тот вечер между ними ничего не произошло. Но они условились встретиться на следующий день. Посидели в кафе, выпили кофе. «Йозеф» угостил девушку пирожным. Правда, мимоходом заметил, что Инге вела себя за столиком как волчонок, настороженно и пугливо. Но это ему даже понравилось. Она чем-то зацепила его. Может, искренностью, какой-то почти детской непосредственностью.

Разумеется, агент не мог не доложить начальству о «несанкционированном контакте» с немкой. Инге Поль немедленно затеяли масштабную проверку. Сначала по линии восточногерманской полиции. Слава богу, криминальных грешков ни за ней, ни за её близкими не числилось, в связях с западными спецслужбами они замечены также не были. Ни в полиции, ни в вермахте в годы войны отец Инге не служил по причине инвалидности. В общем, ничего особенного.

— «Дружбу» можешь продолжать. Но помни, Йозеф, она — всё-таки немка, пусть восточная, но… Отец — капиталист, держит авторемонтную мастерскую, три наёмных работника на него вкалывают. В общем, пользуй фрейлейн как хочешь, ты — парень молодой, но держи ухо востро. Обо всём докладывай по инстанциям, понял?

Как не понять…

Западный Берлин. 15 августа 1961

Американский полковник по-прежнему в упор смотрел на перебежчика:

— Имена, фамилии, звания и должности своих непосредственных руководителей, кураторов, методы работы и все прочие детали вы, господин Сташинский, расскажете чуть позже и максимально подробно. С вами будут работать наши люди. А пока вернёмся к Бандере…

Он говорил веско, медленно, размеренно, чтобы каждая фраза впечатывалась в мозг собеседника. Полковник уже отбросил версию, что перед ним человек, одержимый безумными маниями.

— Продолжайте, пожалуйста. Итак, вы признаётесь, что являетесь убийцей господина Попеля, то есть Степана Бандеры. Я вас правильно понял?

— Совершенно верно, герр офицер, — перейдя почему-то на немецкий, торопливо повторил Сташинский. — Всё верно, я убил… И не только его. Не только…

Мюнхен. Октябрь 1957

9 октября в 15.30 «герр Дрегер» вылетел из берлинского аэропорта Темпельхоф в Мюнхен. Лёту там — тьфу, ерунда, разве что успел мысленно проиграть все возможные ситуации и вероятные сложности, которые могут возникнуть при прохождении пограничного контроля. Смертоносное оружие надёжно покоилось в фабрично запаянной банке консервированных франкфуртских колбасок. На любые вопросы существовали убедительные ответы, которые, впрочем, не потребовались.

Поначалу Богдан не хотел останавливаться в «Грюнвальде». Там его физиономия уже наверняка примелькалась вышколенной гостиничной прислуге. С другой стороны, в отеле он успел досконально изучить планировку, ходы и выходы, укромные местечки, «чёрные» лестницы. Кроме того, из окна номера вся площадь Карла раскрывалась как на ладони. Словом, «герр Дрегер» решил ничего не менять.

Разместившись в номере, он занялся экипировкой, прежде всего приготовив оружие. Всё должно было выглядеть максимально прозаично. Заряженный «аппарат», с нарочитой небрежностью завёрнутый в газету, легко поместился во внутреннем кармане пиджака. Прошёлся по комнате, внимательно оглядел себя в большом зеркале: нет, ничего не топорщится. Всё зер гут. Да и как иначе? Этот алюминиевый цилиндр-пистолет почти невесом — граммов двести, не больше.

Потом произвёл нехитрую манипуляцию с паспортами: на дно чемодана, в потайное место, лёг паспорт Дрегера, в карман пиджака — другой, на имя Йозефа Лемана.

Следующим утром открылся «охотничий сезон». На всякий случай «герр Леман» принял таблетку и отправился к знакомому дому на Карлсплац, поджидая жертву. Убил больше двух часов понапрасну, но Ребет так и не появился. Впрочем, на сиюминутную удачу Богдан и не рассчитывал. Не пришёл Ребет в редакцию и на следующий день. Леман-Сташинский не отчаивался — на проведение акции ему отводилось десять дней. Потом «аппарат», вернее, его содержимое приходило в негодность.

Настала суббота. День выдался на удивление ясным и солнечным. «Леман» даже не стал надевать плащ, обошёлся костюмом. Прошёлся по улице, задержался у газетного киоска, приобрёл последний выпуск «Шпичеля» и стал лениво перелистывать страницы, время от времени рассеянно поглядывая

по сторонам.

Ребет появился около десяти. Господин редактор бодро шёл от трамвайной остановки. Богдану не составляло труда первым войти в подъезд, на ходу вынимая из кармана невинный газетный свёрток. Взбежал по винтовой лестнице на один этаж и остановился на площадке, держа пистолет в правой руке. Предохранитель уже был снят. (Кстати, появление «герра Дрегера» в здании на Карлсплац, естественно, было мотивировано визитом к стоматологу, чей кабинет располагался по соседству с редакцией.)

Прислушался. Вот раздался негромкий звук открывающейся двери, шаги по ступенькам. Придерживаясь стены, Богдан стал осторожно спускаться навстречу Ребету (да, это он! ошибки быть не могло!). Одна ступенька, вторая… Сейчас, на третьей они должны были разминуться. Проходя мимо, Богдан любезно посторонился, поднял оружие и спустил курок, выпуская туманную струю в лицо «движущейся мишени». Ребет чуть качнулся вперёд, даже не поняв, почему это лестница внезапно поплыла у него под ногами… Ауфвидерзейн, доктор!

Не оборачиваясь, убийца сунул «аппарат» в карман и быстро вышел на улицу. Прогулочным шагом добрался до площади Ленбах, пересёк дорогу у отеля «Регина», на секунду задержался перед небольшим кафе, словно в раздумье: а не позволить ли себе чашечку кофе?.. Но видимо, решил, что не стоит терять время, досадливо махнул рукой и двинулся дальше, уже по улице Людвига, вскоре оказавшись у входа в Хофгартен — Королевский сад.

Не обращая внимания на роскошный храм Дианы, он свернул к ручью Кегльмюльбах и приостановился на минутку на мостке, словно заметив что-то забавное. Праздной публике на парковых аллеях никакого дела не было до молодого человека; никто даже не заметил, как из его руки выскользнул бесформенный газетный кулёк и почти без всплеска нырнул в мутные воды сточного канала. Выйдя через центральные ворота, «герр Дрегер», избавившийся от опасной улики, чувствовал себя уже более или менее спокойно, не торопясь прошёлся до улицы Максимилиана, взобрался в кстати подошедший трамвай и проехал несколько остановок, бездумно глядя в окно. Ну что, всё, можно возвращаться в «Грюнвальд»?

Проходя в отель, краем глаза Богдан заметил на площади Карла небольшую толпу зевак, нескольких полицейских. Поднявшись в номер, первым делом сжёг в туалете документы на имя Лемана, потом собрал вещи, положил в карман паспорт Дрегера. В холле у стойки администратора оплатил гостиничный

счёт.

— Что-то случилось? — мимоходом, без видимого интереса спросил он у швейцара, кивнув на людей, всё ещё толпящихся у дома напротив.

— Кажется, плохо стало человеку. Говорят, сердце, — равнодушно пожал плечами тот, поправляя униформу. — Скорая его уже увезла. Полиция вон набежала…

В Берлин Богдан должен был добираться кружным путём. Вскоре он уже был на вокзале, купил билет до Франкфурта-на-Майне и скрылся в вагоне. Стоя у окна, он безразлично смотрел в мрачную темноту, слушал мерный перестук колёс. Экспресс безостановочно мчал вперёд. Богдану было легко. Не было нужды куда-то бежать, от кого-то скрываться, что-то прятать. Всё в порядке. Вокруг люди. Никто из них не знает о твоей тайне, зато этой тайной ты отгорожен от них.

Добравшись до Франкфурта, он поселился в отеле «Интернациональ», потом плотно поужинал и хорошо выспался. Утром рейсовым самолётом британской авиакомпании Сташинский вылетел в Берлин. Удачной вам охоты, господа!..

Уже оказавшись дома, позвонил Сергею. Тот коротко осведомился, всё ли в порядке, и они условились на следующий день повидаться в Карлсхорсте. При встрече Богдан вручил резиденту лаконичный (как договаривались заранее) текст отчёта о проделанной работе: «В назначенном месте встретил известное лицо и поздравил его. Уверен, что поздравление оказалось удачным»[27].

— Поздравляю, — обнял его Сергей. — Вот от нас подарок, «контакс». Говорят, классный фотоаппарат.

Вечером на берлинской квартире, которую снимал Богдан, они по-холостяцки крепко выпили, отметив и удачно проведённую операцию, а заодно и приближающееся 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Юбилей всё-таки, верно?..

— Давай ещё по одной?

— Давай.

С документами на имя Александра Антоновича Крылова Сташинский вернулся в Москву. Начальник отдела, пригласив к себе, объявил устную благодарность успешному ликвидатору за блестяще проведённую операцию и велел отдыхать, набираться сил для «выполнения новых, ещё более ответственных заданий партии и правительства».

Фельдъегерь, сопровождаемый усиленной охраной, в тот же день доставил на Старую площадь, в ЦК КПСС адресованную

«лично в руки» первому секретарю тов. Хрущёву Н.С. докладную записку под грифом «Совершенно секретно» с подробным описанием акции в Мюнхене. Кроме грифа, на докладной была ещё особая приписка: «Письмо исполнено от руки на двух листах. Без оставления копии в секретариате Комитета госбезопасности. Исполнитель *т. Сахаровский*, ПГУ».

Москва — Берлин — Москва

Он сидел на кровати, пристально глядя на её лицо. Инге лежала на боку, подогнув ногу, словно бегун, внезапно настигнутый сном. Потом она неожиданно открыла глаза, нежно посмотрела на него. Улыбнулась, вновь потянулась к Йозефу…

Медленно таяла ночь, растворяясь в наступающем дне. Солнце уже поднималось всё выше над землёй, оранжевые лучи пробивались сквозь шторы и дрожащими шпагами падали на пол. Он смотрел на Инге, над её головой вздымался парящий золочёный нимб. Конечно, это была лишь игра света, но Богдану было всё равно. Пусть в этой девушке, нет, в его женщине другие видят недостатки и пороки, но для него она оставалась ангелом.

— Пора вставать, да? — чуть слышно шепнула она. — Скоро десять…

Ласковый, чуть хрипловатый ото сна голос. Блаженное ощущение от её невесомых прикосновений. Он погладил её по щеке, потом одна рука его стекла к её бедру, вторая наполнилась тёплой тяжестью груди Инге.

— Может, не надо? — спросила она. — Уже пора…

— Молчи. Ничего не говори, ладно?

— Ты не считаешь, что это уж слишком?

— Нет.

Он поцелуем закрыл её губы, поймал горячий скользкий язычок. Прижал её всю к себе, шепча:

— Я очень хочу тебя. Я никого так не хотел… Даже закрыв глаза, я вижу тебя: и плечи, гладкие и податливые, и грудь, вот одна, а вот другая. Знаешь, их называют венерины холмы… А на холмах восхолмия, твёрдые и напрягшиеся… в ожидании моих губ… Я ведь чувствую… Ты хочешь…

Она изогнулась под ним:

— Да.

— …И живот твой вижу с впадинкой, и золотистые кудряшечки внизу, и ноги чувствую — от сгиба у бёдер до колен, потом до тонких лодыжек, до мизинчика…

Богдан, конечно, понимал, что допускает непозволительную вольность, но ничего поделать с собой не мог. Целовалась она, к сожалению, не очень умело, но с таким бешеным азартом и с таким удовольствием!.. Вот тело её выгнулось ему навстречу. Чувствовалось: она его так хотела, что убила бы, если бы он от неё отступился. А он, греховодник, вовсе и не думал отступаться…

Потом они лежали, обессиленные и опустошённые. Смотрели

друг на друга. Инге пыталась улыбаться. Но на это у неё не хватало сил.

— Йозеф, — только и смогла выдохнуть…

Их роман в «конторе», естественно, ни для кого секретом не был, тут ничего не упускалось из-под контроля. Но стоило Сташинскому попытаться вырваться «за флажки» и заикнуться о возможной женитьбе на юной немочке-парикмахерше, начальство сразу встало на дыбы: «Нет. И думать не смей».

Богдану тут же ставили в вину недостаточный патриотизм, не помешало даже то, что Инге была как бы «нашей» немкой. Перед Сташинским выросла глухая стена, хоть лоб до крови расшиби.

— Как ты мог, кретин, идиот, связаться с немкой?! — распекал Богдана начальник отдела Алексиевич. — Они же все нас ненавидят. 45-й год ни в кои веки не простят, поверь мне. Ну и что с того, что мы сегодня друзья? В душе каждый немец — потенциальный фашист. Ну не все, конечно. — Он вовремя осёкся. — Были у них и выдающиеся люди. Тот же Маркс, Энгельс, Роза Люксембург, Эрнст Тельман… Но всё равно подлый они народ, жлобы конченые. За марку удавятся. Тебе что, наших баб мало?.. Да полным-полно! От штабных до вольнонаёмных. Только помани, отбоя не будет… Может, она беременна? Так откупись от неё, и дело с концом. Пару тысяч марок ей с головой хватит. А?.. За деньгами дело не станет. Что ты молчишь?! Или думаешь, незаменимых нет?! — От отеческого тона не осталось и следа. Сейчас начальник уже устроил жёсткий разнос: — Ну, переспал так переспал. Так что теперь, из-за этого жениться необходимо? Ты у нас девственник, что ли? Это только у подростков, которые бабу впервые попробовали, сразу фантазии такие возникают — под венец…

Сташинский набычился:

— Это моё личное дело.

Генерал угрожающе навис над ним, опершись кулаками о стол:

— Ошибаешься! У чекиста нет личных дел! Оно одно — и то в секретном отделе. Тебе рассказать, какие уловки используют при вербовке? Любые слабости, любые промашки. Чистота личной жизни сотрудника — залог его безопасности и успешного выполнения служебного долга! Ты просто угодил в «медовую ловушку», имеется такая у баб. Все беды от них, ты уж поверь мне…

— Но ведь человек живёт не только для исполнения служебного долга, — робко попытался возразить Богдан.

Начальник отдела побагровел:

— А для чего ещё?! Красивой жизни захотелось? Под бочок к своей сдобной немочке завалиться, и все дела, так?! — Он прищурился: — Кстати, не такая уж она раскрасавица! Я видел оперативные снимки. Ну что ты в ней нашёл?! Да таких пучок на пятачок… Или что, у них там не так всё устроено, как у наших баб?..

Москва, Комитет государственной безопасности. Март 1958

Богдан уже собирался домой (благо прежний «ночной режим» на Лубянке, о котором с ностальгией вспоминали редкие старожилы, постепенно менялся на более или менее нормальный), когда раздался резкий телефонный звонок.

— Богдан Николаевич, — сказал дежурный по управлению, — вас ждёт начальство, поторопитесь.

Шагая по длинному, слабо освещённому коридору, Сташинский мысленно анализировал и просчитывал возможные варианты неожиданного вызова. Оперативные сводки подготовлены, вот они, в папке, в левой руке. С агентурой он связан не был по конспиративным соображениям. У ликвидаторов максимально ограниченный круг общения. По занятиям у преподавателей и тренеров особых замечаний как будто нет. Очередная командировка? Он, как юный пионер, всегда готов. Тем более с Инге, считай, уже больше двух месяцев не виделся… Но в душе всё же зрело какое-то недоброе предчувствие.

Интуиция Богдана не подвела. Непосредственный начальник Сташинского при появлении агента аккуратно закрыл лежащую перед ним серую папку с какими-то бумагами, кивнул на стул у приставного столика:

— Садись.

Кабинет был большой и скучный. Ничего лишнего. Плотные шторы на окнах. Сейф. Книжный шкаф, целую полку которого занимал стройный ряд тридцати тёмносиних, почти чёрных томов собрания сочинений Максима Горького. Верхний свет был выключен. Лишь на столе горела настольная лампа. На стене за спиной хозяина кабинета висел портрет Дзержинского, на противоположной — большая карта мира.

— Так, Богдан, слушай меня внимательно. В целом я доволен твоей работой, успехами на занятиях. Инструкторы тебя хвалят. Только немецкому всё же больше внимания уделяй, поднажми на диалекты. Но в целом ты молодец.

— Спасибо, Пётр Григорьевич.

— Но, думаю, ты несколько засиделся… Кстати, — неожиданно спросил начальник, — как твои бытовые дела? Ты в «Москве» по-прежнему?

— Ну да, привык уже. Обжился, акклиматизировался, постепенно привыкаю к столичной жизни.

— Ну и ладненько. Так вот, Богдан, — вновь круто сменил

тему Пётр Григорьевич, — готовься к спецкомандировке. Задание ответственное, даже более чем ответственное, — жёстко подчеркнул он. — Есть новый объект. Всё то, что было в Мюнхене, считай, являлось как бы генеральной репетицией, понял?

Ответ Сташинский отчеканил, как учили:

— Так точно, товарищ полковник, понял!

Начальник отдела внимательно посмотрел на ликвидатора:

— С доктором у тебя всё прошло чисто, без брака, чин чинарём. Ты всё сделал правильно, не наследил, у наблюдателей замечаний не было. Сегодня уже даже все мюнхенские хохлы заткнулись, позабыли своего профессора… В общем, твоя кандидатура согласована. О новом объекте получишь полную информацию. Если в двух словах: эмигрант, националист отпетый. Зовут Стефан Попель. На днях отправишься в Голландию, там оуновцы затевают некоторые мероприятия. Он тоже там должен быть. Твоя задача проста: только наблюдать, никаких активных действий. Потом всё подробно доложишь Сергею. Да, — заметив вопрос, вертящийся у Богдана, уточнил полковник, — именно так, после Роттердама в Москву ты уже не возвращаешься, остаёшься на какое-то время в Берлине… Все текущие задания передашь Осетинскому. Я уже распорядился, он в курсе.

В общем, делай то, что умеешь делать хорошо, и не забивай себе голову высокими материями. Боишься?.. Правильно. Стало быть, не дурак. Впрочем, я в тебе не сомневаюсь. Только законченные тупицы считают, что самая первая ликвидация — самая трудная. А дальше, мол, всё катится как по маслу. Чушь! Это не так. По себе знаю. Глаза боятся — руки делают. Знаешь, есть такая расхожая фраза: «Чтобы победить противника, нужно в первую очередь победить самого себя, преодолеть собственный страх…»? Ну и так далее. Считай, подготовка к будущей акции уже началась. Давай, парень, шагай. Завтра со всеми вопросами ко мне к 17.00.

Роттердам. Май 1958

— Свежо, — предупредил охранник, открывая дверцу «опеля», — с реки сыростью тянет, Степан Андреевич.

— Ничего страшного. — Бандера вышел из машины, оправил пиджак. — Пиджак не помялся?

— Да нет, всё вроде в порядке.

— Ну, веди. Ты знаешь, где могила-то?

— Конечно. Вот план кладбища, место № 1111. Словно специально номер подбирали…

— Да, — коротко сказал Бандера, — специально, с особым, знаешь ли, значением.

Они прошли через центральные ворота кладбища Кроосвейк, свернули направо. Ещё чуть-чуть, и перед ними открылось чёрное мраморное надгробие в виде казацкого креста. На нём был выбит трезубец (в виде эмблемы ОУН) и надпись кириллицей «Евген Коновалец».

Здесь уже собралось немало народу, и, хотя разговоры велись тихо, над толпой всё равно стоял приглушённый гул, напоминая пчелиный рой. Бандера не стал обходить всех присутствовавших с приветствиями. Скорбно смежив веки, сперва поклонился могиле, а потом тем, кто пришёл почтить память Коновальца. Кому положено и позволено, сами потом подойдут.

— Порядок? — обратился он к охраннику.

— Конечно, Степан Андреевич. Всё в норме. Я присматриваю.

— Давай-ка отойдём.

Вдвоём они свернули с главной аллеи на боковую. Остановившись в тени какого-то дерева, Степан Андреевич вынул из кармана несколько аккуратно сложенных листков с тезисами речи памяти основателя Организации украинских националистов.

Проговаривая вполголоса текст, Бандера обратил внимание на белых кроликов, которые, ничего не боясь, сновали чуть не под ногами.

— Откуда? — Он поднял удивлённые глаза на охранника.

— Да это местная достопримечательность, Степан Андреевич, — пояснил тот. — Прижились, все уже привыкли, их тут подкармливают. В руки не даются, но приближаться к себе позволяют, людей не боятся.

— Надо же, — усмехнулся Бандера, — да у нас бы их давно…

Охранник был готов хихикнуть, но, вспомнив о скорбном месте и дате, опустил голову. Степан Андреевич, уже забыв о «местной достопримечательности», что-то черкал в своих заметках. Он не обращал внимания на молодого, лет тридцати,

статного темноволосого молодого человека, который стоял чуть поодаль со скромным букетиком в руках и время от времени поглядывал в их сторону.

Сташинский удачно подгадал время, приехав на Кроосвейк до начала траурного митинга, посвященного 20-летию со дня смерти Коновальца. Ещё на стоянке перед кладбищем он вычислил синий «опель-капитан» с известными ему мюнхенскими номерами и теперь неторопливо прогуливался поблизости места предстоящей церемонии в поисках хозяина знакомого авто…

— Двадцать лет — это, безусловно, совсем небольшой временной отрезок в жизни человечества, — негромко, глухо и монотонно бубнил оратор, время от времени отрываясь от лежащего перед ним текста. — Да, но только не то двадцатилетие, которое пролегло между нынешним днём и трагичным маем 1938 года. Оно наполнено событиями такого исторического значения, что по своей весомости могут сравниться с целыми столетиями других эпох… А уж в истории украинского народа и украинской земли это двадцатилетие зарубцевалось такими событиями и процессами, долговременными переменами и трагическими событиями, что их хватило бы на долю многих поколений… И вот стоим мы над могилой этого необыкновенного мужа, полковника Евгена Коновальца. Двадцать лет прошло, как в этой чужой земле, далеко от отчизны, покоится тело одного из великих сынов Украины…

Сташинский увидел, как Бандера оторвался от текста, сделал паузу и промокнул платком сухие глаза.

— Смыслом всей жизни славной памяти Евгена Коновальца было абсолютное самопожертвование и последовательная борьба за волю своего народа, за осуществление на украинской земле, в Украинской державе христианских начал, общечеловеческих и национальных идеалов — воли, правды и справедливости. Бессмертие великой идеи увековечивает и освящает память покойного Полковника, ибо он совершил чрезвычайно много для победы этой идеи… Большевистская Москва хорошо знала незаменимость полковника Коновальца как Проводника украинской национально-освободительной борьбы, украинского национального движения. Убивая Проводника, враг надеялся не только обезглавить Движение, но и полностью его уничтожить. Однако уничтожить Организацию украинских националистов, остановить её борьбу большевикам не удалось даже путём убийства её Вождя.

Когда гитлеризм однозначно проявил свою захватническую сущность, раскрыл свои планы и колониальные методы против Украины, ОУН, не страшась трагичности войны на два фронта,

перешла к широким вооружённым действиям, организовав Украинскую повстанческую армию… Неблагоприятные внешние обстоятельства не позволили поднять восстание против большевизма и добиться государственной независимости Украины. Международное положение помогло Москве бросить отмобилизованные в войне армии на удушение освободительной борьбы Украины и других народов, угнетённых большевизмом. Но ОУН — УПА не сложила оружия и не прекратила борьбы… Когда мы стоим над могилой Того, кто был в нашей общей борьбе Первым, Самым Значительным, Единственным, то скорбь и боль охватывает наши сердца с такой неутешимой остротой… — Бандера вновь поднёс платок к глазам, — как тогда, двадцать лет назад, когда впервые, при разных обстоятельствах и не одновременно, но одинаковой молнией сразила нас страшная весть о гибели Полковника. И время, которое прошло с той поры… не в силах смягчить эту скорбь. В двадцатую годовщину смерти Евгена Коновальца прибыли к месту Его гибели сотни сыновей и дочерей украинского народа, чтобы на могилу этого Великого Украинского Патриота, Борца и Проводника положить венки и почтить Его светлую память. Прибывшие — это посланники всей нации, которая хранит память о своём Великом Сыне… И каждый из нас достойно завершит преклонение перед Его памятью, если во время молитвы за вечное счастье Его души даст обет над Его могилой: идти по его следам, всю жизнь отдать на благо Украины и бороться до смерти за её свободу. Чтобы победа великой идеи и правды на века закрепила память и славу их Великого Борца-Подвижника Евгена Коновальца.

За спиной Богдана кто-то из мужчин чуть слышно вздохнул: «Да-а. Умница таки Степан. Лучше не скажешь…» По щекам пожилой женщины, которая стояла рядом, безостановочно катились слёзы. К могиле медленно потянулись люди с цветами. Сташинский тоже подошёл к надгробию, положил свой букетик. Отойдя в сторону, огляделся, ища глазами Бандеру. Увы, но синего «опель-капитана» на автостоянке уже не было…

Западная Германия — Москва. 1959

Довольно скоро господин Ганс Иоахим Будайт (на сей раз под таким именем действовал ликвидатор) убедился, что мюнхенский адрес герра Попеля, которым снабдил его Сергей, оказался пустышкой. Во всяком случае, в указанном районе, у моста Людвига, места жительства «объекта» обнаружить не удалось. Помог самый обыкновенный справочник из телефонной будки.

Без всякой надежды на успех «Будайт» открыл увесистый том на литере «П», пробежал по всему перечню и — вот так удача! — обнаружил запись «Литератор Стефан Попель, Мюнхен, улица Крайтмайр, 7» с указанием номера домашнего телефона.

«Будайт» отыскал этот тихий, уютный переулочек. Самый обычный пятиэтажный дом, явно послевоенной постройки. Подошёл ближе к подъезду, быстро осмотрел входную дверь: замок защёлкивается автоматически, значит, чтобы попасть внутрь, нужен ключ. В списке жильцов увидел фамилию Попеля, рядом кнопки домофона.

На следующий день, около девяти утра Богдан вновь был на Крайтмайршрассе. Вновь повезло. Во дворе дома из гаража как раз выезжал знакомый «опель». За рулём был тот самый мужчина, которого в мае прошлого года он видел на кладбище в Роттердаме. Доброе утро, герр Попель.

Ещё несколько дней ушло на изучение привычек «клиента», его рабочего графика, круга общения. Теперь «Будайт» назубок знал маршруты и график передвижения Попеля: во сколько тот отправляется на службу, в штаб-квартиру ОУН, на Цеппелинштрассе, 67, во сколько и где обычно обедает, когда возвращается домой. Судя по всему, Попель был склонен к размеренному, стабильному образу жизни, не менял привычек, каких-либо неординарных контактов зафиксировать также не удалось.

Собранной первичной информации было вполне достаточно, и «Будайт» мог возвращаться домой, на базу в Карлсхорсте, где кроме служебных дел его ждала встреча с Инге. На 15 апреля уже была назначена помолвка. Впрочем, помолвка — ещё не свадьба, но всё-таки…

Через неделю поступила команда отбыть в Москву. На Белорусском вокзале его встретил незнакомый молодой человек, который назвал условную фразу и предложил проводить до гостиницы. По дороге разговаривали мало, обходясь общими фразами. Только оказавшись в номере, связной сообщил «Крылову», что завтра сюда, в гостиницу, к нему прибудет один

из руководителей Комитета, назвав его Георгием Аксентьевичем.

— Мы будем около двенадцати. А пока отдыхайте, занимайтесь личными делами, погуляйте по Москве. Вот вам суточные. — Он вручил увесистый конверт. — До завтра.

Когда связник удалился, Богдан пересчитал деньги. Сумма получалась немаленькая, хотя он толком не знал, на что хватит его «командировочных», в московских ценах он ориентировался хуже, чем в берлинских. К примеру, сколько здесь стоит бутылка пива, не знал и, когда покупал его в буфете, удивился дешевизне.

Назавтра ровно в полдень в дверь его номера постучали. На пороге стоял крупный, представительный мужчина лет сорока — сорока пяти и вчерашний связной.

— Знакомьтесь. Это — Георгий Аксентьевич.

В отличие от своего несколько суетливого спутника Георгий Аксентьевич держался уверенно и спокойно. Пожав руку Богдану, прошёл в общую комнату. Скептически оглядев номер, покачал головой и пригласил присесть. Разговор высокий чин (а это сразу узнавалось и по поведению, и по манере речи) начал с ничего не значащих фраз, поинтересовался впечатлениями о Москве, потом задал несколько конкретных вопросов о берлинской жизни, в частности о реакции обывателей на существующие неудобства, связанные с разделом германской столицы на секторы влияния между союзниками.

— Как вам Мюнхен? — спросил Георгий Аксентьевич, проявляя осведомлённость о территориальных перемещениях «Будайта». И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Принято решение по Бандере: *отминусовать*. Способ ликвидации менять не станем. Навыки ещё не забыли?

— Никак нет.

— Не напрягайтесь, товарищ Крылов, — поморщился Георгий Аксентьевич. — Не на плацу. Поговорим лучше о нашем «аппарате». В сущности, принцип действия остался прежним. Но по сравнению с предыдущей моделью имеются некоторые усовершенствования. Во-первых, на этот раз «пистолет» будет сдвоенным, то есть с двумя стволами, которые можно использовать как одновременно, так и поочерёдно. То есть любой сбой исключается. Откажет один, жмёшь на другой спуск — и всё. Конструкторы учли наши пожелания. Бандера, насколько известно, обычно вооружён и всегда передвигается в сопровождении охранника. Так? Вот вам и предназначение дополнительного ствола.

— Охранник?..

— Естественно, и охранник подлежит ликвидации… Во-вторых, дуло оснащено сеточками, которые удержат от выброса

стеклянные осколки, даже самые крошечные… Теперь о том, где… Идеальный вариант — в подъезде дома на Крайтмайр. Чтобы попасть туда, наши умельцы изготовили универсальный ключ-отмычку… В крайнем случае — сработать можно будет в гараже во дворе дома. Всё ясно?

— Так точно.

— Я уже сказал тебе, Крылов, мы не на плацу, — с усмешкой сказал Георгий Аксентьевич, оглянулся на своего помощника и скомандовал: — А теперь давай-ка сюда шампанское и фужеры.

Ну, за успешное завершение нашего дела. От нас ждут результатов. Хороших результатов. — Они выпили, и после этого разговор зашёл на самые разные темы. — В Москве задержишься ещё на несколько дней. Посмотри столицу, пользуйся возможностью. Это ведь позор — Германию знаешь как свои пять пальцев, во всех крупных городах там успел побывать, а Москву толком не видел… Кстати, послезавтра 1 Мая. Гриша, — гость обратился к своему спутнику, — товарищу Крылову будет интересно и полезно посмотреть парад, праздничную демонстрацию, верно?

Реши вопрос с пропуском на Красную площадь на трибуну…

Сразу после майских праздников «Крылов» уже приземлялся в Берлине. Встречавший его Сергей был на сей раз немногословен: «Ждём команды».

Хотя мюнхенский отель «Шотенгамель» и считался заурядным, средней руки заведением, но номера в нём были значительно богаче, чем в подобных гостиницах в Москве. Богдан распахнул окно. Возле большого магазина «Герти», располагавшегося напротив отеля, сновал народ. Пасмурно, прохладно, хотя уже май на дворе. Да и настроение так себе, соответствующее.

Потом, придвинув к себе журнальный столик, «Будайт» перебрал своё снаряжение. Так, универсальная отмычка с пятью различными наконечниками. Собственно сам двуствольный «аппарат» с ампулами. Отдельно десять таблеток с противоядием и ампулки, содержание которых нужно было вдохнуть сразу же после выстрелов…

На часах — почти половина девятого. Пора! Авось сегодня повезёт. Агент проглотил таблетку, запил водой и двинулся на «промысел». Около девяти он уже был у дома Попеля. Бесцельно прогулялся по соседним улочкам, вновь вернулся на Крайтмайрштрассе. Гараж был по-прежнему заперт. «Будайт» взглянул на часы: уже одиннадцать, маячить тут дальше бесполезно. Он отправился к мосту Людвига, заглянул в

Немецкий политехнический музей. Прошло ещё минут сорок.

В обед Попель дома тоже не появился. Значит, опять пустышка, третий день подряд. На хрена, спрашивается, он сегодня эту таблетку глотал? Надо будет, кстати, спросить у наших «химиков», может, у этого препарата какой-нибудь побочный эффект имеется?.. Не зря же всё время голова трещит, на коже какие-то болезненные ощущения. То озноб, теперь вот испарина. Наверное, температура немного скачет. Может, простыл?.. Только этого ещё не хватало.

Свербящее предощущение тревоги и опасности не оставляло ликвидатора. К тому же вчера случилась неприятность. Выждав подходящий момент, Богдан решился на деле испытать отмычку и проникнуть в подъезд. Благо пешеходов на улице почти не было. Попробовал одну насадку — не то, вторую — тоже мимо. С третьим наконечником и вовсе приключилась беда — застрял. Проклятье! Он с силой попытался провернуть ключ в замке, но тот был неподвижен, как заколдованный. И вдруг — кряк! — наконечник обломился и провалился в замочную скважину… «Медвежатник», мать твою!

Лишь на пятый день «Будайту», который на этот раз стоял неподалеку на улице Занд, наконец удалось засечь, как Попель, сидя за рулём своего «опеля», без сопровождения охраны (!), медленно заезжал во двор дома. Первоначальный план пришлось менять на ходу: теперь следовало догнать Попеля, вместе с ним войти в подъезд, а там уж — как получится. Он двинулся за «объектом», на ходу доставая из кармана заветный газетный свёрток. Попель был уже совсем рядом, в двух-трёх шагах. Ещё немного — и… Но в последний момент «Будайт» неловко споткнулся и остановился. Нет! Почему «нет»?! Чёрт его знает, что-то остановило… Лоб мгновенно покрылся мелким противным потом, руки задрожали. Богдан резко развернулся и почти бегом устремился в сторону тошнотворного Королевского сада.

Там забрёл на какую-то пустынную аллейку, огляделся и разрядил смертоносный яд прямо в землю, а потом зашвырнул «аппарат» и испорченную отмычку в канал.

Вернувшись в отель, незадачливый ликвидатор попытался без спешки, шаг за шагом проанализировать происшедшее, понять, какой голос свыше его остановил и, может быть, спас? Так и не придя к какому-нибудь здравому выводу, понял одно: он попал в жёстокий цугцванг, то есть оказался в патовой ситуации, при которой любой ход шахматиста способен только ухудшить позицию. Ведь решение уже было принято, и вовсе не им.

Через две недели из Москвы в Карлсхорст спецпочтой доставили посылку для Богдана: точно такой же пистолет с

зарядами, усовершенствованный набор отмычек и дополнительные нейтрализаторы ядовитого газа. Опять следовало ждать и надеяться на счастливый случай.

Мюнхен. 15 октября 1959

Никогда и ни при каких обстоятельствах Степан Андреевич не расставался с личным оружием. Справа под мышкой (Бандера был левшой) в кожаной наплечной кобуре постоянно находился заряженный револьвер. За Проводником тенями следовали охранники.

Правда, «отца утомляла постоянная охрана, — уточняла дочь Наталка, — и иногда он бывал очень неосторожен. Он твёрдо верил, что находится под Божьей защитой и говорил: если меня хотят сжить со света, то уж непременно найдут способ ликвидировать даже вместе с охраной».

Между тем Служба безопасности ОУН, оправдывая своё существование, усердно стращала Проводника вездесущими агентами Кремля, а также информировала об успешно проведённых операциях по их ликвидации.

…1947 год. Некий Ярослав Мороз якобы готовился исполнить приказ высшего руководства советского МГБ по уничтожению Степана Бандеры. Попытка покушения предотвращена. Весной следующего года в Западной Германии капитан польской Армии крайовой, агент Москвы Владимир Стельмащук (Жабски, Ковальчук) также готовил покушение, но, преследуемый СБ, скрылся за границей.

Ещё через год Степана Андреевича удалось заинтриговать сообщением о том, что в Праге, на специальной базе КГБ развернута полномасштабная подготовка к осуществлению уже спланированного убийства «вождя». Затем в поле зрения СБ попал подозрительный немец, родом с Волыни, Степан Либгольц. Чуть позже бдительная охрана задержала мелкого чешского коммерсанта, некоего Винцика, который с неизвестными целями разыскивал адрес школы, в которой учился сын Бандеры Андрей…

Возглавлявший в начале 1950-х годов разведку 34 ОУН Степан Мудрик-Мечник рассказывал, что, по данным завербованного им агента Зажицкого, КГБ СССР имел поручение от высших чиновников Кремля любой ценой физически уничтожить всю верхушку Организации — Степана Бандеру, Ярослава Стецько, Степана Ленкавского и самого Мудрика. За свои сведения Зажицкий требовал всего лишь несколько тысяч марок, уточняя при этом: «Помните, что в счёт входят такие технические средства, каких мир ещё не знает». Но на его предложение тогда не купились, а зря…

Даже если поделить все эти данные спецслужб ОУН, не

вызывает сомнений, что охота на Бандеру никогда не прекращалась.

…Едва Богдан почувствовал оружие в кармане пиджака, в нём что-то изменилось совершенно непостижимым образом. Он и сам вряд ли смог бы внятно объяснить, в чём заключается эта метаморфоза. Улыбнулся, вспомнив слова одного из своих московских учителей: «Мужчины деляется на две категории: у одних есть оружие, а у других его нет».

Сейчас он чувствовал себя спокойно и уверенно, голова была ясной. Безоружное и безвольное существо в одно мгновение преобразилось в «человека с ружьём», готового выполнить приказ.

В этот день «Будайт» внёс коррективы в привычный график слежки. Теперь утро он начал не с дома Попеля, а расположился неподалеку от оуновской конторы на Цеппелинштрассе. Около двенадцати из подъезда вышли двое — «объект» в сопровождении какой-то женщины, — сели в машину и куда-то покатили.

* * *

Захлопнув папку с тиснением «Строго конфиденциально», в которой, впрочем, не было ничего мало-мальски интересного, Степан Андреевич встал из-за письменного стола и подошёл к окну. Во дворе дворник сгребал граблями в кучи опавшие листья, его помощник утрамбовывал охапки в большие бумажные мешки. Через час-другой сюда подъедет мусорная машина, они забросят в кузов свой кажущийся невесомым груз и вывезут на городскую свалку. Какого лешего, ведь можно сжечь всё это прямо во дворе?! Степан Андреевич вздохнул, явственно вспомнив горьковато-сладкий запах палёных листьев…

Он прикрыл глаза. Ни к какой работе его сегодня совершенно не тянуло, просто душа не лежала. Хотелось махнуть на всё рукой, сесть в машину и поехать куда-нибудь за город. Без охраны, без водителя, одному. А лучше со спутницей… Или отправиться на стадион, где сегодня его любимая «народная» команда, клуб «Мюнхен-1860», принимает спесивую «Баварию». Посидеть на трибуне, поглазеть на игру футболистов, погорланить — и ни о чём вообще не думать. А потом заглянуть в биргартен «Левенброй колер», посидеть за пивом…

Впрочем, Степан Андреевич, конечно, прекрасно понимал, что всё это невозможно. Уже несколько лет он не покидал помещения (дома, конторы) и не появлялся на улице или (при крайней необходимости) в присутственных местах без

вооружённых телохранителей. Мало ли что.

Время-то уже почти обеденное, пора бы уже перекусить, немного отдохнуть. Он выглянул в приёмную. Как назло, именно в этот момент куда-то запропастился безалаберный охранник. Чёрт с ним. Степан Андреевич не имел никакого желания дожидаться этого олуха.

— Фрейлейн, вы не откажете мне прокатиться вместе на рынок? — обратился он к своей секретарше. — Мне без женской подсказки будет трудно.

— Конечно, — живо откликнулась молодая женщина, которой сидение в четырёх стенах уже порядком опостылело. — А что вы желаете купить?

— Я во всём полагаюсь на вас. — Бандера, как ему казалось, многозначительно и выразительно ухмыльнулся.

15 октября 1959 года Степан Андреевич Бандера грубейшим образом нарушил одну из заповедей «12 примет характера украинского националиста», а именно: «Осторожный. Это означает, что всегда придерживается всех основ конспирации».

На рынке, прохаживаясь между рядами, Бандера, по совету спутницы, остановил свой выбор на замечательно краснощёких помидорах, по пути купил несколько пучков зелени и пару килограммов яблок. Продавцы уложили покупки в бумажные пакеты. Степан Андреевич подхватил их под мышку и направился к машине.

Лукавая фрейлейн Мак, которая с удовольствием допускала в отношениях со своим хмурым шефом некоторую фривольность, пользуясь благостным настроением Степана Андреевича, попросила разрешения задержаться на рынке, ей нужно было купить свиные рёбрышки. Бандера махнул рукой, мол, ради бога, оставайтесь здесь, сколько нужно, но к четырём будьте на работе. Вы мне ещё понадобитесь. Потом сел за руль и уехал.

К тому времени «Будайт», добравшись трамваем до Крайтмайрштрассе, был уже на посту, облюбовав себе арку одного из домов на пересечении улиц Занд и Дахауэр, дабы лишний раз не маячить на виду у редких прохожих. Он терпеливо ждал, боясь моргнуть лишний раз, чтобы не пропустить появление Попеля, и всё же синий «опель» обнаружился совсем неожиданно, поворачивая во двор. За рулём находился мужчина, в котором агент безошибочно узнал Попеля.

Пока водитель припарковывал «опель», пока возился, доставая из кабины какие-то пакеты, Сташинский уже был в двух шагах от дома номер 7. На ходу он вынул газетный свёрток, готовя оружие к бою. Быстро, с некоторой опаской сунул ключ-отмычку в челюсти предательского замка, осторожно повернул —

слава богу, всё сошло благополучно, дверь мягко отворилась. В подъезде агент мигом взлетел на несколько ступенек, остановился на площадке у лифтов, откуда его нельзя было увидеть от входа, и затаился, обратившись в слух. Так, зер гут, всё идёт по плану. Указательный палец уже крался к спусковому крючку…

Проклятье! Где-то наверху раздался какой-то подозрительный шум, открылась дверь, и женский голос произнёс: «Ауфвидерзейн», и тут же послышались лёгкие шаги — кто-то спускался по ступенькам. Это ещё что там за лахудра?! «Будайт» на всякий случай нажал кнопку вызова лифта.

Каждый месяц 15-го числа, день в день Кресценция Губер получала от любезной фрау Вайнер конвертик за уборку квартиры. 135 марок были далеко не лишними. Хотя для этих Вайнеров такие деньги, судя по всему, сущие гроши. Кресценция медленно спускалась по ступенькам, решая сложную задачу: заслужил ли её Фридрих в этом месяце некой суммы на пиво, или на этот раз муженёк может обойтись? Спустившись, фрау Губер мельком взглянула на темноволосого мужчину, который стоял у лифта.

— Грюс Готт!

Мужчина что-то буркнул в ответ. Кресценция чуть слышно фыркнула, но этот тип даже не обернулся. Подумаешь… На улице она отщёлкнула свой прикованный к поручню велосипед и, с трудом взгромоздившись в седло, направилась домой.

«Герр Попель», учтиво пропустив даму в дверях, начал медленно подниматься по лестнице, еле удерживая свои пакеты. Какой-то господин спокойно шёл ему навстречу. Поравнявшись с «объектом», «Будайт» неожиданно для себя повторил только что услышанные от фрау слова баварского приветствия:

— Грюс Готт.

— Да-да, добрый день, — обернулся к нему «герр Попель».

Лицо мужчины показалось ему знакомым. Новый сосед, что ли? Или нет, кажется, он просто видел этого человека в церкви во время воскресной службы… Бандера не узнал свою смерть, наивно полагая, что это должна быть грязная старуха с косой, или человек в погонах, или полоумный с топором.

Сташинский поднял оружие, всё ещё обёрнутое в газету, и выстрелил сразу из двух стволов прямо в лицо Бандере, который взмахнул рукой, но цианид пули-ампулы уже попал ему на кожу. Он начал медленно оседать, пакет выпал из слабеющих рук, разорвался — и красные помидоры покатились в разные стороны…

Богдан, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, спокойно

вышел из подъезда. Дверь за ним мягко захлопнулась. Его трясло от волнения, но он чётко помнил последовательность дальнейших действий.

Через минуту-другую из одной из квартир выглянула, заинтересовавшись странным шумом на площадке, женщина. Увидев распростёртое на лестнице тело соседа, женщина закричала тонким пронзительным голосом. Тут же на площадку выскочила Ярослава Бандера и наткнулась на неподвижно лежащего мужа. Сок раздавленных помидоров она приняла за кровь…

Никаких криков за спиной Богдан уже не слышал. На улице он непринуждённо выронил отмычку в канализационный сток, а самую опасную улику — смертоносный «аппарат», — как и совсем недавно, запустил в тёмный канал в Гофгартене.

Отсюда до вокзала было рукой подать. Вперёд — во Франкфурт! Сташинский сидел в полупустом вагоне, смотрел в окно, не замечая убегающего назад пейзажа. Думал о том, что всё происшедшее с ним сегодня отчего-то совершенно не вызывает в нём каких-либо эмоций, кроме страха и обострённой подозрительности. У Богдана было странное ощущение, что во всём происшедшем он был не участником, а сторонним наблюдателем, как сквозь стекло следившим за развёртыванием событий. «Тем более, — убеждал он себя, — не только же я, но ещё и очень многие оказались вовлечены в соприкосновение с кровью и насилием. Хотя какая там кровь? Не было её и быть не могло». Чисто сработано. Он усмехнулся своей профессиональной лексике. И в то же время осознал: несмотря на весь пережитый ужас, случившееся позволяло видеть себя не только обезумевшим от страха зайцем, настигаемым волками, но в итоге победителем. Живая собака лучше мёртвого льва? Нет. Он заяц, он ощущал себя зайцем. А волк ощущает себя волком. Стоит поверить в себя, и ты уже не трясущаяся жертва, ты сам волк. Факт оставался фактом: он был жив, а этот Попель мёртв[28].

На следующий день утренним рейсом самолёта «Пан-Американ» Сташинский-Будайт вылетел рейсом Франкфурт — Берлин.

Опрокинутый на холодный пол в подъезде Бандера был без сознания, но ещё оставался жив. Однако лицо в ссадинах от ушибов быстро покрывалось чёрными и синюшными пятнами. Прибывшие на место происшествия санитары быстро уложили тело на носилки и загрузили в карету скорой помощи. По пути в больницу доктор зафиксировал смерть. По первичным признакам причиной, вероятнее всего, мог стать перелом основания черепа

вследствие падения. Причина? Может, споткнулся, предположил один из фельдшеров, или нога подвернулась. Другой, более опытный, покачал головой: наверняка приступ, внезапная остановка сердца, паралич.

Уже в клинике при более внимательном осмотре медиков привлекла небольшая ранка на верхней губе пострадавшего. Она-то откуда взялась? От удара о ступеньку? Вряд ли, больше похоже на неглубокий порез. Только после вскрытия и серии тщательных анализов экспертная комиссия обнаружила в организме покойника наличие синильной кислоты.

Уже вечером в редакции украинских эмигрантских газет поступило экстренное сообщение пресс-службы Организации: «Сегодня в час дня упал на ступенях дома и по дороге в госпиталь умер Проводник Степан Бандера».

На следующий день Провод ОУН опубликовал официальное соболезнование:

«С огромным прискорбием и глубокой болью сообщаем членам ОУН и всему украинскому сообществу, что 15 октября 1959 г. в час дня погиб от вражеской руки великий сын украинского народа и многолетний руководитель революционной борьбы за украинскую независимость, Председатель Провода Зарубежных Частей Организации Украинских Націоналистов сл. п. Степан Бандера, родившийся 1 января 1909 г., член Украинской Военной Организации с 1927 г., *член Организации Украинских Националистов с 1929 г., а затем до 1934 г. её Проводник и одновременно Краевой Комендант УВО, и с 1933 г. член Провода Организации Украинских Националистов, Председатель Провода Украинских Националистов с 1940* г., *Председатель Бюро Провода всей ОУН с 1945 г. Многолетний заключённый польских тюрем, приговорённый к смертной казни, заменённой на пожизненное заключение, и узник немецких тюрем и концлагерей с 1941 по 1944 г.*

Похороны состоятся в Мюнхене 20 октября 1959 г. в 9 час. Заупокойная Служба Божья — в церкви Св. Иоанна Крестителя на Кирхенштрассе. В 15 час. — панихида и похороны на кладбище Вальдфридхоф.

Траур продлится два месяца — с 15 октября по 15 декабря 1959 г.

Вечная и Славная Ему Память!»

Мюнхен, кладбище Вальдфридхоф. 20 октября 1959

Погодка выдалась на славу, просто благодать Божья: солнышко, теплынь, полное безветрие. С раннего утра Сергей, курировавший все мюнхенские акции Сташинского, уже был на старом кладбище на окраине города, которое называли лесным благодаря здешнему богатому парку. Изображая скучающего провинциала, бродил по дубовым аллеям, время от времени задерживаясь у наиболее помпезных надгробий. Пауль Хейзе, писатель, лауреат Нобелевской премии. Первый раз слышу… Франц фон Штук, живописец, скульптор… Это ещё что за фрукт?.. Клаус Каммхубер… Кто такой?.. Но вот и знакомая фамилия — Лев Ребет, «крестничек», так сказать… Сергей почтительно снял шляпу, постоял минуту-другую у могилы, склонив голову. Пусть земля тебе будет пухом…

Между тем народу на Вальдфридхоф, особенно в так называемом «украинском квартале», становилось всё больше, хотя до начала официальной церемонии прощания с телом Степана Андреевича Бандеры, назначенной на 15.30, оставалась ещё уйма времени. Своих ребят под видом кино— и фотохроникёров Сергей заблаговременно рассредоточил по периметру на разном расстоянии вокруг будущей могилы Проводника. На инструктаже предупредил: никаких панорамных съёмок, нужны только крупные планы, плёнку не жалеть. Потом всё пригодится — когда ещё в одну кучу соберётся вся эта эмигрантская шушера?..

Пристроившись на одной из лавочек, корреспондент еженедельника «Украинская мысль», выходящего в Лондоне, делал в блокноте наброски будущего траурного репортажа: «Над Мюнхеном стояла золотистая осень, но день 20 октября был серым, неприветливым. Хотелось, чтобы его вообще не было, чтобы то, что должно было произойти, никогда не произошло… Но законы жизни грубы, как и те силы, которые вырвали из наших рядов одного из самых лучших…»

Похороны Бандеры

На отпевание в украинскую церковь Св. Иоанна Крестителя Сергей не поехал. Что там могло быть неординарного? Богослужение и есть богослужение. Ему эти обряды… Здесь же, на кладбище, обязательно найдётся за чем и за кем понаблюдать. Было бы глупо затевать здесь какие-то беспорядки, провокации и уж тем более теракты. К чему? Но националисты, усиленно нагнетая обстановку, заставили-таки всполошиться германские власти, и сегодня на Вальдфридхоф от полицейских в глазах

рябит. И крипо[29], и политическая полиция, и специалисты-«взрывники» с натасканными собаками. Вон там, во дворе часовни, затихарилась целая гвардия до зубов вооружённых бойцов. Кроме них, десятка два хлопцев (явно из Службы безопасности ОУН) с хмурыми лицами шныряют между могилами… Ей-богу, смотреть смешно.

Но вот и началось… Прямо у кладбищенской часовни цинковый гроб медленно и торжественно стали опускать в ещё одну домовину — дубовую. «Да не коснётся тело светлой памяти Степана Андреевича чужой земли», — услышал шепоток слева за плечом Сергей. «А могилка-то и вовсе забетонирована», — уточнил ещё кто-то рядом.

После панихиды, которую отслужил отец прелат Пётр Голинский, пришла пора почётного караула ближайших соратников у гроба, покрытого жёлто-блакитным флагом. Наконец двинулась в скорбный путь похоронная колонна. За крестом шествовали священники, знаменосцы, друзья несли на багряных подушечках чаши с землёй с Украины и черноморской водой…

«Цирк, фарс, шуты гороховые, клоуны», — ругался про себя Сергей, глядя соответствующими скорбным минутам печальными глазами на это театрализованное действо прощания.

По сторонам дороги стояли венки с надписями: «…От общественных организаций в Бельгии», «…От школы в Париже», «…украинцев в Мансфилде», «…Из Америки», «…От пластунов „Червона калина”», даже от ОУН Андрея Мельника. Безутешные оуновские писцы фиксировали для отчёта и потомков воздаваемые почести: «На могилу возложено свыше 250 венков от украинских политических, общественных и научных организаций, товариществ и учреждений».

…После пышных похорон того, кому уже ни к чему было скрываться под именем герр Попель, западногерманская пресса опубликовала подробные репортажи с траурных мероприятий, подчёркивая, что в похоронах Степана Бандеры приняли участие представители различных политических направлений, церковных конфессий, всего около полутора тысяч человек.

«Всё выглядело так, — писал репортёр одного из ведущих немецких изданий, — будто в украинской эмиграции совсем не существовало дрязг и разногласий. На похоронах над прахом Степана Бандеры, кроме его побратимов, выступали грузинский князь Никашидзе, болгарин доктор Вальчев, туркмен Вели Каюм-хан, словак доктор Покорны, румын Эмильян, хорват Билич, венгр Фаркаша де Касбарнак, англичанка Вера Рич… Затем представители украинских землячеств в западноевропейских и

заморских странах, все присутствующие простились с погибшим, мощным хором исполнив „Ще не вмэрла Украина”».

Провод 34 ОУН позже выступил с обращением:

«Друзья националисты!

В трагическую минуту смерти нашего многолетнего руководителя, Великого Сына Украинского Народа, славной памяти Степана Бандеры, призываем вас хранить в ваших, скованных болью сердцах твёрдую веру в победу нашего святого дела и Организации Украинских Националистов, ещё крепче и активнее сплотить свои силы для дальнейшей борьбы.

Париж, Роттердам, Белогорща, Мюнхен — кровавые отметины на пути к освобождению Украины, за которое положили свои головы лучшие борцы, — являются доказательством чрезвычайной жестокости вековечного врага Украины Москвы, которая физическим уничтожением проводников стремится обезглавить организованную боевую силу украинского народа.

На крови павших героев украинской освободительной борьбы всегда возгоралось героическое пламя, которое своим святым огнём порождало новых борцов для продолжения борьбы за Украинское Независимое Соборное Государство. Многолетний опыт, обретённый кадрами ОУН под руководством Степана Бандеры, и определённые им политические задачи враг убить не в состоянии. Они подтверждают неизменность нашего нынешнего пути в будущем.

Наша непоколебимость, единство, активность и выдержка — это единственный ответ врагу на его коварные и тайные удары, которыми он хочет устрашить и террором ослабить ведущую силу самой крупной порабощенной им страны.

Слава Украине! Героям слава!»

Во время очередного свидания в берлинском кафе «Варшава» Сташинский с оправданным любопытством спросил у Сергея, вернувшегося с похорон:

— Ну, как там всё прошло?

— Нормально, — лаконично ответил резидент и, усмехнувшись, добавил: — Всё чисто… Ладно, пойдём, не будем терять времени, нас ждут.

На конспиративной квартире начальник отдела Комитета в Карлсхорсте сразу после короткого знакомства предложил перейти в соседнюю комнату, где уже был накрыт стол на три лица.

— А теперь, Крылов, я должен сообщить тебе очень приятное известие, — приосанился генерал. — За успешное выполнение

ответственного задания ты награждён орденом Боевого Красного Знамени. Подчеркиваю — *Боевого*… Ты понял?..

— Так точно.

— Орден получишь в Москве. Выезжаешь сегодня… Полагаю, там ты задержишься на какое-то время, надо будет пройти дополнительный курс обучения. В будущем, — генерал подмигнул, — возможна работа по специальности в одной из стран Западной Европы. Впрочем, это уже не моя компетенция…

Провожая Богдана на вокзал, Сергей неуклюже пошутил: «С вещами — на выход!» Спохватился — и извинился.

По мнению осиротевшего Провода 34 ОУН, следствие по делу об убийстве С.А. Бандеры западногерманская полиция вела пассивно и формально. Не дожидаясь официальных результатов, решением Провода была создана своя комиссия по изучению всех обстоятельств смерти Бандеры.

На официальный запрос одного из членов этой комиссии Ярослава Бенцаля федеральная полиция Германии ответила весьма сухо и немногословно: «На Ваше письмо от 8.9.1960 сообщаем, что в связи со смертью господина Степана Бандеры 15.10.1959 были предприняты следственные действия „против неизвестного”. Эти следственные действия завершены, так как не обнаружено никаких подозрений в отношении какого-либо определённого человека».

В ответ секретариат Провода 34 ОУН обнародовал заключение своей «комиссии по изучению обстоятельств смерти сл. п. Проводника ОУН Степана Бандеры»:

«Комиссия пришла к таким выводам:

1) исключается возможность, что к покушению был причастен кто-либо из… окружения сл. п. Проводника или украинских политических сил вообще;

2) отбрасываются распространяемые, особенно на Украине, московско-большевистской пропагандой измышления об исполнении акции „сотрудниками Оберлендера”, а в эмиграции распространяемые большевистской агентурой слухи о причастности к акции американских сил;

3) отбрасываются нелогичные предположения о самоубийстве. Подобные предположения возникли под влиянием незнания и злобы или были специально придуманы врагом и его прислужниками для сокрытия политического характера убийства;

4) утверждается, что акция была давно спланированной и после неоднократных неудачных попыток окончательно исполнена 15.10.1959 в Мюнхене агентами большевистской Москвы.

Эти утверждения опираются, в частности, на такие данные:

а) со времени окончания Второй мировой войны были совершены попытки покушений в таких годах: 1946 — с киевской базы МГБ, 1948 — МГБ при посредничестве польской базы, 1952 и 1958 — КГБ через Восточный Берлин, весной 1959 — через пражский КГБ и летом 1959 — с восточноберлинской базы КГБ.

б) большевистская пропаганда против украинского национализма имела в последние два года отчётливую тенденцию к подготовке общественного „опиния” (мнения) на Украине к тому, чтобы оправдать убийство Проводника националистического движения.

в) несмотря на тщательную маскировку выполненного большевистскими агентами покушения, зафиксирован факт признания высокопоставленных КГБистских функционеров в исполнении ими убийства.

г) рассмотрением условий жизни и быта сл. п. Проводника Степана Бандеры обнаружено, что успешность многолетней охраны его личности со стороны Организации была затруднена тем, что враг располагал неограниченными техническими средствами, действовал с разных баз и использовал слабые стороны демократической системы свободного мира.

д) невзирая на интенсивные мероприятия сил Организации, немецких государственных следственных органов и иных специалистов, не удалось до нынешнего времени ни установить персонально исполнителей акции, ни окончательно восстановить способ её исполнения».

«В Восточном Берлине я видел в кинохронике, как Бандера лежал в открытом гробу. Вокруг стояли его родные. Для меня это было ударом, так как я впервые увидел, что я на самом деле натворил. Эти кадры вызвали у меня шок, который положил начало моему человеческому и политическому прозрению. Я впервые осознал, что это всё на моей совести. В этот момент для меня началось идейное перерождение, которое продолжалось бесконечно до момента моего побега. Если ранее я был убеждён в правильности политических целей Советского Союза, то я всё же сомневался относительно средств, которые применялись…»

Из протокола допроса Б. Сташинского.

14 сентября 1961 гЗападный Берлин

1959–1961

При составлении наградных представлений ценился не высокий штиль и изысканность эпитетов, а безукоризненная выверенность формулировок. В Комитете безусловным докой по части редактирования подобного рода документов слыл первый заместитель председателя, генерал-полковник Ивашутин. Редактируя представление на Сташинского, Пётр Иванович внёс лишь одну существенную поправку. После слов «…в течение ряда лет активно использовался в мероприятиях по пресечению антисоветской деятельности украинских националистов за границей и выполнил несколько ответственных заданий», немного подумав, поставил запятую и дописал: «… связанных с риском для жизни».

«Особая папка» с документами «не для печати» легла на стол председателя Президиума Верховного Совета маршала Ворошилова. Увидев характерную, чёткую подпись секретаря Президиума М. П. Георгадзе, Климент Ефремович без колебаний поставил чуть выше свой автограф в грамоте Указа. Он знал, что подобная бумага не могла попасть к нему без многочисленных спецпроверок и согласований, а посему подписал документ без колебаний, памятуя золотые слова Михаила Порфирьевича: «Президиум Верховного Совета СССР никогда не ошибается».

Канцеляристы шлёпнули гербовую печать и обозначили дату — «6 ноября 1959 года». Возможно, кто-то при этом завистливо хихикнул: «Дорого яичко к Христову дню…»

Алексей Алексеевич, начальник отдела, за которым числился Сташинский, был заранее предупреждён, что орден герою собирается вручать сам председатель Комитета. Поскольку лишний раз «светить» агента в доме на площади Дзержинского не рекомендовалось, он решил проинструктировать Богдана в гостинице.

Объяснив некоторые нюансы будущей церемонии, Алексеевич перевёл разговор на тему, которая его тревожила гораздо больше, а именно — отношения подчинённого с немецкой гражданкой Инге Поль. Но Сташинский, интуитивно чувствуя свой новый статус орденоносца, по-прежнему твёрдо стоял на своём: «Женюсь».

«Идиот, — думал опытный гэбэшник, — щенок, недоросль: „Не хочу учиться, а хочу жениться”. Мальчишка!.. Хотя какой мальчишка, скоро тридцатник уже стукнет. Но всё равно идиот». Собравшись с духом, он попытался говорить максимально

тактично, спокойно и убедительно:

— Пойми, ты совершаешь необдуманный поступок…

— Я уже давно всё обдумал, — возразил Сташинский.

— Не перебивай. Сначала выслушай начальство, а потом уже можешь возражать, — остановил его Алексеевич и, не удержавшись, добавил: — Если сможешь… Я искренне желаю тебе добра. Всё очень сложно. Как бы ты ни хотел скрыть от жены (будущей жены) род своих занятий, у тебя ничего не получится. Обязательно проколешься. Они — жёны — похлеще любой контрразведки. Ты сознательно роешь себе яму. Ты уверен в своей немке? Хорошо. Но будет ли она готова помогать тебе? У нас только так: жена нелегала — его правая рука, в экстренном случае — даже замена. Она способна на это? Сомневаюсь… Откажись от своих дурацких планов… Оглянись вокруг, посмотри, сколько прекрасных девушек даже в нашем Комитете! Мне бы твои годы… Подумай, в конце концов, о перспективах. Ты женишься на нашей девушке, вы вдвоём (а это громадный плюс в любой легенде) выезжаете на работу на Запад. Легализуетесь, работаете. Всё прекрасно — и для дела, и для тела. — Тут Алексеевич даже ухмыльнулся неожиданному для себя каламбуру. — В общем, вернёмся к этому разговору через несколько дней. Будешь готов — дай знать, я приеду к тебе сюда.

Но скрытый смысл этого приказа до Богдана так и не дошёл.

В назначенный день и час вместе со своим непосредственным начальником и тем самым Георгием Аксентьевичем он находился в приёмной председателя Комитета Александра Николаевича Шелепина. Его спутники хранили молчание. Богдан вспоминал то немногое, что слышал о новом «хозяине».

Был первым секретарём ЦК комсомола, немного поработал в ЦК КПСС, чуть меньше года назад назначен председателем КГБ… Вот вроде бы и всё… Впрочем, о своих начальниках, которые сейчас сидели рядом, он знал ещё меньше. Биография Шелепина всё-таки публиковалась в советской прессе…

В этот момент молодой человек, сидевший за столом секретаря, встал, видимо получив какой-то негласный приказ, подошёл к двери кабинета председателя и негромко произнёс:

— Прошу.

Шелепин встречал гостей посреди своего кабинета. Демократично поздоровавшись с каждым за руку, он тут же торжественно произнёс:

— Сегодня я выполняю почётную миссию. По поручению Президиума Верховного Совета СССР позвольте огласить соответствующий Указ…

Александр Николаевич прочёл Указ и, улыбнувшись, вручил

грамоту внезапно одеревеневшему Сташинскому. Потом отвёл руку в сторону, и неизвестно откуда вынырнувший порученец тут же вложил ему в ладонь тёмнобордовую сафьяновую коробочку с орденом. Шелепин, немного повозившись с застёжкой, всё же прикрепил орден к пиджаку Богдана. Потом пожал руку, по-отечески (как ему казалось) приобнял и громко сказал:

— Молодец! — И, обернувшись к стоявшим рядом офицерам, подмигнул и повторил: — Молодец! Ведь правда, какой молодец?!

На лицах сияла улыбка.

— Вы же понимаете, Богдан… э-э-э… Николаевич, этот Указ, к сожалению, не может быть опубликован, — стал объяснять Шелепин. — В открытой печати о подвигах, подобных вашему, писать не принято… Война наша тайная, но, — он поднял указательный палец к потолку, — но весьма и весьма результативная. В мирное время заслужить боевой орден — это…

Затем он пригласил всех за рабочий стол, сам заняв место с торца.

— Богдан Николаевич, прошу рассказать мне о проведённой вами операции. Рапорты я, разумеется, читал, но хотелось бы услышать всё, как говорится, из первых уст, и как можно подробнее. Хорошо?..

Сташинский смешался, не понимая, что, собственно, этот человек, один из главных руководителей СССР, а для него самого — так и вовсе самый главный, хочет услышать от него. Рассказывать о слежке, о похоронах в Роттердаме, об отравленной собаке в лесу под Берлином, о сломавшейся отмычке или о том, как после его выстрела в подъезде качнулся и упал мордой на лестницу Бандера?

— Смелее, — подбодрил его председатель.

К удивлению Богдана, Шелепина действительно интересовали мельчайшие детали операции. Как действовал яд? В какое точно время вы вышли потом из подъезда? В какой гостинице останавливались? Не пытался ли Бандера защищаться?..

— А что, вы говорите, Бандера нёс в правой руке? Какой-то пакет?

— Да. Это был бумажный пакет с помидорами.

— А где именно вы стояли? Что за женщина была на лестнице?.. Вы её видели впервые?.. Покажите, где вы находились, когда в подъезд вошёл Бандера…

Сташинскому даже пришлось набросать на бумаге некое подобие схемы подъезда дома на Крайтмайрштрассе: кто где стоял, на каком расстоянии, в каком направлении двигался и т. д.

Въедливость председателя невольно напомнила Богдану его первый контакт с работниками Комитета, с тем самым капитаном Ситниковским. Всё та же вкрадчивость интонаций, всё те же раз за разом повторяемые вопросы, имевшие цель уличить собеседника во лжи… Боже милостивый, как же давно это было! В какой-то другой, чужой жизни… В конце концов Богдан понял, что эта дотошность Шелепина диктовалась не столько служебной необходимостью и профессиональным интересом, сколько неизжитым, чисто мальчишеским любопытством ко всякого рода загадкам и тайнам. Может быть, Александру Николаевичу до сих пор не давали покоя детские мечты или несбывшееся желание стать шпионом, разведчиком? Может быть. Кто знает…

Череду странных мыслей и фантазий Сташинского оборвал внезапный вопрос председателя:

— А как вы себе представляете свою дальнейшую службу в Комитете?

Орденоносец пожал плечами.

— На некоторое время останетесь здесь, в Москве, — сам ответил на свой вопрос Шелепин, — пока на Западе шумиха не утихнет. — Он улыбнулся. — Волну вы подняли немалую… Мы найдём вам достойное применение. Мы вас ценим…

Помолчали. Повисла неловкая пауза. Шелепин кашлянул и задал дежурный вопрос, давая понять, что беседа приближается к финалу:

— Есть личные просьбы?

— Так точно! — не растерялся Сташинский.

Богдан понимал: для него выпал редкий и, может, единственный шанс. Молодой шеф Лубянки слыл либералом, и момент был как раз походящий. Хотя Сташинский, безусловно, рисковал. Тем паче что за глаза Шелепина ещё с комсомольских лет называли «железным Шуриком». С этим прозвищем он пришёл и в Комитет. Впрочем, о «титуле» своём Александр Николаевич знал и даже втайне гордился, стараясь, как говорится, соответствовать. Не только в достижении своих, далекоидущих целей, но и в отношениях с коллегами и подчинёнными.

Но для страдальца Ромео Сташинского иного выхода не существовало. Он решил использовать последнюю возможность устроить свою судьбу. Честно рассказал об Инге, об уже состоявшейся помолвке. Попросил разрешения вступить в брак с гражданкой ГДР. Пусть Германской, но ведь всё же Демократической Республики.

Для Александра Николаевича матримониальные планы талантливого ликвидатора, естественно, секретом не являлись.

Ему о них уже успели доложить.

Выдержав паузу, Шелепин красиво и убедительно заговорил о том, какими качествами должна обладать спутница жизни настоящего чекиста: она должна быть верной и преданной подругой, надёжной помощницей, кристально чистым и честным человеком, преданным делу партии…

Даром красноречия Сташинский не обладал, но всё же поспешил заверить председателя Комитета в том, что и он сам, и его будущая супруга высокое доверие безусловно и полностью оправдают.

— Брак — это серьёзное испытание на зрелость. И для вас, и для вашей избранницы, — продолжил Шелепин. — Не слишком ли поспешно вы принимаете столь ответственное решение?.. К тому же вам должно быть известно: подобные браки противоречат всем существующим у нас правилам…

— Конечно, мне это известно. Но мы с Инге знакомы уже три года. Это достаточный срок, чтобы убедиться в её порядочности и благонадёжности. Она разумная девушка и не испытывает к СССР никаких враждебных чувств. Будь иначе, я бы это наверняка заметил и тогда сразу же прекратил бы с ней всякие отношения.

«Знали бы они, — думал при этом Богдан, — о чём мы с ней шепчемся по ночам…»

— Вы добились значительных успехов в последнее время. Вы на хорошем счету, — медленно и веско произнёс Шелепин. — В вашем случае я готов сделать исключение. Но одно условие: после бракосочетания девушка должна принять советское гражданство, пройти подготовку, чтобы в будущем помогать вам в работе, то есть стать сотрудником Комитета. Вы меня понимаете?

— Так точно, Александр Николаевич. Мы вас не подведём, — отрапортовал Сташинский, не сдерживая счастливой улыбки.

— Но прежде чем говорить с ней обо всём этом, вы должны привезти её сюда, чтобы она получила полное представление о жизни в Москве и вообще о Советском Союзе. Только потом вы можете раскрыть перед супругой некоторые детали своей работы и всё прочее… — Помолчав, Шелепин добавил: — В общем, желаю счастья в личной жизни, Богдан Николаевич!

Решение председателя по Сташинскому не требовало документального оформления. Никто из приближённых не отважился переубеждать Шелепина. «Шурик» действительно был «железным», и данное им слово — тоже.

В конце декабря Сташинский прибыл в Восточный Берлин. Для Инге он по-прежнему оставался Йозефом Леманом, сотрудником ДИА — представительства Минвнешторга. При

встрече Сергей вручил «Леману» миниатюрное устройство, с помощью которого собирался слушать его разговоры с невестой: «Пойми правильно. Нам важна её естественная реакция на твои „признания". Это приказ».

Прямо с вокзала Сташинский помчался в парикмахерскую, где работала Инге. После объятий и поцелуев они отправились в поход по магазинам — нужно было купить некоторые продукты и рождественские подарки родителям. Инге была взволнована встречей, мысленно она уже представляла и свадьбу, и всю их будущую совместную жизнь.

Хотя её в то же время что-то настораживало в Йозефе. Женским чутьём она понимала, что тот, с кем она три года назад впервые легла в постель, и этот, сегодняшний — два разных человека, но в чём эта разница, уловить не могла, ответ на этот вопрос никак не складывался в её голове.

В родительском доме Инге в Дальгове они безмятежно и весело провели рождественский вечер, а ночью, точнее, уже под утро, когда остались наедине, Богдан признался ей, что никакой он не Леман и вовсе не немец, а гражданин СССР, сотрудник КГБ, выполняющий в Германии совершенно секретные приказы своего руководства. Потом рассказал об условиях, поставленных ему в Москве.

Услышав, что ей, возможно, предстоит помогать мужу в работе на советскую разведку, берлинская парикмахерша буквально встала на дыбы:

— Ты сошёл с ума?!

— Если мы хотим жить вместе, ты должна на это согласиться.

— Нет, ты в самом деле сумасшедший!

Он пытался урезонить её:

— Инге, согласиться — ещё не означает работать на них…

В Москве на Белорусском вокзале будущую супружескую чету «Крыловых» встречал молодой человек по имени Аркадий. Он отвёз их в гостиницу, проследил за оформлением (хотя «Украина» и была, считай, ведомственная), посоветовал отдыхать, набираться сил, впечатлений и любезно обещал сопровождать молодых в поездках по столице.

«Смотрины» продолжались более месяца, пока всё тот же Георгий Аксентьевич, оказавшийся экспертом не только по спецоружию, но и в делах сердечных, не выдавил из себя сакраментальную фразу, обращаясь к Богдану:

— Ладно. Но смотри, как бы в будущем не пожалел о том, что делаешь…

В конце концов «Крыловы» вернулись в ГДР, где в апреле

1960 года должна была состояться церемония бракосочетания и венчание молодых. Узнав о предостоящем церковном обряде, обескураженный резидент тут же связался с Центром, но ему дали понять, что венчание идеально вписывается в продолжение легенды герра Лемана. Пусть всё идёт своим чередом.

Медовый, как и все последующие месяцы, молодожёны должны были провести в Москве, в небольшой, но уютной однокомнатной квартирке, предоставленной Комитетом. Инге понадобилось не менее суток, чтобы выучить наизусть свой новый адрес — 2-я Ново-Останкинская улица, дом 18.

У Богдана же был свой курс зубрёжки — его немецкому всё ещё было далеко до совершенства. Он целыми днями пропадал на занятиях, по вечерам читал немецких классиков в оригинале, перелопачивал кучи германских газет (гэдээровских и западных, которые брал на службе). Начальство вновь прозрачно намекало на перспективы в резидентуре КГБ в одной из европейских стран или даже в Америке. Готовься к новым испытаниям, парень.

Хотя какая там резидентура, какая там спокойная жизнь в Лозанне или Базеле, понимал Сташинский, это приманка, рассчитанная на простака. Руководство Комитета страховалось. Ликвидатор сам по себе является небезопасным свидетелем. Исполнив смертный приговор сначала Ребету, а потом Бандере, убийца подписал его и себе. Сделавший своё дело, он сам должен был сгинуть. Не отличавшийся склонностью к аналитике Сташинский понимал: его ввели в игру простой шахматной фигурой, скорее всего пешкой, которую с лёгкостью разменяют или которой пожертвуют, в зависимости от обстоятельств. Его превратили в «инструмент» или «орудие», немого и тупого исполнителя чужой воли. Он интуитивно чувствовал: ни один активно действующий ликвидатор долго не живёт.

«До этого я думал лишь о себе… Теперь я хотел думать лишь о своей жене и о себе, при этом не подчиняясь ничьим советам…»

Из показаний Б. Сташинского на судебном процессе в Карлсруэ 11 ноября 1962 года

Однажды он едва не сорвался.

— Ингочка, я должен тебе кое-что рассказать… — начал Богдан.

Но слова вдруг застряли у него в глотке, как будто прилипли к языку. Он только беспомощно, по-рыбьи открывал рот, не в силах произнести ни слова, ощущая плотную пробку, перекрывающую ему трахею. Каким-то шестым чувством Сташинский ощутил близкое присутствие опасности. В душе

проснулся холодный страх.

— Ты что-то сказал? — Инге отвлеклась от приготовления ужина и взглянула на мужа.

Он покачал головой:

— Ну, если я ещё раз скажу, что люблю тебя больше всех на свете, ты поверишь? — Богдан прижал её к себе, поцеловал в лоб, всё ещё не в силах освободиться от мысли о последствиях его едва не вырвавшейся исповеди.

Инге была человеком от природы наблюдательным, интуитивно проницательным и, как выяснилось, вовсе не такой уж «нашей немкой». Повседневная московская жизнь открыла ей глаза на все прелести советской жизни. В тесной кухоньке Инге то и дело шпыняла Богдана, словно он был во всём виноват. И в том, что прилавки в магазинах пустые, и в том, что хороших лекарств не достать, и в том, что на улицах грязно, и пьяные на каждом углу, и одеться-обуться толком не во что…

Богдан для вида согласно кивал. Да, Инге, да. Но не всё же так уж плохо, Ингочка. Поверь мне. Всё образуется.

Однажды в воскресенье Сташинский, занимаясь домашними делами, случайно обнаружил прослушку. Клопы помогли. Инге потребовала снять со стены казённую картину: может, там их гнездовье? Богдан снял картину и обнаружил за ней странные тонкие кабели, которые змеями тянулись через узкое отверстие в стене, видимо в соседскую квартиру. Вот вам и клопы, самые натуральные «клопы». И кого слушают?! Его, героя-ликвидатора?! Совсем ополоумели, что ли? Козлы! Кто посмел? Ладно, если свои… Но вдруг враги?..

С утра Богдан был на докладе у начальства, хотя понимал, что вряд ли стоит добавлять в личное дело «чёрные шары». Но что оставалось делать?

В высоком кабинете его поспешили успокоить: так надо, Богдан, ты особо не суетись и не переживай. Всех слушают. Порядок такой. Не ты первый, не ты последний. Это — элемент системы защиты органов от вражеских посягательств, правило внутренней безопасности. Мы на фронте. Война для нас продолжается. Да, приятного мало, но что делать? Не нами заведено, не нам и отменять. И вообще, раньше эта квартира использовалась для других целей. Теперь уяснил?

Уяснил. Но с тех пор Сташинский перестал заниматься «воспитанием» жены, просто подавал знак, когда ей следовало умерить свои претензии. Во время прогулок уговаривал, сам не веря в то, что говорит, всё повторяя: потерпи, потерпи ещё немного. Мы обязательно вырвемся, обязательно. Скоро будет новая командировка, всё равно куда. Окажемся ***там***, пойдём в

полицию или куда там нужно будет, попросим политического убежища. Заживём нормальной жизнью.

Потом, после «клопов» начались проблемы с почтой. Письма из ГДР или пропадали, или приходили распечатанными, в мятых или даже чужих конвертах. Одна неприятность цеплялась за другую, другая — за третью, третья — за четвёртую — и всё это плелось в бесконечную липкую картину гнетущей подозрительности и безысходности.

Когда «в кадрах» накопился достаточный материал на Сташинских, из школы КГБ Богдана под благовидным предлогом убрали. Потом рекомендовали без острой необходимости не покидать Москву. Он превратился в безработного агента, скованного нерушимыми обязательствами перед государством, которому продолжал верно служить. Для сугубо аппаратной работы в конторе Богдан оказался совершенно непригодным.

Уж лучше приблизить смерть, чем унижать себя её каждодневным ожиданием. Живя двойной жизнью, Богдан раздваивался в сознании, но только не в поведении и поступках. Он ощущал постоянный, неусыпный контроль за собой коллег. Шестое чувство включало невидимый чужому глазу сигнал тревоги. Любой испытанный в деле профессионал обладает интуицией, безошибочно определяя укрывшегося на местности противника или предвосхищая момент атаки врага. Можно спастись? Нужно!

Инге, конечно, не знала, что за её мужем (она по-прежнему не знала его настоящего имени и фамилии) тянется ужасный кровавый след. Лев Ребет, Попель-Бандера… С такой биографией и послужным списком на Западе даже драгоценных перебежчиков не жалуют. Богдан отдавал себе отчёт в том, что, когда он окажется за рубежом, на него не прольётся золотой дождь, не снизойдёт Божья благодать. За совершенные смертоубийства придётся отвечать. Как? В лучшем случае выдоят из него всё, что он знает, а знает он не так уж много, упрячут в глубинку, пристроят куда-нибудь, да в ту же автомастерскую или на сахарный завод (Богдан улыбнулся). В худшем… Об этом он старался не думать.

Вскоре Инге забеременела. Мужу категорично заявила: рожать буду только дома. Насмотрелась вдоволь на ваших коновалов, увольте.

И вновь зашелестели разговоры в Комитете: сплошные хлопоты от этого Сташинского, пускай уж эта его немочка делает аборт. В крайнем случае они могут оставить новорождённого в доме малютки. Присмотрят за ним, воспитают. Ультиматум людей с площади Дзержинского Инге показался оскорбительным.

Она закатила мужу скандал, кричала, что твоей Москве мы как люди не нужны.

— Стало быть, Frauendinst (служение даме сердца) уже не в чести? Ты предпочитаешь просто Dinst (то есть свою службу)? Так, милый?

На следующий день Богдан сказал Алексиевичу, что они с женой очень хотят иметь детей, поэтому ни о каком аборте не может быть и речи. В ответ он услышал, что Комитет в последнее время недоволен уровнем его подготовки, поведением, отдельными высказываниями, что он перестал сдерживать эмоции, так и не научился думать головой.

— Чёрт с тобой, — махнул рукой Алексиевич, — жене твоей, так и быть, мы разрешим рожать в Германии, раз уж она, дура, не доверяет нашей медицине. «Коновалы», говоришь? Ну-ну. Ты остаёшься в Москве. Учти, в течение ближайших семи лет выезд из страны для тебя будет закрыт, даже в Восточный Берлин. Понял?.. Ничего ты не понял. Дело не в твоих семейных проблемах. Кстати, они не твои, а наши. Речь идёт о твоей безопасности. По агентурным данным, немцы и американцы в последнее время почему-то возобновили свой интерес и к Ребету, и к Бандере. Хохлов благодари, это они там воду мутят. — Он протянул Сташинскому выписку из выводов комиссии ОУН по расследованию обстоятельств убийства св. п. С. А. Бандеры. — Обрати внимание на слова: «…Акция была давно спланированной и после неоднократных неудачных попыток окончательно исполнена 15.10.1959 в Мюнхене агентами большевистской Москвы». Они не успокоятся, поверь… Мы, разумеется, примем меры. Но на Запад тебе никак нельзя. Забудь даже думать об этом. К оперативной работе в других регионах, сам понимаешь, привлекать тебя пока тоже нельзя… Но на улице ты, конечно, не останешься. По-прежнему будешь получать свой оклад. Подыщем тебе подходящую работу. Возможно, пойдёшь в инструкторы. Всё, свободен.

Выйдя на площадь Дзержинского, Богдан заглянул в «Детский мир» (Инге просила посмотреть, есть ли там какие-то распашонки), потом медленно добрёл до улицы Горького. Захотелось курить. Достал коробку «Казбека», спички, но вовремя остановился, вспомнил: Инге говорила, что курить на ходу вредно. Прошёл ещё немного, огляделся, ага, вот свободная лавочка в скверике у памятника Юрию Долгорукому. Выкурил одну папиросу, потом, чему-то усмехнувшись, вторую.

Значит, Инге всё-таки соизволили разрешить уехать рожать в ГДР. Не забыли, стало быть, что «железный Шурик» был у них почти что крёстным отцом. И на том спасибо.

Он встал, обогнул памятник и оказался в Столешниковом. Ноги сами привели его к «Яме», как называли эту пивную старожилы-москвичи. Очередь — хоть тут повезло — оказалась совсем небольшой. Богдан отсмотрел публику: вас бы в Мюнхен, в «Штахус» или «Хофбройн-хаус»…

«Итак, очень скоро я останусь один, — грустно заключил Богдан. — Между небом и землёй». Хотя нет, конечно, нет: Комитет его в покое не оставит. Как поступают с «отработанным материалом», Сташинский не знал, но догадывался. Агента используют максимум в двух-трёх акциях. Потом на смену подтянется другой «мастер», подготовленный не менее замечательным образом. Его тоже задействуют в нескольких операциях. Одновременно и ему подберут квалифицированную замену. Исполнитель долго жить и не может, и не должен. Не держать же его «под колпаком» до самой пенсии. Ни к чему, да и накладно, наверное. Он всё хорошо понимал. Это был холод неизбежности, предопределённости судьбы. Начиная работу на «контору», не подозревал, что затевает игру со смертью. Ликвидировав Ребета и Бандеру, Богдан Сташинский собственными руками затянул у себя на шее петлю. Это стало ясным теперь, когда изменить что-либо уже невозможно…

В оставшиеся до отъезда Инге дни в Богдане сама собой удесятерилась бдительность. Чувство опасности, повышенная подозрительность преследовали его и передавались Инге. Атмосфера в семье была такой, словно в квартире стоял гроб с покойником. Старались побольше гулять на свежем воздухе, как и советовали врачи.

В один из последних вечеров поехали в центр. Медленно падал снег, ветра не было, по Цветному бульвару прохаживались парочки. У Инге было отличное настроение, хихикая, они придумывали всякие кодовые словечки, которыми будут пользоваться при переписке. То, что предстояло делать в Берлине Инге (кроме родов, разумеется), они уже давно обсудили.

— А твой Шелепин будет у нас проходить как «дорогой бог», договорились? — смеясь, предложила Инге.

— Идёт, — согласился Богдан. — Теперь так: если тебе удастся связаться с американцами в Западном Берлине, напишешь «побывала у портнихи». Запомнила?

— Запомнила…

В самом конце января 1961 года Инге уехала в ГДР. Ровно через три месяца в Дальгове на свет божий появился Сташинский-младший. Имя будущему ребёнку они специально подбирали универсальное: по-русски мальчика будут звать Пётр, по-немецки — Петер. Родится девочка, пусть будет Катей. Катрин —

Катерина…

Роды, сообщала Инге, проходили очень трудно, со всякими осложнениями. Несколько дней новорождённый гражданин (неизвестно только, какого государства?) балансировал между жизнью и смертью. Врачи пытались делать всё возможное, чтобы спасти малыша. Вытащили.

«Контора», конечно, не забывала заслуженного офицера. Сташинского, дабы не скучал в отсутствие жены, а повышал квалификацию, определили на курсы при Институте иностранных языков. Но и в Комитете он был вынужден появляться регулярно. Начальство вроде бы смягчилось, и в разговорах вновь стали проскальзывать косвенные намёки относительно новых ответственных заданий, вновь заговаривали о возможной долгосрочной резидентской работе где-нибудь в Европе. Впрочем, Сташинский в свою окончательную «реабилитацию» не верил. «Контора» никогда и никому не прощала даже малейших промахов, ошибок и косых взглядов. Разумеется, о поездке (даже краткосрочной, хотя бы на день-другой) в Берлин к жене и новорождённому сыну можно было и не заикаться.

В начале августа Инге, потеряв надежду самостоятельно установить хоть какой-то контакт с американскими или западногерманскими разведками (это в Москве им казалось сделать очень просто), надумала возвращаться к мужу в Москву. Начались сборы. Буквально за день до отъезда молодая мама попросила соседку часок посидеть с малышом, ей нужно было показаться врачу. Оставила женщине бутылочку с молоком и убежала. Когда Петер заплакал, соседка сунула ему соску. Но неопытная кормилица зазевалась — и ребёнок захлебнулся тёплой вязкой молочной смесью. Откачать его не удалось.

В тот же вечер убитая горем Инге отправила в Москву телеграмму мужу: «Петер умер. Пожалуйста, приезжай». Прежде чем попасть к адресату, телеграмма, естественно, оказалась на столе начальника управления, в котором, как и ранее, продолжал числиться Богдан. «Новая головная боль, — вздохнул генерал. — Отпускать Сташинского никак нельзя». Но опять вспомнилось о расположении и симпатии председателя Комитета к удачливому ликвидатору. К тому же от этой дуры, жены Сташинского, что угодно можно ожидать. Ещё, чего доброго, публичный скандал учинит.

На похороны пятимесячного сына Сташинского, соблюдая все меры предосторожности, решено было всё-таки отпустить, оговорив несколько обязательных условий. Первое — с ним будут сопровождающие товарищи.

— Они будут постоянно с вами или где-то поблизости, —

инструктировал Богдана незнакомый офицер. — Мы не можем исключить, что к смерти вашего ребёнка могут быть причастны американцы или западные немцы. Второе — никакой самодеятельности. Ни в коем случае не ночевать в доме тестя, только на «конторской» базе в Карлсхорсте. Обо всех передвижениях или непредвиденных обстоятельствах вам надлежит тут же информировать резидентуру. Вылет завтра на военно-транспортном самолёте. Вопросы есть?

— Нет.

Весь путь до Берлина и далее Сташинский находился в плотном кольце «топтунов». Он понимал, что сразу после похорон его непременно отправят назад, в Москву. А там — всё, конец. Будет жить, пока будет работать.

Но «работы» ведь не предлагали. Значит?.. Значит, конец.

Москва — Восточный Берлин. 1 августа 1961

— Товарищ Ульбрихт[30], Москва на проводе. Приёмная товарища Хрущёва.

— Здравствуйте, дорогой Никита Сергеевич!

— Здравствуйте, товарищ Ульбрихт. Это не Никита Сергеевич. Это секретарь. Подождите чуть-чуть. Сейчас доложу.

…

— Товарищ Ульбрихт, мне говорят, от вас бежит много инженеров. Подумайте, может, нам следует отправить вам наших инженеров? Эти не сбегут…

— Мы в Политбюро решили обратиться к Болгарии и Польше с просьбой прислать нам рабочих.

— Мы тоже можем вам дать — молодых специалистов, комсомольцев. Рабочей силы у нас с избытком. Вы там не слушайте, что «Голос Америки» болтает…

— Никита Сергеевич, я просто не мог решиться задать вам этот вопрос…

— Давайте вместе подумаем, как бы нам получше объяснить всё народу…

— Как социалистическую помощь Германской Демократической Республике?

— Фидель предлагает назвать это молодёжным обменом. Как думаете, товарищ Ульбрихт? Вам ведь там, на месте, виднее…

— А вот насчёт закрытия границы, как вы считаете, Никита Сергеевич, в какие сроки это сделать?.. Политбюро решило, что берлинские власти на этой неделе примут решение об обязательной регистрации всех, кто пересекает границу. Мы их регистрируем, а потом «обрабатываем»…

— О каком количестве идёт речь?

— Официально в Берлине семьдесят пять тысяч, реально — намного больше. На днях Эберт (это обер-бургомистр Берлина) обратится к нашим гражданам с просьбой на какое-то время отказаться от поездок в столицу. Одновременно прекратим автобусное сообщение с Берлином… — После небольшой паузы Ульбрихт осторожно сказал: — Технически мы можем подготовить всё за две недели.

— Делайте когда хотите. Мы в любое время готовы. Как пионеры, знаете?..

— Конечно, Никита Сергеевич!

— Если граница закроется, и американцы, и западные немцы

будут только довольны. Мне на днях их посол Томпсон говорил, что от перебежчиков одни неприятности…

— Товарищ Хрущёв, Никита Сергеевич, у нас готов чёткий план. Выходы из домов, которые ведут в Западный Берлин, замуруем. В других местах установим заграждения из колючей проволоки. Её запасов достаточно. Всё можно сделать быстро. Сложнее будет с дорожным движением. Нужно будет перестраивать платформы скоростных поездов и подземки для пересадки в Западный Берлин.

— А это ещё для кого?

— Ну, тут есть некоторые наши особенности. Дело в том, что у части населения есть разрешения на въезд-выезд. Например, четырнадцать тысяч человек, в основном интеллигенция, живёт на Западе, а работают у нас… Или дети, которые живут у нас, а школы посещают в Западном Берлине.

— Это никуда не годится, — хмыкнул Хрущёв.

— Конечно, Никита Сергеевич, мы их туда больше не пустим. Уже объявлена война насильственному вывозу людей. Но враг не дремлет, чует, что мы готовимся перекрыть границу. Вчера один английский журналист ко мне подкатился, спрашивает: «А правда ли, что вы сегодня собираетесь закрывать границу?» Представляете?

— И что ты ответил?

— Сказал, что это зависит от Запада.

— Молодец, товарищ Вальтер! Правильно мыслишь![31]

Сразу после разговора с Хрущёвым «товарищ Вальтер» вызвал к себе министра госбезопасности ГДР Штази генерал-лейтенанта Эриха Мильке.

— Через несколько дней в Москве состоится совещание первых секретарей коммунистических партий стран Варшавского договора. Я намерен настаивать на закрытии границы в Берлине. Какова наша готовность?

— Не волнуйтесь, товарищ Ульбрихт. Ждём вашей команды.

— Если Москва нас поддержит (а в этом я не сомневаюсь), мы должны предпринять некоторые, скажем так, цивилизованные шаги. Прежде всего, надо будет принять соответствующее решение кабинета министров…

— Ко времени, которое вы определите, вся берлинская полиция будет приведена в состояние полной готовности. — Мильке, не дослушав, начал излагать план оперативных мероприятий. — Кроме того, линию границы с Западным Берлином займут двадцать пять тысяч членов «рабочих дружин» с предприятий — наших боевых групп. Их прикроют армейские

части. Предварительно мы уже проговаривали некоторые детали взаимодействия с командованием Группы советских войск.

— Хорошо, — кивнул Ульбрихт. — Держите меня в курсе. Что с технической стороной вопроса?

— Министерство к разработке операции привлекло специалистов по самым разным направлениям, — генерал достал из папки карту города, — несмотря на то что Берлин поделён на четыре оккупационные зоны, город остаётся единым организмом. Вот смотрите…

Перед первым секретарем и председателем Госсовета ГДР развернулась удручающая картина, взглянув на которую он понял, как чувствовал себя в Сталинграде фельдмаршал Паулюс.

Городские улицы, не считаясь с режимами патрулирования, перетекали, как непокорные ручьи, из одной части Берлина в другую. Электропоезда SBann и Ubann также прошивали город насквозь, от окраины до окраины, сходясь в центре, у Бранденбургских ворот. Предстояло резать «по живому» все артерии и вены, останавливая все до единого кровотоки жизнеобеспечения огромного города.

— Стену, — продолжал Мильке, — мы сначала развернём из колючей проволоки. Но предварительно улицы будут перерыты и станут непроезжими. Линия раздела составит сорок три километра. По нашим расчётам, всю эту работу можно проделать за два дня. Далее, чуть отступив в глубь нашей территории, чтобы ни на сантиметр не отступить от Потсдамских соглашений и не вызвать упрёки из-за рубежа, мы займёмся собственно сооружением Стены. Уже из бетонных блоков. Это будет монолит.

— Высота?

— Чуть более трёх метров.

— Хорошо, — поощрительно кивнул Ульбрихт.

«Вот уж точно „шпицбарт”, — про себя ругнулся Мильке, глядя на „товарища Вальтера”, — борода козлиная. Да он хоть представляет себе, чего стоит перегородить десятки улиц, блокировать шесть веток метрополитета, восемь трамвайных линий, заварить газо-и водопроводные трубы, перерезать все телефонные и электрические кабели?!»

Но спокойно продолжил доклад:

— В перспективе, по нашим прикидкам, вдоль стены будут установлены две-три сотни вышек наблюдения, примерно столько же постов со сторожевыми собаками, пара десятков бункеров. Мышь не проскочит…

— Без нашего разрешения, — завершил фразу Ульбрихт. — Ты вот что, товарищ Мильке, всю эту хозяйственную математику мне изложи для доклада в Москве.

— Обязательно.

— Что говорят твои аналитики по поводу возможной реакции Запада?

— Всё проглотит Запад и не поморщится. Пошумят, конечно, но не более того. Не волнуйтесь. Как сообщили наши русские коллеги, у американцев даже зреет план предложить поменять свою зону Западного Берлина на Тюрингию и часть Саксонии и Мекленбурга.

— Посмотрим.

…Уже находящегося на пороге Мильке Ульбрихт остановил неожиданным вопросом:

— Эрих, а ты не знаешь, сколько строили Великую Китайскую стену?

— Около двух тысяч лет, товарищ Ульбрихт. Китайцы назвали её «долгая дорога в десять тысяч ли».

— А из чего они её строили? Кирпичей же тогда ещё не было…

— Сначала лепили её из глины и камня, — тотчас ответил Мильке, — а потом, в эпоху династии Минь, когда изобрели кирпич, дело пошло быстрее. Но всё равно, она была построена на костях трёх миллионов человек.

— Молодец, генерал. У тебя кто в школе Коминтерна историю-то преподавал?..

— Да нет, это просто мне на днях наши спецы справочку на всякий случай составили. У меня тоже кое-какие ассоциации возникли.

— Ну-ну, — улыбнулся Ульбрихт. — У китайцев была «долгая дорога», а у нас будет «антифашистский защитный вал»… В какой момент, по твоему мнению, мы можем начать операцию?

— Повторю: у нас уже всё готово. Начнём в любой момент. Но наилучший вариант — в одну из ночей с субботы на воскресенье.

— С 12-го на 13-е?.. Ну-ну. — Ульбрихт сделал пометку в календаре.

ГДР, Дальгов. 12 августа 1961

Прямо с аэродрома чекисты доставили Сташинского в дом родителей Инге. Их машины — «фольксваген» и «мерседес» с берлинскими номерами — остались дежурить на улице.

В семье продолжались печальные приготовления к похоронам. Усыпляя бдительность надсмотрщиков из Карлехорста, Богдан то и дело выходил в город — в универмаг купить траурные принадлежности, в аптеку за нитроглицерином, в мясную лавку, к цветочнику.

Во время обеда, когда за столом собрались все родственники и близкие, заплаканная Инге едва слышно сказала мужу:

— Петера ты так и не увидел. Он был похож на тебя. А теперь его уже не вернёшь, ты понимаешь?..

Он успокаивающе положил руку ей на плечо:

— Да, Инге. Потом поговорим. Пойдём к тебе.

В комнате Инге обняла мужа и, уткнувшись ему в грудь, заговорила жарким шёпотом:

— Нам надо бежать. Бежать ещё до похорон. Другой возможности не будет, я чувствую. Как только мы похороним сына, тебя тут же увезут в Москву. Решайся, родной, решайся. Мы молоды, мы должны жить…

Богдан кивал, соглашаясь, но ему было страшно. Страх обволакивал липким потом. Сердце билось, как заключённый в клетку зверёк, рвущийся на волю. Но всё-таки он постарался взвешенно оценить все обстоятельства.

Они наспех собрали пожитки, деньги и документы. Неожиданно на пороге спаленки возник младший брат Инге, пятнадцатилетний Фриц, и сказал, что он всё слышал.

— Возьмите меня с собой. Я не хочу здесь оставаться.

Времени на разговоры не было совсем. Проще было согласиться, чем уговаривать парня не делать глупостей и не мешать им. Чёрт с ним!

Отчаянная троица, стараясь не шуметь, ни с кем не прощаясь, тихо выбралась через чёрный ход. В сумерках, не замеченные никем, они через кусты и огороды направились к озеру, откуда шла прямая дорога на Фалькензее, небольшой городок по соседству. Через несколько километров пути Фрицу уже расхотелось идти дальше, может быть, он просто устал и ему надоели игры в лесных разбойников. Инге на прощание поцеловала брата, а Богдан сунул ему 300 марок — почти всё, что у них оставалось. И ещё попросил: похороните Петера по-человечески…

Из Фалькензее на такси они быстро доехали до Восточного Берлина и вышли у ближайшей станции метро. Местные полицейские без всякого интереса проводили глазами молодую пару. При посадке документы берлинца Йозефа Лемана у них не вызвали подозрений. Вскоре молодые люди вышли на станции «Гезунбруннен». Guten Abend, Западный Берлин.

Сташинских сам Бог хранил — именно в ночь с 12 на 13 августа по решению восточногерманских властей было начато сооружение Стены.

…По субботам берлинцы, как правило, ложились спать позже обычного — впереди воскресенье, можно отоспаться. Молодёжь развлекалась в танцзалах, люди постарше коротали вечер, наслаждаясь тихими семейными радостями, — кто за пивом и ленивыми разговорами, кто в любовных играх…

На сей раз сразу после полуночи Берлин взорвался телефонными звонками. Мало кто мог понять, что происходит на улицах, откуда взялись эти колонны ревущих грузовиков, люди с лопатами на плечах, машины скорой помощи. Война, пожар, эпидемия, катастрофа в метрополитене?

Всю ночь светились окна в правительственных учреждениях и партийных комитетах. В полной боевой готовности находились полиция, армейские части. 25 тысяч бойцов военизированных «рабочих дружин» уверенно занимали передовые рубежи на обозначенной линии обороны на границе с Западным Берлином. В арьергарде оставались военные. В 10 часов утра, строго по графику, появились мобильные группы хозобслуги с бутербродами, термосами с кофе и чаем.

Население Берлина было оповещено, что с 13 августа свободное сообщение с западной зоной города прекращено. На дорогах и мостах уже появились шлагбаумы с вооружёнными караулами, вскоре замаячили вышки, самые проблемные участки ощетинились колючей проволокой и самоходными установками. Закрылись пропускные пункты. В перечень приграничных укреплений включались даже жилые здания. «Это было бы смешно, если бы не было так грустно», — говорили коренные жители столицы. По Бернауэрштрассе, к примеру, тротуары отходили к западноберлинскому району Веддинг, а дома по южной стороне улицы — уже к восточноберлинскому району Митте. Парадные подъезды, как и окна нижних этажей, замуровывались. Теперь жильцы домов, находящися на территории ГДР, чтобы попасть в свои квартиры, могли пользоваться только чёрным ходом со двора.

В 13 часов 11 минут немецкое информационное агентство

передало в эфир заявление государств — членов Варшавского договора, которые выразили понимание и поддержку решения властей Германской Демократической Республики.

— Берлинский сенат обвиняет в противоправных и бесчеловечных действиях тех, кто хочет раскола Германии, порабощения Восточного Берлина и угрожает Западному Берлину, — заявил бургомистр западной зоны Вилли Брандт, выступая вечером того же дня по местному радио.

43-километровую Стену продолжали строить в строгом соответствии с утверждённым графиком. Шедевр заборного зодчества 2—3-метровой высоты опоясал улицы, дома, пустыри, скверы, рощицы, перекрыл водные преграды. Причудливо изгибаясь, Стена удавкой спеленала восточный сектор города.

На следующий день беглецы из Дальгова явились в западногерманскую полицию и заявили о своём желании срочно связаться с представителями американской администрации. Вот тут-то всё и завертелось…

После получения всей информации и внимательного изучения обстоятельств заявления Сташинского американцы передали дело по территориальной принадлежности западногерманской полиции.

Немцы вели следствие скрупулёзно, не спеша нанизывая фактик на фактик, тщательно проверяя самую малую информацию, каждую деталь, почерпнутую на допросах Сташинского.

Например, был даже изъят для проведения экспертизы замок из входной двери мюнхенского дома Бандеры. Отыскались улики — ржавые обломки отмычки, которую Сташинский умудрился сломать при неудачной попытке проникновения в дом. Пистолет-«шприц» на дне канала найти, к сожалению, не удалось, хотя водолазы осмотрели чуть ли не каждый сантиметр илистого дна. Впрочем, доказательств вины агента КГБ и без того с головой хватало, чтобы он попал на скамью подсудимых и получил законный срок «свободы» в немецкой тюрьме. Сташинский это знал. Главное, подозрений в том, что он «подсадная утка», «джокер в рукаве» в игре разведок двух или даже трёх стран, уже не возникало.

Карлсруэ, 8 октября 1962

За 15 минут до начала процесса зал судебных заседаний № 232, минуя двойной кордон полицейских, начали заполнять журналисты и те немногие лица, у кого на руках были особые разрешения. Публика, негромко переговариваясь, с любопытством осматривала зал с необычным стеклянным потолком. Сквозь матовые четырёхугольные кассетоны дневной свет освещал зеленоватые стены, создавая странное впечатление подземелья.

Но вот в зале, неслышно шагая по серому плюшевому ковру, появился обвиняемый, конвоируемый вооружённым полицейским.

— Сташинский, — толкнул локтем своего эссенского коллегу репортёр «Франкфуртер рундшау», — смотри, какой бледный…

Журналисты тут же впились глазами в лицо молодого человека, которого охранник деликатно, но настойчиво подталкивал к скамье подсудимых. К своему подзащитному подошёл адвокат доктор Гельмут Зайдель и принялся вполголоса что-то ему говорить. Сташинский кивал и даже пытался изобразить некое подобие улыбки.

Обозреватель «Берлинского курьера», как заправский стенографист, строчил в своем блокноте: «9.05 — в зал входят старший врач психиатрической университетской клиники в Гейдельберге, профессор Йоахим Раух и представитель разведслужбы, государственный советник фон Бутлер, которые занимают свои места за столом экспертов… За ними появляются федеральный прокурор доктор Альбин Кун и советник Краевого суда Норберт Оберле…»

Наконец в зал в тёмно-синих мантиях торжественно вплыли члены III Уголовного сената Федеральной судебной палаты во главе с президентом доктором Генрихом Ягушем.

Публика, не дожидаясь команды секретаря суда, встала, с почтением приветствуя служителей Фемиды. Когда все опустились на свои места, остался стоять лишь обвиняемый.

— Хорошо ли вы понимаете немецкий язык? Если нет, прошу сообщить, — согласно процессуальным нормам, осведомился у него доктор Ягуш.

— Да, ваша честь, я хорошо понимаю немецкий и свободно говорю.

— Здоровы ли вы? — уточняет судья.

— Я чувствую себя вполне здоровым.

Далее президент сената выступил с заявлением:

— Ещё до оглашения обвинения по данному делу в конце апреля текущего года один из уважаемых и популярных

еженедельников в своей публикации уже назвал подсудимого убийцей…

Адвокат обернулся к Сташинскому и ободряюще улыбнулся: «Не волнуйтесь, это лишь обязательный жест».

— …В последние дни многие газеты, — продолжал президент, — допустили публикацию аналогичных материалов, снимков подсудимого и ещё до окончания судебного следствия признали его виновным в совершении преступления… Это недопустимо…

Сташинский почти не вслушивался в слова судьи. Зайдель ещё до процесса предупреждал, что в начале заседания на прессу на всякий случай цыкнут, чтобы журналисты не особо нагнетали на общественность страхи. Суду нужно продемонстрировать беспристрастность. Тем не менее этот циклоп, одноглазый доктор Ягуш симпатий у Богдана не вызвал, хотя адвокат и характеризовал его как высококлассного профессионала и интеллигентного человека.

Закончив чтение своего заявления, президент палаты предложил подсудимому рассказать о себе.

«Сташинский говорит тихо, тоном прилежного ученика бубня вызубренный наизусть урок, — продолжал стенографировать корреспондент «Берлинского курьера». — Иногда он кивает, особо подчёркивая некоторые свои слова, чуть покачивается, заложив руки за спину…»

Первое слушание длилось около полутора часов. Доктор Ягуш задавал Сташинскому вопросы, уточнял некоторые, казалось, несущественные детали, потом объявил перерыв на 15 минут.

Зал оживился, все потянулись к выходу. В кулуарах как-то самопроизвольно образовались группы «по интересам», активно обсуждавшие «первый акт» процесса.

— Будьте добры, зажигалку, — обратилась к своим коллегам корреспондент парижской газеты «Фигаро» Доминик Оклер.

— Прошу, мадемуазель. — Тут же перед её сигареткой заплясали огоньки сразу трёх зажигалок.

— Мадам, — поправила журналистка, выпустив колечко дыма прямо в лицо репортёру из какой-то местной газеты. — Ваши впечатления, господа?

— Уверен, суд затянется надолго, — непререкаемым тоном заявил рыжеволосый джентльмен, представлявший английское информационное агентство. — Ягуш тонет в мелочах — интересуется порядками в школе Сташинского, отношениями в семье…

— Вы не правы, коллега, — остановил его толстяк из

«Бильда», раскуривая трубку. — Дело в том…

Но мадам Оклер перехватила инициативу:

— Этот Сташинский просто позёр! Он ведёт себя как провинциальный актёр на сцене, не заметили?.. Да и вообще, он производит впечатление человека слабохарактерного, бесхребетного. Так, ни рыба ни мясо… — Доминик не выпускала изо рта сигаретку.

«Это наверняка их французские, „Голуаз”, кажется, — думал немецкий журналист, глядя на женщину. — До чего же вонючие… А вот выглядит мадам довольно сексуально…»

— Я бы на месте судьи не позволяла Сташинскому всё время уповать на какие-то смягчающие обстоятельства, — не унималась мадам Оклер. — Ведь он убийца. Это доказано, и он этого не отрицает. А суд не интересует, что он в то же время является изменником, предателем родины? Той самой, которую якобы пытался защищать от подобных этому Бандере. Или я не права?

— Правы, мадам, если вы являетесь представителем Коминтерна, — улыбнулся англичанин.

Возможной перепалки не допустил немецкий журналист, который до того оценивал сексуальные качества француженки:

— Господа, перерыв уже закончился. Пора в зал…

Внутренняя тюрьма. 9 октября

Вечером, после судебного заседания, доктор Зайдель, сидя напротив своего подзащитного, подводил предварительные итоги и вносил коррективы.

— В целом, я считаю, всё идёт нормально, без сюрпризов. Вам следует точно следовать избранной нами линии защиты и педалировать внимание на некоторых ключевых моментах. Вы меня слушаете?

— Да, конечно.

— Первое: вы — жертва режима, превратившего молодого человека, будущего учителя, в орудие убийства. Именно орудие, запомните, слепое орудие, инструмент для осуществления преступных замыслов государственной машины. Далее: вы подчинялись приказу, вы не могли ему не подчиниться. В Нюрнберге в своё время этот аргумент генералам не помог, но немцы всё равно почитают такие понятия, как дисциплина, солдатский долг и прочая чепуха. Вы меня понимаете? Но тут вы можете рассчитывать не на сентиментальное сочувствие, а хотя бы на понимание. Третье: ужасы жизни в СССР, насильственное превращение человека в покорного раба. Вы, помнится, в разговорах с Инге сравнивали КГБ с гестапо…

— Я такого не говорил. Вы меня неправильно поняли. Это Инге как-то сгоряча ляпнула, что эти организации — близнецы — братья.

— Не важно, кто из вас сказал. Главное — развить эту тему. У немцев своё отношение к гестапо. Оно вам на руку. Только придумайте какие-нибудь душещипательные детали — о микрофонах в квартире, о перлюстрации писем, узаконенной системе доносительства и прочее. Договорились?

— Но микрофоны действительно были! — дёрнулся Сташинский. — Что тут придумывать?

— Ну и чудесно. Развивайте эту тему дальше. Добавьте, что вас повсюду сопровождали сотрудники КГБ, следили за вами, в том числе в момент вашего бегства. Но главное: всё время напирайте на то, что искренне раскаиваетесь в совершённых проступках (не употребляйте лишний раз слово «убийство»), что ваше бегство и покаяние продиктовано желанием очистить душу и предостеречь мир не заблуждаться относительно СССР…

Зайдель поднялся с неудобного стула, прошёлся взад-вперёд по комнатке, предназначенной для общения с подсудимым, и остановился перед Сташинским:

— Ещё одна деталь. Прошу вас: отвечая на вопросы, говорите

неторопливо, делайте паузы, запинайтесь, подбирайте слова. Это ваша исповедь, ваше покаяние. Не барабаньте, как по писаному. Я краем уха слышал, что газетчики уже окрестили вас студентом-зубрилкой и негодным актёришкой… Но вы не обращайте на это внимания, я распорядился газет вам не давать.

— Герр Зайдель, как вы считаете, каков будет приговор? — Сташинский давно мучился, но всё никак не решался задать этот вопрос.

— Обвинение потребует пожизненного заключения. — Адвокат испытывающе взглянул на подзащитного. — Я буду настаивать на всемерном снисхождении. Президенту Ягушу нужно будет найти золотую середину.

— Что вы имеете в виду?

— Богдан, поймите, — Зайдель за месяцы общения со Сташинским уже привык, что этому парню всё приходится повторять по нескольку раз, — есть факт преступления, есть преступник, который не отрицает совершённого… проступка. Он заслуживает наказания? Безусловно! Но есть и заказчик преступления, который превратил… добропорядочного человека против его воли (заметьте, это важно!) в убийцу. Так кто заслуживает большего наказания? Именно — заказчик! Им в нашем случае выступает *государство*, которое ненавидят во всём мире… Курить хотите? Ах да, простите, всё забываю, вы ведь бросили. Молодец, я вам завидую.

— Как там Инге? — не обращая внимания на последние реплики адвоката, спросил Сташинский.

— О, опять забыл, простите. Она передает вам привет, Богдан. Я ею восхищаюсь, такое самообладание. Фрау — мужественная, сильная женщина. Берите с неё пример.

Кафе «Кунст-унд». 12 октября

— Фрейлейн Натали, я вам настоятельно рекомендую вот эти пирожные. — Доктор Нойвирт, представляющий в суде интересы семьи Бандеры, был сама любезность.

— Я избегаю сладкого, — тихо сказала Наталья, отодвигая блюдо.

— Вам рано ещё думать о фигуре, — улыбнулся адвокат. — Вы прекрасно выглядите.

— Спасибо, мэтр.

Нойвирт отхлебнул кофе и продолжил светскую беседу:

— Карлсруэ — замечательный город. Говорят, это самая тёплая местность в Германии. Климат просто превосходный!..

— Да, — безучастно кивнула Наталья, — я заметила.

— У нас, в Милуоки, сейчас тоже отличная погода, — вмешался в разговор господин Керстен, американский уполномоченный вдовы Бандеры Ярославы.

— Относительно вашего выступления на суде, — неприязненно покосился на своего коллегу доктор Нойвирт. — Простите, но я обязан высказать вам некоторые рекомендации. В понедельник вам следует быть в суде в чёрном. Это будет день траура — как раз три года со дня гибели вашего отца…

— Я прекрасно помню.

— Было бы неплохо напомнить об этом и участникам заседания. Расскажете вашу семейную историю, обязательно подчеркните религиозное воспитание, стеснённые условия жизни, голодные годы, болезни.

— Да-да, ваше выступление, Натали, должно быть по возможности лаконичным и… — Чарльз Керстен запнулся, подыскивая подходящее слово, — и трогательным, сердечным. О правовой стороне вопроса, международном резонансе, вызванном убийством вашего отца, позвольте позаботиться мне. Всё-таки я не только юрист, но и недавний член американского конгресса.

Нойвирт, переводя Наталье слова заокеанского коллеги на немецкий, эпитеты «трогательный и сердечный» заменил на «эмоциональный». И добавил уже от себя:

— Фрейлейн, обязательно напомните суду слова советского резидента Сергея, который, отправляя Сташинского на убийство, говорил ему, что дети Бандеры будут благодарить его за этот поступок. Не забудьте, пожалуйста.

— Конечно, — обречённо согласилась Наталья.

Внутренняя тюрьма. 13 октября

— Богдан, в понедельник у нас будет ответственный день. Вам будет предоставлено слово. Я сообщу, что вы хотите донести до мнения суда своё сегодняшнее отношение к своим… проступкам. Помните, мы уже говорили на эту тему?

— Конечно, — кивнул Сташинский. — Я могу пользоваться своими записями?

Доктор Зайдель покачал головой:

— Нежелательно, — потом добавил: — Лучше сделайте такой краткий конспект, вспомните студенческие годы. Только тезисы. Чтобы можно было незаметно подглядывать.

— У нас это называлось шпаргалки, — хмуро сказал Сташинский. Увидев недоумение адвоката, кое-как объяснил.

— Мне нравится, что вы не утратили чувства юмора, — улыбнулся доктор Зайдель. — Но к своему выступлению вы должны подойти максимально серьёзно и ответственно. Сказать вы должны будете примерно следующее: «До рокового октября 1957 года я, как и многие, видел в Ребете и Бандере (хотя нет, не надо персонифицировать)… видел в моих будущих жертвах врагов Советского Союза, врагов моего народа… Главным мотивом моих поступков был полученный приказ. После этого я пытался как-то оправдывать свои проступки, и порой мне это удавалось. Позже, когда пришло идейное и политическое прозрение, я осознал, что мои поступки ни с точки зрения политической, ни идеологической не имеют оправдания. Это были преступления. О том, что я глубоко сожалею по поводу содеянного, нет смысла говорить. Если бы этого не было, я бы не стоял сегодня здесь, перед вами…»

Зал судебных заседаний. 15 октября 1962

— Господин президент, разрешите? — Зайдель поднял руку.

— Пожалуйста. — Герр Ягуш согласно склонил голову.

— На мой взгляд, было бы целесообразно перед окончанием процесса дать возможность обвиняемому высказать своё мнение по поводу совершённых им преступлений.

— Разумеется. — Герр Ягуш пожал плечами. — Если вы желаете сказать что-либо, — он обратился к Сташинскому, — я всецело за.

Подсудимый встал:

— Высокий суд! Ранее, до совершения мной преступных деяний, то есть до октября 1957 года, я, как и все мои соотечественники, видел в этих людях, своих будущих жертвах, только злостных врагов советской власти и всего советского народа. Эти украинские эмигранты боролись против советской власти. Я получил приказ уничтожить их. Я обязан был его исполнить. Я давал присягу, я должен был защищать интересы своей страны. — Сташинский сделал паузу, взглянул на Зайделя и увидел, что адвокат одобрительно смежил веки. — Я понял, что совершил преступление. О чём я глубоко сожалею. Мне стыдно. Иначе я бы не был здесь сегодня…

«Хорошая память, — думал адвокат, слушая Сташинского, — прямо слово в слово. Немного, правда, переигрывает в искренности, но в целом неплохо».

Какая-то дама в зале саркастически фыркнула. Президент Ягуш, покосившись на своих коллег, предоставил слово обвинению — советнику краевого суда, представителю федеральной прокуратуры доктору Норберту Оберле.

Временами речь обвинителя вызывала не столько сострадание к жертвам террористических актов, сколько сочувствие к господину Сташинскому, которого заставили совершить преступление.

— Безбилетный проезд положил начало… бесконечному сплетению частично неотвратимых событий, частично преступных обстоятельств, что определило дальнейшее поведение посудимого и позволило ему вмешаться в судьбу двоих других людей… Задержание и допрос в советских органах госбезопасности фактически служили другой цели, а именно — завербовать подсудимого, склонить к сотрудничеству против украинского движения сопротивления, которое в то время вело

партизанскую борьбу с советским господством… Ситниковский поставил его перед выбором: либо лишиться свободы вместе со всей своей семьёй и на долгие годы оказаться в сибирских лагерях, либо принять активное участие в борьбе против движения сопротивления. Обвиняемый выбрал второе — отчасти оттого, что полагал это движение бессмысленным, а отчасти потому, что думал, будто в собственных интересах и в интересах своей родины он должен поступать именно так…

Обвиняемый же выглядел безучастным, тупо уставившись в одну точку. Перечисляя сухие факты злодеяний, доктор Оберле не оставался бесстрастным обвинителем:

— Приказ совершить покушение он получил от Москвы. Позже высокопоставленный, как можно предположить, чин КГБ Георгий Аксентьевич вместе с обвиняемым пил шампанское за успешное завершение акции. Это ли не красноречивое подтверждение беспримерного презрения Кремля к чужой человеческой жизни?! Приказу Москвы обвиняемый подчинился… Возникает вопрос: можно ли себе представить, что этот интеллигентный и трезво мыслящий человек просто так, по собственной воле решил совершить столь злостное преступление? Нет и ещё раз нет! Он выполнял преступную волю преступного государства…

Адвокат Зайдель мысленно аплодировал обвинителю. Доктор Оберле, возвращаясь на своё место, мельком взглянул на мужчину, сидевшего во втором ряду. Лицо последнего не выражало ни малейших эмоций. Одобрение можно было прочитать, лишь зная язык жестов: кисти рук — «домиком». Оберле вздохнул и опустился в кресло, готовясь слушать речь своего коллеги, главного прокурора доктора Куна.

— Данный процесс явно выпадает из общепринятых рамок процессов, которые до сих пор слушались в федеральном суде первой инстанции… В центре обвинения стоят убийства Ребета и Бандеры, двух украинских эмигрантских руководителей, которые до своей смерти жили в Мюнхене. Преждевременный конец их жизни положил их земляк Сташинский. Обвиняемый не знал своих жертв лично, он ни разу не обмолвился с ними ни одним словом.

Оба погибших ничем его не оскорбили. Он не имел для своих действий никакого личного мотива. Идея убийства исходила от другой стороны — от организации, которая была заинтересована в смерти Ребета и Бандеры. Таким образом, речь идёт не о рядовом убийстве по личным мотивам, а об убийстве политическом. Обвиняемый был при этом только орудием организации… — Сташинский посмотрел на своего адвоката. Но

Зайдель, поймав его взгляд, никак не отреагировал, — организации, которая хотела устранить, убить двух ведущих украинских политиков в изгнании. Люди этой организации, на службе которой находился обвиняемый, видели в убитых заклятых врагов Советского Союза и русского народа… Обвиняемому было заявлено expressis verbis, что Ребет и Бандера — по причине их опасного влияния на украинскую эмиграцию — должны быть устранены… Организация, на службе которой находился обвиняемый, была не странной группой политических экстремистов, а Комитетом государственной безопасности при Совете министров СССР — КГБ! И это — главное открытие данного процесса, и это делает его сенсационным… Ни одно государство в мире не имеет права убивать человека в чужой стране, даже если этот человек некогда являлся гражданином этого государства… А тем более ни Бандера, ни Ребет гражданами СССР никогда не являлись. Обвиняемый не имел личных оснований для убийства Ребета и Бандеры. Одиночка, не имеющий поддержки со стороны государства, не смог бы осуществить такое преступление… Что касается уголовной ответственности обвиняемого, то она не вызывает сомнений. Он разумный человек и полностью осознает тяжесть своих деяний. Он действовал по собственной воле. Я позволю себе сослаться на выводы уважаемого эксперта, профессора, доктора Рауфа, согласно которым заболеваний психического характера и нарушений сознания у обвиняемого не установлено… Безусловно, КГБ ожидал от него беспрекословного подчинения и не оставлял ему никакой свободы выбора. Но кто добровольно работает на организацию, которая не уважает его мысли и его волю, тот должен нести ответственность. Однако он не предпринял попытки уклониться от выполнения приказа. Виновный может быть оправдан только в том случае, если налицо признаки понуждения (параграф 52 Уголовного кодекса), то есть когда его силой вынудили к совершению преступления…Сила приказа существовала для него только на территории, подконтрольной советской власти, но не на территории ФРГ, где он совершал убийства. В Федеративной Республике он оказывался вне зоны досягаемости своих работодателей, и у него была возможность поступать в соответствии с собственной волей и своей моралью. Поразительно искренняя исповедь обвиняемого не имеет аналогов и беспримерна для нашего зала заседаний. Он открыто и беспощадно раскрыл свой внутренний мир, не пытаясь при этом оправдывать себя и свои поступки. Он приложил видимые усилия, чтобы верно обрисовать эволюцию своего душевного состояния на протяжении десяти последних лет, до момента совершения

достойных презрения преступлений…

«…Сташинский ещё больше побледнел и ещё ниже опустил голову, услышав, что слово предоставляется Наталье Бандере», — злорадно пометила в своём судебном дневнике мадам Оклер из «Фигаро», за все дни процесса так и не изменившая своего первоначального мнения об убийце-фигляре.

— Высокий суд! С вашего позволения, как член семьи моего убиенного отца, Степана Бандеры, я в отсутствие моей мамы, Ярославы, выражаю Высокому сенату признательность за предоставленное мне слово. Принимая во внимание утверждение обвиняемого, что он во время своей деятельности в КГБ был убеждён, будто мой отец был предателем Украины, я хотела бы представить моего отца таким, каким я его ношу в глубине моего сердца… Именно сегодня исполняется три года, когда мой отец скончался по дороге в больницу… Это не первое и не единственное убийство в нашей семье. Мои родители происходили из грекокатолической семьи украинских священников. В те годы именно священники и учителя пробуждали национальное сознание украинского народа, прежде всего крестьянства. Почти вся семья моего покойного отца и моей матери погибла от рук врагов… КГБ планировал схватить нас, детей, вывезти в Советский Союз, сломить наше сопротивление всеми ужасными способами, которые там сегодня практикуются, и сделать из нас коммунистов, чтобы мы осудили деятельность нашего родного отца… Мой незабвенный отец воспитал нас в любви к Богу и Украине. Он был глубоко верующим христианином и погиб за Бога и независимую, вольную Украину — за свободу всего мира. Мой блаженной памяти отец, который олицетворял эти великие идеалы, останется путеводной звездой всей моей жизни, как и для моего брата и моей сестры, так и украинской молодёжи…

Наталья закончила своё выступление и посмотрела в зал. Мистер Керстен, поймав её взгляд, торжествующе показал большой палец, а доктор Нойвирт приложил правую руку к сердцу и поклонился.

Вдова Ребета Дария говорила суше и строже. Но Наташе Бандере запомнились её слова: «Всё то, что тут в эти дни обнаружилось, я воспринимаю как глубокую и жестокую трагедию. У меня нет к обвиняемому чувства злости и ненависти. Чисто по-человечески обвиняемого можно пожалеть, и я вовсе не требую, чтобы он был строго наказан. Дело Сташинского я рассматриваю именно как явление, которое есть зеркальное отражение трагической судьбы всего нашего народа…»

Зал судебных заседаний. 19 октября

Закончив чтение пространного устного обоснования приговора, президент Уголовного сената доктор Генрих Ягуш решил передохнуть. Сделал несколько глотков любимой минеральной воды Gerolsteiner Sprudel, посмотрел на притихший в ожидании зал и продолжил:

— Перехожу к определению срока наказания. Подсудимый по чужому приказу собственноручно убил двух человек. Но был при этом лишь инструментом в руках бессовестных людей. Он это в итоге осознал и раскаялся, ничего не скрывая и не приукрашивая… Со своим прошлым он порвал при чрезвычайно тяжёлых обстоятельствах и опасным для него способом… Он боролся и победил. О безжалостных методах политической борьбы, которые осуждаются любой цивилизацией, он, невзирая на угрозу для себя самого, довёл до сведения мирового сообщества… Нет оснований взваливать на него ещё и вину его закулисных руководителей. Им не избежать наказания… Наказание не должно уничтожать подсудимого. Насколько это возможно, оно должно помочь ему в покаянии. Наказание за каждое покушение, совершённое им, — по шесть лет каторжной тюрьмы, за предательские связи — ещё один год. Суд считает, что для искупления вины обвиняемому достаточно общего наказания — восемь лет каторжной тюрьмы с учётом времени следствия.

«Живут и умирают человеки…»

«Ну вот и всё, — тоскливо размышлял экс-резидент Сергей, тупо глядя в иллюминатор военно-транспортного самолёта, совершавшего рейс Берлин — Москва. — Прощай, Германия, теперь уже навеки… Спасибо тебе, камрад „Крылов”, поклон тебе земной».

Сразу после побега ликвидатора сразу 17 сотрудников резидентуры, базирующейся в Карлсхорсте, были отозваны в Москву и вскоре сняты с должностей. Даже глубоко законспирированный агент Александр Святогоров, много лет содержавший в Мюнхене украинский ресторан, координируя местную агентскую сеть, был вынужден спешно свернуть все дела, обрубить контакты и вернуться в Союз.

«Какой же сукой оказался!» — проклинали своего бывшего коллегу в Комитете. Суку было не жалко. Жалко было собачку, застреленную в берлинском лесочке Богданом при испытании стрелковых характеристик спец-оружия…

На карьере Александра Николаевича Шелепина предательство одного из самых успешных ликвидаторов Комитета никак не отразилось. Даже, пожалуй, наоборот. В сентябре 1961 года председатель КГБ уже пересел в новое кресло, став секретарём ЦК КПСС. А ещё через год «железный Шурик» возглавил Комитет партийно-государственного контроля, одновременно занимая должность заместителя председателя Совета министров СССР[32].

Сергей же, разумеется, оказался в числе «жертв Сташинского», надолго угодив в самый «глубокий резерв». Что ждало его в будущем? В лучшем случае — какая-нибудь незначительная работёнка в аппарате Комитета, например в архиве, или ссылка в одно из областных управлений. Страна огромная, он мог оказаться хоть в Калининграде, хоть в заштатном Донецке или на Дальнем Востоке. Ну а худший вариант — неполное служебное соответствие, внутреннее расследование, суд и — нары.

Накануне суда в Карлсруэ (Сергей по-прежнему внимательно отслеживал развёртывание событий в Западной Германии) его неожиданно вызвали к руководству. Разговор был короток: командировка в Федеративную Республику. Цель — Сташинский.

— Это твой последний шанс, — сказали ему на прощание. — Как говорится, пан или пропал…

— Сергей, полюбуйся, — попытался отвлечь соседа от грустных мыслей и созерцания видов в иллюминаторе сидевший

рядом полковник Георгий Санников, приданный ему в качестве напарника. Он протянул ему номер гамбургского еженедельника «Билд зейтунг», первую полосу которого украшал огромный заголовок «Приговор года — убийцы сидят в Москве!».

Сергей по диагонали быстро пробежал отчёт с пресс-конференции в Карлсруэ. Обратил внимание на заявление адвоката семьи Бандеры какого-то Керстнера: «Приговор Высшего немецкого суда справедлив, и он является великой победой правды. Он изобличает советско-коммунистическое правительство как истинного убийцу… Советское правительство избрало Степана Бандеру в качестве жертвы, ибо он был символом национальной борьбы против российского господства над нерусской нацией, над Украиной. Коммунистический Совет министров отдал приказ убить его. Российская наука создала пистолет, заряженный отравляющим цианистым калием. Росссийские спецслужбы разработали план и заставили Сташинского исполнить его. Российское правительство наградило Сташинского за преступление, отметив убийство высокой правительственной наградой».

— Вот скотина! — выругался Сергей. — Георгий, как только мы подберёмся к Сташинскому, ты исчезнешь. Он мой. Я убью его. А потом себя. Я один виноват в том, что вовремя не разглядел предателя…

Но крепостные стены старой немецкой тюрьмы оказались неприступными.

Отсидел ли убийца Сташинский свой срок полностью — неизвестно. Да это и не важно. Хотя, по некоторым данным, уже в 1966 году он был выпущен на свободу и тайно переправлен в США. В украинских эмигрантских кругах ходили упорные слухи, что Сташинскому в Штатах сделали пластическую операцию, а затем, выжав из него всю более или менее ценную информацию, отправили безбедно доживать век в Южную Африку. Кто-то божился, что встречал человека, похожего на Сташинского, в магазинчике на Ukrainian Village в Чикаго. Всё может быть…

Западная Украина в 2009 году пышно отпраздновала 100-летие со дня рождения и 50-летие со дня гибели Степана Андреевича Бандеры. Лидеры Союза националистической украинской молодёжи откровенно заявляли: «Те идеи, за которые боролся Степан Бандера, актуальны и сегодня. Это идеи националистичности революционного движения на Украине. Мы, молодая генерация националистов, принимаем его идеи вновь на вооружение… завтра встанут новые полки и батальоны членов ОУН, которые поведут нацию к победе. Даже если эта победа

будет обагрена кровью. Нация превыше всего! Украина превыше всего! Слава Украине, слава бессмертным идеям националистической революции, украинскому национализму! Слава Степану Бандере!»

Как священные реликвии, ветераны УПА и их наследники хранят свою форму (не ту, конечно, в которой они в своё время колобродили по карпатским лесам, устраивали засады на москалей и хоронились в крыивках. Нет — новенькую, сшитую на заказ по старым образцам нынешними модными портными). В этой форме они выходят на торжественные марши и митинги-реквиемы. Там звучат гневные речи: «Сегодня наследники тех, кто в 1959 году отдавал приказ убить Степана Бандеру, руководят Газпромом и разрабатывают операции, чтобы задушить нашу независимость. Для них, как и полвека тому назад, Украина существует только как географическое понятие, которое к тому же представляет угрозу их власти. Но для нас, как и для Степана Бандеры при жизни, Украина — больше, чем география. Это единственное место на земле, где мы можем устраивать свою жизнь, как хозяева… Бандера с нами…»

Александр Солженицын в своем «Архипелаге ГУЛАГ» задавал вопрос себе, да и всем нам:

«Почему нас так раздражает украинский национализм?.. Раз уж мы не слились до конца, раз уж мы разные в чём-то… очень горько! Но раз уж это так, раз упущено время… почему нас так раздражает их желание отделиться? Нам жалко одесских пляжей? Черкасских фруктов?..

Но большой опыт дружественного общения с украинцами в лагерях открыл мне, *как* у них наболело. Нашему поколению не избежать заплатить за ошибки старших.

Топнуть ногой и крикнуть: „Моё!" — самый простой путь. Неизмеримо трудней произнести: „Кто хочет жить — живите!" Как ни удивительно, но не сбылись предсказания Передового Учения, что национализм увядает. В век атома и кибернетики он почему-то расцвёл. И подходит время нам, нравится или не нравится, — платить по всем векселям о самоопределении, о независимости, — самим платить, а не ждать, что нас будут жечь на кострах, в реках топить и обезглавливать… Не уступать — безумие и жестокость. И чем мягче, чем терпимее, чем разъяснительнее мы будем сейчас, тем больше надежды восстановить единство в будущем. Пусть поживут, попробуют, — предлагал писатель, и предсказывал: — Они быстро ощутят, что не все проблемы решаются отделением…»

Все жаркие споры, столкновения мнений, дебаты, доходящие до мордобоя и взрывов памятников, — лишнее подтверждение

мысли, высказанной в самом начале нашего повествования: Степан Бандера был и остаётся незаурядной личностью, сотканной из сплошных противоречий.

В своё время писал один грустный, тонкий, но, увы, малоизвестный широкому читателю поэт-лирик, он же бывший генеральный секретарь ЦК КПСС и экс-председатель Комитета госбезопасности СССР Юрий Владимирович Андропов:

> Мы бренны в этом мире под Луной. Жизнь — только миг.
> Небытие — навеки. Кружится во Вселенной шар земной.
> Живут и умирают человеки…

Литература

Абрамов В., Харченко А. Бандера воспитывал себя колбасой и был «бабой» // Сегодня. 2009. 15 октября.

Андрюхин В. «Берлога» для Бандеры // Дело. 2001. 19 января.

Баган А. Националисты и националистическое движение // Дрогобыч: Возрождение, 1994.

Бандера С.А. Мои жизнеописательные данные. Стрый: городская типография, 1998.

Бердник М. «Наши боевики подвергли нападению все города и сёла области ещё до прихода немецкой армии», — с гордостью писали бандеровцы // 2000. 2006. 6 октября.

Берекета Б. Багряными дорогами / Голос Украины (Киев). 1992. 26 июня № 119 (369).

Билас И. Репрессивно-карательная система в Украине. 1917–1953. Общественно-политический и историко-правовой анализ. Киев: Лыбедь — Войско Украины, 1994. Т. 2.

Борец Ю. ОУН и УПА в борьбе за Украинское Государство. Львов: Логос, 2002.

Бузина О. Ветераны УПА пилили пленных, как брёвна // Сегодня. 2007. 19 мая.

Бурде Дж. Женщины-агенты и националистическое подполье на Западной Украине, 1944–1948 // www.history.neu.edu.

Василъко Р. Преступление: кто точил топор? // www.oun-upa.org.

Васъкович Г. Жизнь и деятельность Степана Бандеры // Украинская корреспонденция (Мюнхен). 1964. 1 октября. № 8.

Веденеев Д. К истории наградной системы УПА // povstanets.kiev.ua.

Веденеев Д. Разведывательная деятельность Украинской Повстанческой Армии (1943–1945) // Проблемы истории Украины: факты, суждения, поиски: Сб. научных работ. Вып. 10.

Веденеев Д., Егоров В. Меч и трезубец. Заметки к истории Службы безопасности ОУН // Из архивов ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ. 1998. № 1–2 (6–7).

Веденеев Д., Шаповал Ю. Западня для «Рыцаря» // Военно-исторический альманах. 2002. № 4.

Вейгман С. До встречи в Баварии… // Столичные новости. 2002. № 22 (218).

Вечный позор Польше, оплоту варварства в Европе: Сб. Нью-Йорк, 1978.

Вовк А. Неизвестные страницы истории УПА // Войско Украины. 2001. № 11–12.

Воронцов ВНазаров Е. Бандеровцы в лагере Аушвиц // 2000. 2010. 12 марта.

Вьятрович В. Рейды УПА по территории Чехословакии // Летопись УПА. Т. 2. Киев, 2001.

Герасимчук В. Украинофобия наследников Степана Бандеры // ua.mrezha.ru.

Гладков Т.К. С места покушения скрылся. М.: Гея, 1998.

Гладков Т.К., Кизя Л.Е. Сидор Ковпак («ЖЗЛ»). М.: Молодая гвардия, 1973.

Гогун А. Как «народные мстители» мстили народу // Освободительный путь. 2004. № 3 (672).

Гогун А. Как погиб генерал Ватутин // Посев. 2004. № 5 (1520).

Гогун А. Концлагерь Заксенхаузен // Русская мысль. 2002. 31 января. № 4394.

Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. СПб.: Нева, 2004.

Гогун А., Вовк А. Евреи в борьбе за независимую Украину // Корни. Январь — март 2005. № 25.

Голуб А. А что это был за один? // Коммунист. 2001. 17 октября. № 44.

Гордасевич Г. Степан Бандера: человек и миф. Львов, 2001.

Данилов А. Западная Украина 40—50-х годов // 2000. 2009. 19 декабря.

Добрюха Н. Хрущёв жулик высшего пошиба // Аргументы и факты. 2007. 27 июня. № 26 (1391).

Дубина А. Геополитическая трагедия ОУН — УПА // Киевскш Телеграфъ. 2002. 11 декабря.

Дума Ю. Великий Кобзарь как символ раскола Украины (Размышления после Шевченковского праздника) // zadonbass.org 13 марта 2007.

Дюков А. Второстепенный враг: РУН, УПА в решении еврейского вопроса. М.: REGNUM, 2008.

Дякив-Горновый О. Вклад ОУН в дело создания и развития УПА // oun-upa.org.ua.

Евген Коновалец и его эпоха: Сб. Мюнхен, 1974.

Загороднюк Л. Не погибнешь героем, умрёшь предателем // Войско Украины. 2004. № 1–2.

Кипиани В. Прерванный «плевок» // www.oun-upa.org.

Кипиани В. Украинцы против уркаганов // Украина молодая. 2005. 15 февраля. № 28.

Крайний И. В крыивке как в шапке-невидимке // Украина молодая. 2004. 18 декабря. № 239.

Кук В. Степан Бандера // Ивано-Франковск: Лилея-НВ, 1999.

Лебедь М. Украинская Повстанческая Армия, её генезис, рост и деятельность в освободительной борьбе украинского народа за Украинскую Самостоятельную Соборную Державу. Ч. 1: Немецкая оккупация Украины (репринтное издание) // Дрогобыч, 1993.

Левицкий П. Лев, которого убили перед Бандерой // www.ukrainews.ru. 2009. 14 октября.

Летопись УПА. Новая серия. Киев; Торонто, 1999. Т. 2.

Лиховий ДШовкун Л. Лев Ребет демократ в ОУН и первая жертва КГБ // Украина молодая. 2011. 12 октября.

Лозунъко В. Нацистский подручный Бульба-Боровец // 2000. 2008. 5 декабря.

Лозунъко В. Президент Янукович и Герой Украины Степан Бандера // 2000. 2008. 5 марта.

Лосев И. Феномен бандерофобии в русском сознании // Русский глобус. 2004. Апрель.

Луканов Ю. Убийца, умевший любить// Всеукраинские ведомости. 1997. 16 октября.

Малащук Р. Из книги моей жизни. Т. 1. Торонто, 1987.

Масловский В. С кем и против кого воевали украинские националисты в годы Второй мировой войны. М., 1999.

Мельник О. Операция «Висла»: 60 лет, чтобы познать историческую правду // Правительственный курьер. 2007. 28 апреля. № 77.

Мечник С. Под тремя оккупантами. Лондон: Украинский Издательский Союз, 1958.

Мирчук П. Степан Бандера символ революционной бескомпромиссности. Нью-Йорк; Торонто: Организация Защиты Четырёх Свобод Украины, Лига Освобождения Украины, 1961.

Мудрик-Мечник С. Революционная ОУН под руководством Степана Бандеры. Стрый: Увис, 1993.

Мусафирова О. Героям — слава? А Бандере? // «Комсомольская правда» в Украине. 2010. 23 июня.

Николаюк В. Во Владимир-Волынском уезде // Летопись УПА. Т. 5. Торонто, 1984.

Онацкий Е. В вечном городе. Записки украинского журналиста. Годы 1931–1932. Торонто: Новый путь, 1981.

Орлик М. (Мирон Д.) Идея и чин Украины. Киев: Украинский издательский Союз, 2001.

Перекрест В. У нас был свой «момент истины» // Известия. 2003. Октябрь.

Пикалов В. Украинский фашизм: страшная правда об УПА // Казачье слово. 2004. 21 января. № 1.

Плотников Н. Спецслужбы борются с терроризмом // Новое военное обозрение. 2001. № 2.

Полтава П. Кто такие бандеровцы и за что они борются? Дрогобыч: Возрождение, 1995.

Ребет Л. Свет и тени ОУН. Мюнхен, 1964.

Реквием по стене. К 20-летию падения Берлинской стены // Континент. 2010. № 144.

Росов О. Советская Украина и подполье ОУН: мир был возможен // 2000. 2009. 19 декабря.

Санников Г. Как убивали Степана Бандеру // Аргументы и факты. 2000. 8 ноября. № 45 (1046).

Сватко Я. Бандера с нами // maidan.org.ua.

Сватко Я. Обретёшь Украинскую державу или падёшь в борьбе за неё // portal.lviy.ua — 30 декабря 2003.

Сергийчук В. Десять бурных лет. Западноукраинские земли в 1944–1953 гг. Новые документы и материалы. Киев, 1998.

Служба безопасности ОУН(б) // raven.kiev.ua.

Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М.: Советский писатель, 1989.

Сопелъняк Б. Степан Бандера — кровавые будни // Национальная безопасность. 2008. 22 мая.

Сталинские депортации народов // 2000. 2008. 12 сентября.

Стенограмма совещания секретарей обкомов КП(б)У, нач. обл-управлений МВД, МГБ, командующих военными округами // Центральный госархив общественных организаций Украины (ЦГАООУ). Ф. 1 ЦК Компартии Украины. Особый сектор. Секретная часть. Оп. 23. Д. 2884. Л. 39.

Сушинский Б. Рыцарский крест. Одесса: ЯВФ, 2006.

Телеховский Ю. Украинско-польские отношения: некоторые факты и соображения относительно объективной оценки прошлого // Из архивов ВУКЧ — ГПУ — КГБ. 2001. № 02 (17).

Ткаченко С. Повстанческая Армия: тактика борьбы // Минск; М.: Харвест; АСТ, 2000.

Толочко П. Национально-освободительные состязания или гражданская война? // 2000. 2008. 17 октября.

Украинский национализм: исследования, интерпретации, портреты: Сб. Дрогобыч: Возрождение, 1996.

Филиппчук Н. «Село окружили жолнеры и прежде всего принялись бить…» // Голос Украины. 2007. 28 апреля. № 76 (4046).

Хазан Л., Чайковский А. «Болезненный и хилый Бандера обладал чрезвычайными лидерскими амбициями и в борьбе за власть был беспощаден» // Бульвар Гордона. 2010. Январь. № 1 (245).

Чайковский А. Роман Шухевич в украинской истории: мифы и реальность // 2000. 2007. 18 мая.

Черкасов А. Враг моего врага // Ежедневный журнал. 2005. 8 мая

Шаповал Ю. Война после войны // Военная история. 2002. № 5–6.

Шишлянников М. Дети Романа Шухевича признали нацистский статус отца // 2000. 2010. 12 марта.

NN. Конгрегация Сестёр Служебниц Непорочной Девы Марии // Кредо. 2000. Декабрь. № 65.

notes

Примечания

1

Экзекутива — от *лат.* executio — «исполнительный», в данном случае — исполнительный комитет. *(Кроме указ. случаев примеч. авт.)*

2

Здесь в переносном смысле — медведи *(укр.). (Примеч. ред.)*

3

Жаль, история всё-таки ничему никогда и никого так и не учит. Иначе к чему было уже в 1990 году в родном селе Бандеры, том самом Угринове Старом, неведомым вредителям — по версии ОУН, минёрам Вооруженных сил СССР — дважды подрывать памятник, установленный знаменитому земляку? Кто выиграл? Взрывы на Ивано-Франковщине лишь способствовали тотальной бандеризации Западной Украины, пробуждению тлеющего интереса к личности убиенного лидера ОУН, «великомученика» Степана, которому Советы и после смерти не дают успокоения.

4

Морг — в старину в Польше и Литве единица измерения площади, равная приблизительно 0,56 га. *(Примеч. ред.)*

5

В послевоенные годы железнодорожная милиция входила в состав войск МГБ СССР.

Так в документе, автор письма называл эту семинарию общежитием.

Дядько (*укр.*). *(Примеч. ред.)*

8

Забегаловки, на Украине народное наименование торговой точки, где продают алкогольные напитки. *(Примеч. ред.)*

9

Бандера запомнил имя убийцы экс-министра Голуфки, но напрочь забыл фамилию того, кто расправился с генералом Перацким, — Гриць Мацейко.

10

Генерал-лейтенант КГБ СССР П. Судоплатов в своих мемуарах, опубликованных уже после его смерти, взял на себя ликвидацию Коновальца.

11

Великие зборы (собрание) украинских националистов.

12

Курень — здесь: войсковое подразделение Запорожской сечи. *(Примеч. ред.)*

13

Галич А. Баллада про генеральскую дочь.

Жёлто-голубой — цвет украинского флага. *(Примеч. ред.)*

15

Мазепинка — головной убор украинских сечевых стрельцов. *(Примеч. ред.)*

16

Семерка — мужская верхняя одежда, вид куртки. *(Примеч. ред.)*

17

После войны Скрипач был осуждён советским военным трибуналом на 20 лет лагерей.

18

В начале XXI века польские патриоты предложили проект памятника жертвам УПА в виде бронзового дерева с крыльями вместо кроны, на которых будут скульптуры детских тел.

19

Фальшивый «жуковско-бериевский приказ» был опубликован как «подлинный документ, обнаруженный в секретных советских архивах» в 1992 году в газете «Литературная Украина» (Киев).

20

Приводится с сохранением орфографии и стилистики источника.

21

Жолнёр — солдат-пехотинец в польской армии. *(Примеч. ред.)*

22

Идель-уральцы — волго-татарский легион мусульман в годы войны.

23

Галан Ярослав Александрович (1902–1949) — украинский драматург, публицист, член ВКП(б), лауреат Сталинской премии (посмертно). Убит во Львове активистами ОУН.

24

БНД — Федеральная разведывательная служба Западной Германии.

25

«Пивной сад» — пивной ресторан. *(Примеч. ред.)*

26

Сахаровский Александр Михайлович (1909–1983) — начальник 1-го Главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР, генерал — полковник.

27

Через пять лет во время судебного заседания в Карлсруэ была оглашена справка «Медицинский осмотр трупа»: «Мюнхен, площадь Карла, 8. 12 октября 1957 г. около 10.50 умер д-р Ребет. Причина смерти: вероятный паралич сердца. *Д-р Фишер Валъдемар».*

28

Ровно через 3 года после убийства Бандеры, день в день, выступая на процессе в Карлсруэ, адвокат убийцы, доктор Зайцель говорил: «Считаю, что Сташинский… является одним из самых порядочных, самых честных и чистых людей, которые когда-либо стояли перед судом. Он совершил проступок, но его наибольшая заслуга в том, что он признал свою вину и сожалеет, что совершил это».

Крипо — криминальная полиция. *(Примеч. ред.)*

30

Ульбрихт В. — первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (1950–1971), председатель Госсовета ГДР (1960–1971), в 1963 году был удостоен звания Героя Советского Союза.

31

В июле 1961 года из ГДР в Западный Берлин сбежало более 30 тысяч человек.

Правда, в 1975 году для Шелепина убийство Бандеры всё же аукнулось, когда он в качестве председателя Центрального совета профсоюзов вознамерился посетить Англию. «Благодаря» шумихе, поднятой британской прессой, Шелепину припомнили руководство КГБ, за которым тянулся кровавый след за пределы Советского Союза, в том числе и убийство лидера ОУН. Вскоре после «английского инцидента» Шелепина тихо убрали даже из профсоюзов. В его блестящей политической карьере была поставлена чёрная точка.